

ДОСТОПАМЯТНЫЙ ГОДЪ
Ж И З Н И
АВГУСТА КОЦЕБУ,

И Л И
ЗАТОЧЕНИЕ ЕГО ВЪ СИБИРЬ
И ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТТУДА,
ОПИСАННОЕ ИМЪ САМИМЪ.

~~~~~  
СЪ НѢМЕЦКАГО ПЕРЕВЕЛЪ

В. Кряжеевъ.

~~~~~  
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Издание второе.

~~~~~

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1816.

Печатана въ 1806 году съ одобренія
Коллежскаго Совѣтника, Профессора при
Императорскомъ Московскомъ Универси-
тетѣ и печатаемыхъ въ состоящей подъ
покровительствомъ Императорскаго Вос-
питательнаго Дома Типографіи книгъ
Цензора,

И. Гейла.

СОДЕРЖАНІЕ

в второй Часши.

Пріѣздъ въ Tobольскъ. — Первый разговоръ съ Губернашоромъ. — Квартира въ Tobольскъ. — Сдача ссылочнаго Полицейскому Офицеру. — Г. Киндяковъ. — Баронъ Сомаруга — Исторія удивленія достойной супруги его. — Купецъ Бекеръ. — Психологической феномень. — Надзорный Совѣтникъ Пеперсонъ. — Прошеніе на имя Государя. — Благодушіе Губернашора — Позволеніе нанять слугу. — Италіанецъ Росси. — Внезапное ограниченіе прежней сеободности. — Нѣжное состраданіе Tobольскихъ купцовъ. — Описаніе разныхъ родовъ ссылочныхъ. — Участь Подполковника изъ Рязани. — Образъ жизни Авшора въ Tobольскъ. — Нещасное положеніе Губернашора. — Описаніе Tobольска. — Рыбной рынокъ. — Театръ. — Маскерады и балы. — Климашъ Tobольскій. — Произведенія пошвы. — Болѣзни. — Объявленіе необходимости осипавить Tobольскъ. — Продажа коляски и обманъ. — Пригошновенія къ ошѣзду. — Верховная жрица солища. —

Часть II.

А.

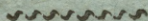
Ёзда въ Курганъ. — Ботаническая до-
 спопамятность. — Госпепріимство Си-
 бирскихъ крещьянъ. — Пріѣздъ въ Кур-
 ганъ. — Описаніе городка — Пріемъ
 отъ первой начальствующей особы. —
 Исторія и характеръ Надворнаго Совѣ-
 ника де Грави. — Полякъ Иванъ Соко-
 ловъ. — Первая отведенная квартира. —
 Описаніе нѣкошорыхъ почетныхъ лицъ
 въ Курганѣ. — Исторія благороднаго
 Поляка. — Наемъ квартиры для Автора
 и описаніе оной. — Умѣренный споль. —
 Образъ жизни Автора и его суевѣріе. —
 Сосѣдственныя Киргизцы. — Охота. — Про-
 гулки по берегу Тобола. — Курганскія дѣв-
 ки. — Расположеніе къ побѣгу. — Опи-
 саніе имениннаго пира. — Авторъ не-
 ожидаемо освобождается. — Учасіе Кур-
 ганцовъ. — Церковный праздникъ — Про-
 щаніе съ Соколовымъ. — Отъѣздъ изъ
 Кургана. — Князь С — йй. — Безумный,
 ползующій на чешверенькахъ. — Сцена въ
 Ташарской деревнѣ. — Пріѣздъ въ То-
 больскъ. — Доказательства великодушія
 Павла І. — Курьеръ Карповъ. — Росси-
 вортъ. — Отъѣздъ изъ Тобольска. — Бо-
 лѣзни — Сибирская граница — Неперпѣли-
 вость Автора и безпечность курьера. —
 Василій Сукинъ. — Ссылочной купецъ. —
 Опасность въ Кунгурѣ. — Ссылочные и
 колонисты — Казань. — Пребываніе шамъ, —

Разбой. — Мѣры предосторожности для безопасности почтъ. — Нижний Новгородъ — Гостепріимство. — Чаемый умыселъ къ разбою — Москва — Книгопродавецъ Куршнеръ. — Писатель Карамзинъ. — Вышній Волочекъ. — Пріѣздъ въ Петербургъ. — Пріемъ шамъ. — Первая горестная ночь. — Первая вѣсть о женѣ и дѣтяхъ. — Свиданіе. — Исторія Г-жи Коцебу. — (Послупокъ Курляндскаго Губернатора. — Праводушный пракширицкй Федеръ. — Генераль Эссенъ. — Совѣтникъ Вехшеръ. — Секретарь В-шъ. — Рига. — Благородный Губернаторъ Рихтеръ. — Графъ Сиверсъ. — Трогательная простота дѣшей. — Опѣздъ во Фриденшаль. — Пробствъ Кохъ и семейство его. — Полученіе письма и печальное его дѣйствіе. — Опѣздъ въ Ревель. — Кнорингъ и жена его. — Добродушная горничная Камерина Тенгманъ. — Неожиданное радостное извѣстіе. — Письмо Графа фонъ деръ Палена. — Милость Императора. — Ревельскіе жители. — Опѣздъ въ Петербургъ. — Нѣжное благодушіе Граумана. —) Трогательная сцена. — Графъ Паленъ. — Пожалованіе помѣстья въ Лифляндіи. — Письмо Тайнаго Совѣтника Брискорна. — Опредѣленіе въ Директоры Нѣмецкаго театра — Возвращеніе всѣхъ бумагъ. — Благородный послупокъ неизвѣстнаго. —

Причины освобожденія Автора. — Необычайная выдумка Государя. — Первой разговоръ Автора съ Нимъ. Препорученіе описать Михайловской Замокъ — Тщепная прозьба о увольненіи. — Послѣдній разговоръ съ Императоромъ. — Возшествіе на престолъ АЛЕКСАНДРА. — Возвращеніе ссылочныхъ изъ Сибири. — Освобожденіе Соколова. — Авторъ проситъ о увольненіи. — Отъѣздъ изъ Петербурга. — Заключение.

~~~~~

Часа черезъ при увидѣлъ я въ отдаленіи Тобольскъ, лежащій на крупномъ берегу Иртыша. Со многими своими церквами онъ кажется довольно живописнымъ, особливо верхняя часть города, гдѣ крѣпость и бывшій Генералъ-Губернаторскій домъ опмѣнный дѣлающъ видъ. Но послѣдній совсѣмъ опустошенъ пожаромъ и только издали прельщаетъ.

Провожатые мои проснулись. Щ.... нѣ предался непомѣрной радости; онъ шутилъ, пѣлъ и безпрестанно смѣялся. Напротивъ курьеръ сидѣлъ смирно и задумавшись: онъ зналъ, что здѣсь рѣшится судьба моя; онъ только изъ-подъ тиха на меня взглядывалъ и онъ него ничего не слышать было.

Теперь плыли мы частью нижняго городка, совершенно въ водѣ стоявшаго, гдѣ обыватели на лодкахъ другъ къ другу переплывали и дѣла свои

исправляли. Въ 4 часа по полудни при-
спали мы къ берегу 30 Мая неда-
леко отъ базару, послали за извозчи-
комъ съ кибиткой, бросили въ нее не
большіе наши пожитки и поѣхали пря-
мо къ Губернатору, жившему вверху
на горѣ. У дому его Ш....нъ на-
передъ вышелъ одинъ, а меня оста-
вилъ одного съ курьеромъ. Эта чеп-
верть часа была для меня изъ самыхъ
мучительныхъ въ моей жизни. Губер-
напорскіе люди выходили одинъ за
другимъ, сморѣли на меня и шеп-
тали между собою.

Наконецъ явился Ш....нъ, мигнулъ
мнѣ иди за нимъ, и повелъ садомъ
къ бесѣдкѣ, гдѣ Губернаторъ послѣ обѣ-
да отдыхалъ. Идучи я спросилъ его
только: „здѣсь ли я останусь?“ — И
онъ сухо отвѣчалъ мнѣ теперь: не знаю.

Бесѣдка была отворена. Ш....нъ
мигнулъ мнѣ, чшобъ я вошелъ; а самъ
остался назади. И такъ я смѣло во-
шелъ. Губернаторъ, господинъ Куше-
левъ, котораго мнѣ уже въ Перми хва-
дили какъ друга человѣческаго, былъ

по-старѣ сорока лѣтъ, съ умною, благородною фізіономією. Первыя слова его были: *parlez vous français*, Мопсьеур (*)? Мнѣ показалось, какъ будто Ангелъ съ неба говорилъ со мною: такъ я радовался тому, что наконецъ могу совершенно обѣясниться. Я поспѣшно выговорилъ: да. — Тогда просилъ онъ меня, не какъ арестанта, но какъ гостя, сѣсть возлѣ него и говорилъ: „Имя ваше мнѣ извѣстно; есть сочинитель одного съ вами имени.“

Ахъ, по несчастію, вздохнувъ сказалъ я, я самъ этакъ сочинитель!

Онъ изумился. „Какъ! сказалъ онъ; какъ это можно? За чѣмъ вы здѣсь?“

Я этого не знаю. Мнѣ того не сказано. По сихъ поръ я надѣялся, что по крайней мѣрѣ узнаю по описанію Вашего Превосходительства.

„Описаніе меня? — Я ничего не знаю, кромѣ что сказано въ этомъ повелѣ-

(*) Говорите ли вы по Французски, сударь?

ніи: что вы Коллежскій Ассессоръ Коцебу изъ Ревеля и поручаетесь моему присмотру.“ (Онъ показалъ мнѣ повѣніе, въ которомъ было только строкъ пять или шесть.)

Я не изъ Ревеля пріѣхалъ, но съ Прусской границы.

„Можетъ быть вы не имѣли позволенія отъ Государа? у васъ не было пашпорта?“

О конечно, былъ пашпортъ, даный отъ имени Его Императорскаго Величества отъ Министра.

Губернаторъ хотѣлъ - было что-то сказать, но удержался. „Развѣ вы совсѣмъ не знаете, продолжалъ наконецъ Губернаторъ, въ чемъ могли васъ почтитать виноватымъ?“

Совсѣмъ не знаю; и хотябъ мнѣ на эпомъ мѣсѣ умереть! Ваше Превосходительство легко повѣрить можете, что я во всю дальнюю такую дорогу довольно ломалъ себѣ голову, чиняи найши причину такого чрезвычайнаго поступка со мною.

(Губернаторъ послѣ нѣкотораго молчанія) „Я читалъ все, что изъ вашихъ сочиненій переведено на Руской языкъ, и очень радуюсь, что лично съ вами могу познакомиться, хотя бы ради васъ и не желалъ этого здѣсь.“

По крайней мѣрѣ для меня это великое облегченіе моего несчастія, что я попалъ въ руки такой особы, и надѣюсь, что мнѣ можно будетъ оспаться здѣсь при васъ.

„Сколько бы для меня самого выгодно было ежедневное обращеніе съ вами; однакожъ по несчастію долженъ вамъ открыть, что не въ моей волѣ соспоить исполнить это желаніе ваше.“

Я ужасно испугался. Такъ я даже и здѣсь не могу оспаться? возразилъ я прискорбно; не довольно ли уже и того несчастія, чтобъ почиташъ за милость пребываніе въ Тобольскѣ? не уже ли долженъ я еще да-те ѣхать въ немоцномъ моемъ состояніи?

„Сколько состоишь въ моихъ силахъ, но я теперь и всегда буду спараться о вашемъ облегченіи; но въ повелѣніи предписано мнѣ назначить вамъ мѣспопребываніе въ Tobольской Губерніи, а не въ самомъ Tobольскѣ, и вы знаете, что я во всей точности долженъ держаться повелѣнія. Между тѣмъ я предоставляю на вашъ выборъ всѣ маленькіе города моей Губерніи, исключая Тюмени, пошому что онъ лежить на протъжей дорогѣ.“

Я по сіе время такъ еще не знакомъ въ Сибири, что такой выборъ предоставивъ долженъ единственнно благоугодности Вашего Превосходительства, а прошу только позволивъ мнѣ остаться какъ можно ближе къ Tobольску.

Тогда назвалъ онъ мнѣ Ишимъ какъ самой ближній городъ (въ 342 верстахъ отъ Tobольска), но присовокупилъ къ шому: однакожъ дружески совѣтую вамъ лучше ѣхать въ Курганъ. Хотя онъ немного подалѣе (427 верствъ), но за то шамъ климатъ

гораздо сноснѣе: „это, сказалъ онъ улыбаясь, Ипалія Сибири и тамъ росли даже дикія вишни. Но что лучше вишенъ, то ипамоніи обыватели предобрые люди, съ которыми очень ужиться можно.“

Смѣю ли я по крайней мѣрѣ пробыть здѣсь нѣсколько недѣль, чтобы хотя отдохнувши отъ преиспѣнныхъ трудностей? — Онъ это, подумавъ немного, очень благосклонно позволилъ и общалъ, что самъ пришесть мнѣ Врача.

Теперь лежалъ у меня на сердцѣ трудной вопросъ. Могу ли я писать къ Государю? сказалъ я запинаясь.

„Конечно.“

И къ женѣ моей?

„То же; только въ пакетѣ на имя Генералъ - Прокурора, которой тогда письмо доставили, когда въ немъ ничего сомнительнаго не найдемъ.“

Съ облегченнымъ нѣсколько сердцемъ вспалъ я тогда. Онъ приказалъ отвесить мнѣ въ городъ хорошую квар-

тиру, и я опкланялся вмѣстѣ съ Щ. . . . нымъ.

„Здѣсь ли вы останетесь? спросилъ меня Щ. . . . нѣ, идучи назадъ.“ — Нѣтъ! опвѣчалъ я ему коротко и сухо; но курьеру я все разсказалъ. — Щ. . . . нѣ сказалъ мнѣ: Губернаторъ де желалъ опѣ меня узнать, не родня ли вы какому-то сочинителю одинакаго имени; но я де не могъ ему ршного сказать. — Я усмѣхнулся. Вообще забавно было видѣть, какъ онъ дивился, видя мало по малу, что такъ многіе люди въ Tobolskъ меня знали и ласкали. По истинѣ сказать, я и самъ опнюдь не чаялъ, что въ такой опдаленной, суровой странѣ могъ найти столько знакомыхъ, и даже смѣю сказать, столько сосрадапельныхъ друзей. Однакожъ не спану прерываю моего повѣсповѣанія.

Полиція назначила намъ квартиру, которую обыкновенно сначала опводятъ всякому нещасному чиновному ссылочному. Тутъ двѣ совершенно пустыя комнаты у мѣщанина, которой,

нося эту повинность безъ плащы, натурально не имѣя охоты убирать получше эту ккарпиру. Перебишныя окна, голая стѣны съ лоскушамы бывшихъ обоевъ, гадины премножества, большія лужи передъ окнами и опѣтого преняжелой духъ : вопль шаковыпо были пріятности, которыя съ перваго взгляду я увидѣлъ ; но это все еще было любо для челоука, опасавшагося, что его въ шемную пюрму посадишь : ибо не могъ ли я всего ожидать ? Теперь я подлинно немного покойнѣе спалъ ; ибо неизвѣстность меня уже не мучила. Я споялъ уже на вершинѣ моего несчастія и безпреставленно обозрѣвалъ все мое положеніе.

Щедростію, показавшеюся хозяину моему рѣдкою, но мнѣ привычною, скоро я довелъ до того, что мы достали нѣсколько дурной мебели, именно столъ и пару деревянныхъ скамеекъ. Кровати получишь я не могъ надѣяться. Да для меня уже и не новое было разослать на-земь

плащъ мой, и покрываться спарымъ шелковымъ моимъ рединкотомъ, въ которой прежде всегда закупывали меньшаго моего робенка, когда его переносили куда по улицѣ или на сквозномъ вѣпру. Не знаю, какъ случилось, что горничная жены моей сунула мнѣ въ коляску эпомъ рединкотъ; но понынь еще благодарю ее за то: ибо онъ мнѣ напоминалъ многія сладостныя чувствованія. — Здѣсь купилъ я себѣ также шюфакъ. Смертная поспель моя! подумалъ я, какъ въ первой разѣ на него бросился; и теперь еще, пишучи это, такъ думаю.

Съ часъ послѣ того, какъ мы расположились въ нашей кварширѣ, пришелъ Полицейскій Офицеръ съ унперъ-офицеромъ и формально привялъ меня отъ Ш. . . . на, до котораго мнѣ съ того времени, къ великой радости моей, никакого дѣла не было. Полицейскій Офицеръ (по имени Капалинскій) былъ молодой человекъ оимѣнно пріятнаго лица. Онъ очень вѣжливо сказалъ мнѣ, что всякой день по

ушрамъ будетъ навѣдываться о моемъ здоровьѣ, какъ онъ для формы долженъ ежедневно обо мнѣ рапортовать. Униеръ-офицеръ, примолвилъ онъ, останелся хопя при васъ, но не караулишь, а прислуживать вамъ долженъ. Потомъ онъ меня оставилъ и во все мое пребываніе въ Тобольскѣ никогда мнѣ въ пятоспѣ не былъ.

Какъ скоро Щ. . . . нъ избавился пятоспѣ охраняиъ меня, то пошелъ, обѣщая привести ко мнѣ пріятеля, котораго онъ годъ тому назадъ также провожалъ сюда и дорогою уже мнѣ его часто очень хвалилъ. Какъ я по многимъ причинамъ мало полагался на его похвалу, то и не имѣлъ желанія познакомиться съ его пріятелемъ. Но шѣмъ пріятнѣе было мое обрадованіе, когда я скоро послѣ того въ Г. Киндяковъ нашелъ молодого, самаго образованнаго человека. Онъ началъ говорить со мною по Французски; увѣрялъ, что знаетъ и уважаетъ меня какъ автора; обѣщалъ оказывать мнѣ всевозможныя услуги;

Часть II.

Б

жалѣлъ о моей участи и что мнѣ должно было ѣхать съ такимъ человекомъ.

„Но эпонимъ человекъ называется вашимъ пріятелемъ?“

Сохрани меня Богъ отъ такого пріятеля! Вы понимаете, что мнѣ должно было обходиться съ нимъ ласково.

Киндяковъ, сынъ достаточнаго Симбирскаго Дворянина, сосланъ былъ съ двумя своими братьями и еще тремя Офицерами сюда по доносу предавшаго за нѣкоторыхъ вольныхъ шутки на веселомъ пиру. Изъ всѣхъ его товарищей ему только досталось щастіе остаться въ Тобольскѣ. Человекъ двухъ послали въ Иркутскъ; меньшей его братъ содержался скованный въ крѣпости за 4000 верстъ отъ Тобольска, а другой въ Березовѣ.

Для меня немалое утѣшеніе было найши человека, имѣвшаго благороднѣйшія мысли и нѣжнѣйшія чувствованія, съ которымъ я уже въ первую четверть часа свелъ нѣкоторую

дружбу. Онъ упомянулъ, что у него есть маленькая библиотечка: — какое извѣстіе! онъ обѣщалъ мнѣ книгъ — какое щастіе! — Онъ же рассказалъ мнѣ, что многія изъ моихъ піесъ играются на Tobольскомъ театрѣ конечно очень плохо, но съ великою похвалою. — На послѣдокъ предложилъ онъ мнѣ для житія домъ свой и столъ, когда Губернаторъ то позволитъ; и такъ мы черезъ часъ распались очень довольны другъ другомъ.

Многіе ссыльные приходили ко мнѣ одинъ за другимъ. Какой-то Баронъ Соммаруга, изъ Вѣны родомъ, по словамъ его Полковникъ въ Австрійской службѣ и Кавалеръ ордена Маріи Терезіи, имѣвшій въ Ригѣ любовное приключеніе и поединокъ, и какъ онъ утверждалъ, за то сосланный. Неблагопріятствуемый, но сильный соперникъ у его любезной и шеперещей жены приготовилъ ему эту участь, но самъ никакой пользы отъ того не получилъ: ибо молодая, едва осьмнадцатилѣтняя жена черезъ двѣ недѣли

послѣ отпращиванія своего мужа, оставя свою родину, родителей и друзей, одна одиноконька, не разумѣя ни слова по Руски, съ однимъ только извозчикомъ послѣдовала мужу своему въ заоченіе. Въ Москвѣ она свѣдала, что онъ лежишь больной въ Твери; потчасъ ворошилась она, нашла его въ Твери, ходила за нимъ до его выздоровленія и потъхала послѣ съ нимъ въ Тобольскъ, гдѣ я самъ ее видалъ и дивился твердой любви ея. Она и мнѣ доказала доброе свое сердце; ибо какъ я сначала (не по недоспашку денегъ, но по незнанію пригоспавленія) ничего не ѣдалъ, кромѣ сухаго хлѣба, то она часто присылала мнѣ супу и жаркаго со снола своего.

Другой сосланный былъ * * *, богатой старой человекъ, которой, какъ сказывали, за лихоимство нѣсколько лѣтъ уже находился здѣсь и очень изрядно жилъ. Онъ зналъ разные языки, былъ очень пріятенъ въ компаніи и доставлялъ мнѣ Нѣмецкія и Французскія вѣдомости.

Три купца изъ Москвы, два Француза и Нѣмецъ, по имени Бекеръ, были также въ числѣ несчастныхъ за провозъ запрещенныхъ товаровъ. Особливо послѣдній казался пречестной, услужливой человѣкъ. Жена его поѣхала въ Петербургъ поспѣшась о его освобожденіи; а елики ей это не удалось, то ожидалъ онъ ее съ дѣтьми по первому зимнему пути. Онъ эшимъ возбудилъ во мнѣ утѣшительную мысль, что можетъ быть тогда и мое семейство вмѣстѣ придетъ.

Три или чепыре Поляка, коиъ имена забылъ, и бывшіе здѣсь по винамъ полишическимъ, также приходили ко мнѣ. Они были самые бѣдные шляхтичи, получавшіе каждый по 20 копѣекъ на день изъ казны на свое пропитаніе. Словомъ, компанія моя ни на минуту не оставалась пуста, и правду сказать, мнѣ это было въ тягосѣ; я былъ радъ, когда по наступленіи вечера безъ помѣхи могъ

броситься на жесткую свою постель и занявшись своими мыслями.

Наконецъ я заснулъ, и въ эту ночь случился со мною крайне странный случай, коего объясненіе предоспаваю моимъ друзьямъ Гуфланду и Галлю. Около полуночи я проснулся, и мнѣ показалось, какъ будто я на корабль; я не только чувствовалъ то самое движеніе, но слышалъ и шумъ волнъ и даже крикъ и опзывъ мапросовъ. Припомъ я совершенно помнилъ себя. Какъ я лежалъ на землѣ; по глядя къ окну, могъ видѣть только небо, что и умножало еще мечтаніе. Однакожъ я помнилъ себя и для того всталъ, но тщетно. Во мнѣ какъ будто двѣ души между собою спорили, одна также сильно утверждала меня въ мечтѣ моей, какъ другая внушала, что это только обманъ! — Я бродилъ по комнатамъ, видѣлъ спящаго Ц. . . . на; видѣлъ, что все было, какъ вчера, подошелъ къ окну и устремилъ глаза пристально и долго на большое каменное зданіе,

напротивъ меня стоящее ; и одно это зданіе казалось мнѣ кораблями, а вокругъ мнѣ видѣлось открытое море. Куда меня тащущъ ? спросила одна душа. Никуда, отвѣчала другая ; ты въ комнатѣ своей. Это состояніе, коего спранныго мученія нельзя настоящимъ описатьъ, продолжалось съ полчаса ; мало по малу оно утихло и напослѣдокъ совсѣмъ прошло. Осталось только боязненное трепетаніе сердца и скоро содрігающійся пульсъ. Головной боли при томъ не было, ниже давленія, ни жару въ головѣ; пошому думаю, что мое состояніе было предшествіе сумасшествія.

На слѣдующее утро пришелъ ко мнѣ Надворный Совѣтникъ Пеперсонъ, Генералъ - Штабъ - Лѣкаръ въ Тобольскѣ, родомъ изъ Ревеля. Онъ конечно очень легко и естественнo объяснилъ мой случай предыдущими многими беспокойствами. Для меня это объясненіе было не довольно психологическо ; но я сомнѣваюсь самъ, чѣмъ можно было сдѣлать оное удовлетвори-

желнѣ. Впрочемъ я честнаго этого
человѣка принялъ съ благопріятѣй-
шимъ предубѣжденіемъ; ибо онъ былъ
землякъ жены моей! Но и безъ того
онъ бы скоро сердечнымъ, непримор-
нымъ состраданіемъ своимъ приобрѣлъ
довѣренность мою. Во все пребываніе
мое въ Тобольскѣ оказывалъ онъ мнѣ
ежедневно челоѣколюбіе свое; и оно
сопровождало меня даже въ уединеніе
мое: ибо ему одному одолженъ я за не-
большой запасъ нужнѣйшихъ лѣкарствъ,
которыя неогнѣнны для меня были въ
Курганѣ, гдѣ я долженъ былъ самъ се-
бя лечить. Онъ и въ Тобольскѣ все-
возможныя употребилъ старанія, чтобъ
уговорить Губернатора оставить меня
тамъ; но я подлинно вѣрю, что это
не въ Губернаторской волѣ было; ибо
въ повелѣніи, получаемомъ онъ прово-
жаемаго каждаго арестанта, сказано
была: „или арестантъ отпра-
вляется въ Тобольскъ, или въ Тоболь-
скую Губернію.“ Въ послѣднемъ случаѣ
означается иногда и мѣсто, куда его
должно препроводить, на прим. Бере-

зовъ , Омскъ и проч. А еслибы того не сказано , то Губернаторъ можетъ самъ назначить мѣсто ; и на этомъ-то основательствѣ новые мои приятели основали надежды свои , что можетъ бывъ упростиъ его оставить меня тамъ. Но по правилу Губернаторъ не можетъ никогда назначить Губернскаго города ; и еслибы онъ иногда по особенной благосклонности опуститъ онъ того , то бывающъ это только въ разсужденіи не очень извѣстныхъ людей , о которыхъ можно полагать , что объ нихъ болѣе не спросится. Но я по несчастію слишкомъ былъ извѣстенъ , и ссылка моя сопряжена была съ необыкновенными основательствами , по которымъ она становилась важнѣе многихъ иныхъ. Поэтому Губернаторъ могъ опасаться тайныхъ доносовъ. Словомъ , все его обращеніе удостовѣрило меня , что ему самому въ душѣ прискорбно было , что не можетъ уважить предпачельства Врача моего , хотя онъ и поддѣлывалъ оное медицинскими причинами.

Однакожь онъ обнадежилъ меня иногда позволяшь мнѣ прїѣзжать въ Тобольскъ, когда состояніе моего здоровья того потребуетъ.

Весь первый день пробылъ я дома, и когда только не беспокоили меня нягосными посѣщеніями, то занимался прошеніемъ къ Государю, которое мнѣ теперь, собравъ прилежно все къ тому нужное дорогою, надобно было только почти переписать набѣло. Я раздѣлилъ его на осьмнадцать пунктовъ и на каждый приводилъ ясныя доказательства.

Слѣдующее писано мною по возвращеніи уже изъ Сибири.

Когда я почти кончилъ мое прошеніе, то III. . . нѣ собирался идти къ Губернатору. Я поручилъ ему узнать, въ какое время на другой день могу я къ Губернатору явиться, чѣмъ сообщить ему, что я написалъ. — Онъ къ собственному своему удивленію пришелъ мнѣ оповѣсть; отъ пяти часовъ утра до одиннадцати вечера Губернаторъ всегда радъ меня принимать.

Щ. . . нѣ не понималъ, какъ можно оказывать такое уваженіе сосланному!

На слѣдующее утро пошелъ я къ Г. Кушелеву безъ караула. Онѣ принялъ меня съ оплочною ласкою. Я прочиталъ ему свое прошеніе. Въ концѣ онѣ прослезился, взялъ меня за руку, пожалъ ее съ жаромъ и съ утѣшительнымъ убѣжденіемъ сказалъ: успокойтесь! ваше несчастіе вѣрно не можетъ быть продолжительно. — Помощь онѣ по милосердію своей еще разѣ самъ просмотрѣлъ съ великимъ вниманіемъ прошеніе мое и показывалъ каждое мѣсто, каждое слово, гдѣ думалъ, что полегче выраженіе будетъ дѣйствительнѣе. Я воспользовался его замѣчаніями, переписалъ помощъ все набѣло (на что онѣ самъ далъ мнѣ лучшей своей бумаги) и вручилъ тогда прошеніе ему. Онѣ обѣщалъ послать его прямо къ Государю съ Щ. . . нымъ, которому чрезъ нѣсколько дней должно было возвратиться въ Петербургъ. И онѣ исполнилъ свое слово.

Гдѣ вообще найти мнѣ доспапочныхъ словъ, чинобъ по достоинству изобразить оказанное мнѣ симъ мужемъ благодушіе! — Въ ея волѣ было сослать меня и въ Березовъ, на берегу Ледовитаго моря, гдѣ въ самые жаркіе лѣтніе дни земля едва на поларшина въ глубину опшасеваемъ; а онъ выбралъ мнѣ самой теплой климатъ своей Губерніи, и такой городъ, гдѣ онъ зналъ, что добрые обыватели живутъ. Въ Tobolsk могъ бы онъ предославить меня уединенной горесни и недоспапку; но онъ почти всякой день приглашалъ меня къ столу своему, не опасаясь взоровъ обоихъ Сенаторовъ, бывшихъ въ то самое время тамъ для обозрѣнія его управления: шѣхъ самыхъ, коихъ курьеръ такъ ужасно обманулъ меня въ надеждѣ моей въ Казани (*).

(*) Это были господа Левашовъ и Лопухинъ, коихъ благородные поступки со мною равно-мѣрно пребудутъ для меня незабвенны.

Онѣ сдѣлалъ еще болѣе того. Свѣдавъ, что я не довольно твердъ въ Рускомъ языкѣ, и отъ того часно долженъ быть въ затрудненіи, позволилъ онѣ мнѣ нанять слугу, коимъ бы, кромѣ Рускаго языка, разумѣлъ достаточнѣе еще какой другой. Такого человека не легко было найти: ибо во всемъ Tobolskѣ былъ только одинъ человекъ, Италіанецъ, по имени *Росси*, который согласился на то. Онѣ также былъ сосланный и жилъ уже двадцать лѣтъ здѣсь. Онѣ нѣкогда служилъ во флотѣ въ Херсонѣ и съ нѣкоторыми изъ товарищей своихъ сдѣлалъ заговоръ убить Офицера, начальствовавшего ихъ кораблемъ и опустить корабль къ Туркамъ; но заговоръ до исполненія еще открытъ былъ и Князь Пошмкинъ послалъ моего *Росси* въ Сибирь. Здѣсь хотѣя ему должно было записаться въ крестіанство и плащій обыкновенныя крестіанскія подаши; но всякой годъ получалъ онѣ отъ деревенскаго старосты паншорнѣ для прокормленія въ городѣ. А это онѣ

опмѣнно умѣлъ. Онѣ на все былѣ мастакѣ; сего дня работалѣ платье и сапоги, а завтра сосиски; напрашивался ко всякому чужому проѣзжему въ наемныя слуги, помогалѣ въ любовныхѣ дѣлахѣ, ѣздилѣ въ дорогу, естли не далѣе границѣ Губерніи; словомѣ, годился на все. Пріятная фозіомія и самой лукавой взглядѣ потчасѣ его опмичали. Наспоящее ремесло его было *обманываль*, и Губернаторѣ предостерегалѣ меня опѣ него, какѣ онѣ по сіе время сѣ сошню господѣ своихѣ обманулѣ и обокралѣ; но мнѣ некого было выбирать. — Этоѣ человекѣ такъ же пвердо говорилѣ по Французски, какѣ по Руски; сверхѣ того зналѣ шамошнюю спрану, вездѣ бывалѣ, умѣлъ спрянаѣ; словомѣ, онѣ для меня былѣ предорогой малой. И такѣ я его нанялѣ за шри сѣ половиною рубля въ мѣсяцѣ, сѣ моимѣ содержаніемѣ, а Губернаторѣ позволилѣ даже мнѣ взять его сѣ собою опѣѣзжая въ Курганѣ: и за такую милосѣ, естлибѣ свѣдали о томѣ въ Пенсербургѣ,

онъ бы легко могъ потерять свое мѣсто. Хотя Росси имя и не было означено въ моей подорожной; но Губернаторъ смотрѣлъ на то сквозь пальцы. Впрочемъ этотъ человекъ, зная всѣ деревни въ окрестности, вездѣ удачно пробирался.

Въ первые дни пребыванія моего въ Тобольскъ имѣлъ я, какъ уже сказано, совершенную свободу. Могъ ходить къ кому, и принимая у себя кого и когда хотѣлъ. Изъ комнаты моей рѣдко выходили посѣщающіе, и я самъ охотно и часто бывалъ у новаго моего друга Киндякова, который изрядно и покойно жилъ, и куда привлекала меня, опѣборная маленькая библиотечка, особливо лучшихъ Французскихъ твореній. Я ходилъ одинъ по улицамъ, ходилъ одинъ гулять за городъ и никуда за мною не примѣчалъ.

Но вдругъ это перемѣнилось. Однажды по утру Губернаторъ велѣлъ меня позвать къ себѣ и очень благосклонно открылъ мнѣ свои опасенія. Вашъ прїездъ, говорилъ онъ, все еще

много шуму здѣсь дѣлаетъ; потому я не могу почтывать васъ обыкновеннымъ сосланнымъ, и долженъ быть оспорожить. Провожатый вашъ Ш...нъ еще не думаетъ объ отъѣздѣ своемъ. Можете быть ему поручено секретно наблюдать мое обращеніе съ вами. Сенаторамъ можете также снравно показаться, когда я васъ стану слишкомъ оплывать. Потому для моей безопасности, а можете быть и для вашей собственной, долженъ я васъ впередъ нѣсколько ограничить. Прошу (благородный мужъ сей могъ приказать, а онъ просилъ) — прошу васъ, не принимайте у себя никого, кромѣ вашего Врача; и также не ходите ни къ кому, кромѣ къ нему и ко мнѣ: а домъ мой всегда вамъ открытъ.

Я просилъ его по крайней мѣрѣ выключить Г. Киндякова. Онъ пожалъ плечми, и хомя хвалилъ этого достойнаго молодого человека, котораго въ обществѣ очень любилъ, но при томъ намекнулъ мнѣ, что именно Киндяковъ хуже всѣхъ замѣченъ.

въ Петербургъ, и что донесеніе о моемъ обращеніи съ нимъ болѣе прочаго мнѣ вредишь можешь. Я поблагодаря его за милость, съ каковою онъ объяснилъ мнѣ свои причины, безмолвно повиновался.

По сіе время былъ при мнѣ только старой унтеръ-офицеръ Андрей Ивановъ, не дальній, самой добродушной старики, почти весь день спавшій. Теперь нарядили еще другаго помоложе, который однакожъ также мало меня беспокоилъ. Они служивали мнѣ, варили воду на чай, хаживали на рынокъ, за чѣмъ нужно было; но и всѣмъ, кромѣ Лѣкаря, приходившимъ ко мнѣ отказывали, и когда я куда выходилъ, то всегда одинъ изъ нихъ провожалъ меня. Я скоро примѣтилъ, что имъ приказано было смолчать, чтобъ никто со мною не говорилъ, и чтобъ я не ходилъ по чужимъ домамъ; впрочемъ они не мыслили мнѣ ходить по городу и за городъ, куда я хотѣлъ.

Черезъ пронырливаго моего Госси могъ я однакожъ легко пересы-

Часть II.

В

даться записочками съ новыми моими
пріяшелями. Мы часто назначали свиданіе на базарѣ въ покрытыхъ лавкахъ;
и между тѣмъ, какъ мы оба смогрѣли и будно торговали товаръ, говорили мы кой-что укладкой между собою.

Мы совершенно могли полагаться на скромность купцовъ и лавошниковъ. Вообще казалось, какъ будно нещастіе бывъ въ ссылкѣ доспавляло въ Сибири право на общее уваженіе и помощь. Самое названіе, копорымъ означали всегда сосланныхъ, извѣняло нѣжное сожалѣніе или увѣренность въ невинности ихъ; ибо ихъ называли *нещастные*. — Кто тамъ идепъ по улицѣ? — *Нещастный*. — Никогда не слыхалъ я другаго, по меньшей мѣрѣ унизительнаго, преступленіе означающаго наименованія ссылочныхъ.

Вообще соединяютъ со словами *заточеніе въ Сибирь* разныя, опчаси темныя, опчаси ложныя понятія, и попому считаю нужнымъ нѣкопорымъ образомъ пояснить сіи предъ

ставленія. Сосланныхъ бывають раз-
ные роды:

Вопервыхъ, дѣйствительно из-
обличенные тяжкіе преступники, осу-
жденные по законамъ Правительствомъ,
когого приговоръ утвержденъ Сенатомъ.
Они ссылаются въ работу на заводи
въ Нерчинскъ и должны идти туда
пѣшкомъ скованные. Обыкновенно на-
казываются они напередъ кнутомъ и
объ ноздри у нихъ вырываются.

Вовторыхъ, другой родъ не столь
важныхъ преступниковъ, которые од-
накожъ по суду и закону приговорены
къ сему наказанію. Они записываются
въ Сибири въ крестьяношво, назы-
ваются крестьянскимъ именемъ и дол-
жны пахать землю. Между ими так-
же есть многіе съ вырванными нозд-
рями; однакожъ они могутъ прилежа-
ніемъ своимъ нажить себѣ что нибудь
и облегчить свою участь: наказаніе
ихъ можетъ послужить къ настояще-
му ихъ исправленію.

Третій родъ состоитъ изъ та-
кихъ, которые хотя осуждены по за-

кону, но только въ заточеніи, безъ всякаго безчестіящаго или тяжкаго обстоятельства. Истѣли они изъ Дворянъ, но обыкновенно не лишаются Дворянства, могутъ безпринужденно жить въ мѣстѣ своего назначенія, и даже получають изъ дому своего деньги для своего содержанія; или когда они бѣдны, то дается имъ изъ казны по двадцати и тридцати копѣекъ на день.

Наконецъ въ четвертомъ родѣ состоятъ такіе, которые по единой волѣ и повелѣнію Государя сосланы. Они обыкновенно содержаны наравнѣ съ претѣмъ родомъ и могутъ даже чрезъ посредство Губернатора послащать открытыя письма къ семейству своему или прошенія къ Государю; но иные заключаются въ крѣпость и бываютъ скованы. Однакожъ послѣднее рѣдко случалось, и благодареніе Богу! при нынѣшнемъ милосердіи царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА сего четвертаго рода сосланныхъ всѣмъ нѣтъ.

Не знаю, къ которому изъ об-
ихъ послѣднихъ родовъ подлинно
считашь было можно Подполковника
изъ Рязани, бывшаго спутника мо-
его; но кажется ему назначена была
суровѣйшая участь: ибо хотя по-
прибытіи его въ Tobольскъ Губерна-
торъ и обнадежилъ его, что онъ
останется тамъ, и онъ въ этой
надеждѣ началъ уже заботиться о
расположеніи себя напредъ, зака-
залъ платье и прочее: но черезъ
два дни потомъ онъ вдругъ получилъ
повелѣніе немедленно отправиться въ
Иркутскъ. Черезъ два часа былъ онъ
уже въ дорогъ, и я ничего болѣе не
слыхалъ о немъ. Едва дали ему вре-
мя взять онъ поршняго скроеное, но
еще несширое платье. Вѣрно самыя
важныя причины заставили человеко-
любиваго Губернатора поступить такъ
строго.

Я уже разными способами написалъ
въ женѣ моей десять писемъ (*), о

(*) Болѣе половины изъ нихъ дошли благо-
получно до нее.

главномъ содержаніи коихъ ниже нѣ-
сколько упомяну. Часы, въ которыя
я занимался ею, были единственныя,
растворявшія чашу спраданій моихъ
каплями сладостной печали. Впро-
чемъ я, къ собственному моему удив-
ленію, все еще былъ здоровъ, и спа-
рался сколько можно себя разсѣвать.

Ш. . . . нѣ въ самые первые дни
сѣ кварширы моей сѣхалъ къ какому-
то названному пріятелю. Теперь я
радъ былъ, что по крайней мѣрѣ безпре-
пятственно могу предаваться своей
горести. Дообѣденное время употреб-
лялъ я по большей части на печаль-
ное, но для меня привлекательное за-
нятіе, описанія исторіи спраданій
моихъ. Въмѣсто просыхъ чернилъ
употреблялъ я Кишайскія чернила,
которыхъ здѣсь много и очень хоро-
шія имѣть можно. Около обѣда хо-
дилъ я прогуляясь или взлѣзалъ на
скалы около Тобольска, живописно из-
рытыя торными ручьями. Тамъ обо-
зрѣвалъ я огромную поверхность воды
и безконечныя лѣса, ее ограничивающіе;

намъ останавливался взоръ на каждомъ приходящемъ парусѣ и воображеніе мое на каждой пристающей къ берегу лодкѣ находило семейство мое. Обѣдывалъ я обыкновенно у Губернатора, иногда у Надворнаго Совѣтника Пешерсона, а рѣдко дома. Никогда не уходилъ я отъ Г. Кушелева безъ утѣшенія, по крайней мѣрѣ не безъ облегченія грусти моей. По нѣжному чувству своему находилъ онъ разные пути къ моему сердцу и умѣлъ по такимъ, по инымъ образомъ возбуждать во мнѣ надежду.

Ахъ! онъ и самъ несчастливъ былъ. Часто, когда я сидѣлъ у него въ бесѣдкѣ и мы изъ окна взирали черезъ зеркальную воду на безпредѣльные лѣса, вырывалось чувство его. „Посмотрите, сказалъ онъ однажды, указывая рукою, эти лѣса идутъ на 1100 верстѣ до Ледовитаго моря. Нога человѣческая не заходила туда; одни дикіе звѣри тамъ живутъ. Губернія моя пространствомъ своимъ болѣе всей Германіи, Франціи и Европейской

Турціи вмѣстѣ; но какія пріятности имѣю я въ ней? — Не прошедшій дня, въ который бы не приводили ко мнѣ несчастныхъ, по одному, по цѣлыми полнами; я имъ не могу и не смѣю помочь, а вопли ихъ раздираютъ мое сердце. Тяжелой отчепъ лежишь на мнѣ; одинъ случай, копорого никакая человѣческая предосторожность или власнѣ предупредишь не можетъ: пайной злобной доносъ можетъ опияшь у меня чинъ, честь и свободу! — а что мнѣ замѣняешь все это? — Пустая страна, суровой климатъ и общество несчастныхъ!“

Давно уже у него было на мысли просить о увольненіи; но по сіе время еще не смѣлъ. Ахъ! еслибъ онъ никогда не просился! Что было бы съ бѣдными започенными, когда оставишь ихъ шопъ, копорый всякому несчастному есть отецъ или братъ!.. Да наградишь его за всякое пожертвованіе благословеніе этихъ оставленныхъ и сознаніе собственнаго благодушія! — О! когда мужъ сей

предстанетъ къ судилищу Божию, и всѣ невинные или несчастные будутъ окружають его, коихъ бѣдсвѣя онъ смягчалъ, и не могли осушить слезъ ихъ, къ ихъ слезамъ проливалъ свои; когда они шамъ всѣ, благословляя его возопіюшъ! — Какое большее блаженство можешъ тогда даровать ему Судя, въ превыспреннихъ сѣдящій (*)!

Около вечера я обыкновенно бродилъ по городу и на базарѣ. Городъ довольно великъ, улицы широки и прямы, дома по большой части деревянные, но довольно и каменныхъ, хорошо и въ новомъ вкусѣ выстроеныхъ. Церквей очень много, и всѣ каменные, а улицы вымощены бревнами, что гораздо чище каменной мостовой и для пѣшеходцевъ удобнѣе. Весь городъ пересѣкается судоходными каналами, черезъ которые находясь исправные мосты. Базаръ великъ и на немъ, кромѣ обыкновенныхъ сѣбѣсныхъ

(*) Благородный мужъ сей пеперь Липовскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ и пребываетъ въ Гроднѣ.

припасовъ , еспѣ много разныхъ Евро-
пейскихъ и Кишайскихъ товаровъ. По-
слѣдніе обое конечно довольно дороги ,
но свѣспыые вообще очень дешевы. На
базарѣ во всякое время бывають боль-
шое спеченіе людей разныхъ наро-
довъ , особливо Рускихъ и Тапсаръ , а
также и Киргизцовъ и Калмыковъ.
Рыбный рядъ особливо доставлялъ мнѣ
совсѣмъ новое удовольствіе : несмѣш-
ное множество рыбъ всякаго рода ,
извѣстныхъ мнѣ до того только по
описанію , лежали здѣсь ежедневно ко-
лошны и живыя по землѣ , въ коры-
тахъ и лодкахъ для продажи. Вкус-
нѣйшія стерляди за безцѣнокъ , бѣлу-
га , сомы и проч. , икра всякаго рода
и изъ разныхъ рыбъ. Еспѣлибъ въ
эномъ рыбномъ ряду не было обыкно-
венно несносной духопы , то я бы ча-
сто гораздо долѣ тамъ проводилъ
свое время.

Изъ любопытства бывалъ я и въ
театръ , копорой довольно великъ и
одинъ рядъ ложъ въ немъ. Каждая ло-
жа принадлежала одному всегдашнему

хозяину, которой имѣетъ право укра-
шанъ ее по своему произволу; онѣ
чего дѣлали онѣ самой неспррой видѣ.
Шелковыя, по большой части богатыя
машеріи всякихъ разныхъ цвѣтовъ ви-
сѣли изъ каждой ложи и покрывали
совсѣмъ прислоны. Внутри навѣшены
стѣнные подсвѣчники съ зеркалами.
Все вмѣстѣ имѣло видѣ самой Азіат-
ской, но казисно было при первомъ
взглядѣ. — Оркестръ былъ несказанно
плохъ. Актеры всѣ были изъ ссылоч-
ныхъ. Въ числѣ ихъ была и супруга
моего Росси, родомъ изъ Ревеля, ко-
торая за распустиво сослана была
въ Сибирь, нашла моего Росси достой-
нымъ себѣ мужемъ и шеперь на То-
больскомъ театрѣ играла роли бла-
городныхъ машерей. Декораціи, гарде-
робъ, игра и голоса вообще не стоили
никакой кришки. Однажды играли
оперу: Добрые солдаты; названіе дру-
гой пѣсы я позабылъ. Оба раза я не
могъ пробытъ долѣе четверти часа.
За входъ же платили въ первыя мѣ-
ста только 50 копѣекъ.

Ненависть къ людямъ и раскаяніе, Сына любви и нѣкоторыя другія изъ моихъ піесъ играли съ великимъ одобреніемъ. Теперь учили Дѣву солнца; но какъ на декораціи и гардеробъ потребны были великія издержки, превосходящія силы содержателя, то для сего дѣлали сборъ между почетныхъ обывателей.

Въ Тобольскѣ былъ также клубъ (или кажется называли его казино), содержимый Ипаліанцомъ съ вырванными ноздрями. Онъ за убійство благополучно вышерпѣлъ наказаніе кнутомъ и теперь такимъ образомъ кормился. Впрочемъ я у него никогда не бывалъ.

Въ бытность мою въ честь прибывшихъ Сенаторовъ давали нѣсколько маскарадовъ и баловъ. Меня именно приглашали; но я не хотѣлъ выказывать тамъ своего несчастія, и попому очень мало или ничего не могу сказать о прекрасномъ полѣ въ Тобольскѣ. Выключая достойную фамилію Надворнаго Совѣтника Пешерсона

и прекрасную, милую дочь Полковника Кремера, я почти не видалъ благородныхъ женщинъ въ Tobольскѣ. — Всего охотнѣе хаживалъ я подъ открытымъ небомъ; когда бы только несносной дневной зной и еще несноснѣйшіе комары по вечерамъ мнѣ чаще позволяли это разсѣяніе. Не проходило дня, въ которой бы термометръ не показывалъ отъ 26 до 28 градусовъ Реомюровыхъ; и припомъ посѣщали насъ всякой день чешыре, пять, а иногда и шесть грозъ, которыя со всѣхъ странъ неба какъ будто выступали одна прошивъ другой и часто изливали обильной дождь, но припомъ не освѣжали воздуха. При всей этой теплотѣ природа все была очень скупа на свои дары: никакого, даже и ни одного плодовишаго дерева мнѣ не попадалось. Садъ Губернаторской, лучшій въ тамошней странѣ, обнесенъ былъ досчатымъ заборомъ, на которомъ написаны были плодовишя деревья. Въ самомъ же дѣлѣ красили его крушина, Сибирской гороховикъ и береза. Последней

очень много въ Сибири, но болѣею частью кривая. Молодой березовой кустарникъ походилъ издали на молодые выростки. Крушину въ Тобольскѣ очень любящъ и сажаящъ передъ многими домами на улицѣ, какъ ради душистыхъ цвѣтовъ ея, такъ и потому, что другихъ деревъ нѣтъ. Впрочемъ въ называемомъ Губернаторскомъ саду было немного смородиновыхъ и крыжовниковыхъ кустовъ, капуста въ парникахъ и посаженные въ надеждѣ огурцы. Около Тюмени родятся однаковъ родъ яблокъ, которыя вырастающъ въ величину грецкаго орѣха.

Природа, лишивъ суровой сей климатъ плодовъ древесныхъ, тѣмъ избыточнѣе надѣлила его полевыми. Сибирская греча, и у насъ славная, ежегодно сама собою опять высѣвается и не требуетъ труда, какъ только чтобы снимали ее. Всякой хлѣбъ обильно родится и трава растетъ очень густо. Почва вездѣ рыхлая, самая черная садовая земля, которую не нужно удобривать. Какъ крестьяне изб

лѣности не свозятъ заблаговременно накопившіяся въ сѣнолахъ ихъ навозъ, но бывающъ они часно въ подлинно смѣшномъ затрудненіи. Надворный Совѣтникъ Пейперсонъ, по должности своей обвѣзжающій ежедневно всѣ деревни, за достоверное мнѣ рассказывалъ, что онъ пріѣхалъ однажды въ деревню, гдѣ крестыяне суетились въ сломкѣ дворовъ своихъ для перехода на другое мѣсто, попому что имъ гораздо легче казалось сvezти дворы свои, нежели окружающія ихъ навозныя горы.

Какъ нестерпимъ лѣтомъ бываетъ жаръ, такъ велика снужа зимою, и тогда термометръ опускается часно до 40 градусовъ. Надворный Совѣтникъ Пейперсонъ увѣрялъ меня, что онъ всякую зиму дѣлаетъ опыты замерзаніемъ ртутіи, попомъ вырѣзываетъ ножемъ всякія фигуры изъ нее, и уложивъ хорошенько въ снѣгу, посылаетъ Губернатору.

Впрочемъ суровой зпощъ климатъ очень здоровъ. Врачу моему извѣстны

были здѣсь только двѣ господствующія болѣзни, да и шѣхъ легко бы можно было избѣгать. Первая естъ венерическая болѣзнь, а другая частыя простудныя горячки, происходящія отъ внезапной перемены воздуха при заходѣнїи солнца. Для достиженія здоровой и глубокой старости въ Сибири нужна только воздержность и теплая одежда къ вечеру.

Вечерніе часы обыкновенно проводилъ я въ чтеніи. Друзья мои Петерсонъ и Киндяковъ сообщили мнѣ нѣсколько хорошихъ книгъ, которыхъ цѣну я теперь вчетверо почиталъ.

Я все еще ласкалъ себя надеждою, что могу осмѣлится въ Tobolskъ. Губернаторъ ни слова болѣе не говорилъ о моемъ отъѣздѣ и прїатели мои думали, что онъ дожидается только отбытія Сенапоровъ и Ш. . . на, чтобъ объявить мнѣ желаемое позволеніе. Первые наконецъ оправились далѣе въ Иркутскъ, но послѣдній не трогался съ мѣста. Я послѣ свѣдалъ, что онъ мѣшквалъ только за неимѣ-

всѣмъ денегъ и дожидаясь отпѣзда
какого-то купца, котораго онъ въ
такой нуждѣ хотѣлъ взять съ собою
по курьерской своей подорожной, за
чтобы пошлѣ дорогою платилъ за его
содержаніе. Какъ естественно было
рѣшеніе этой загадки, такъ шрудно
можно было и отгадать ее. И такъ
не мудрено, что какъ Губернаторъ,
такъ и я опасались его.

Двунедѣльное время, на которое
мнѣ дозволено было пребыть здѣсь, по-
чти уже прошло. Въ слѣдующее вос-
кресеніе по утру явился я по обыкно-
венію къ Губернатору; ибо сосланные
третьяго и четвертаго рода всегда
къ нему въ такіе дни приходятъ въ
мундирахъ, но безъ шпагъ. Губерна-
торъ отвелъ меня къ сторонѣ и объ-
явилъ, чтобы я на другой день при-
готовился къ отпѣзду, потому что
онъ по извѣстнымъ уже мнѣ причи-
намъ не можетъ меня долѣ оста-
вить въ Тобольскѣ. Я испугался, но
не дѣлая ни малѣйшаго возраженія,
просилъ только позволенія мнѣ про-

быть еще только два дни, дабы я могъ запасшись кой-какими пошребносими, которыхъ не надѣялся получить въ Курганѣ, а особливо, чтобы продать мою коляску, которая мнѣ теперь совсѣмъ не нужна была, а продавъ ее, могъ нѣсколько наполнить изрядно истощившуюся казну мою. Съ предлюбезнѣйшею ласкою согласился Губернаторъ на мою прозьбу, и я тотчасъ пошелъ пошоронить печальные мои сборы къ ошѣзду, дабы не уопребили во зло его милосердія.

Самой богатой купецъ въ Тобольскѣ — запамятовалъ я имя его — за нѣсколько дней уже давалъ мнѣ полпараска рублей за мою коляску; но какъ она мнѣ болѣе нежели вдвое иного стоила, то я не согласился. Теперь нужда заставляла меня взять эту цѣну, а онъ съ безстыдною безсовѣстностію сбавилъ еще двадцать пять рублей. И на это я долженъ былъ согласиться; и поистинѣ меня этошъ послушокъ гораздо менѣе пронулъ, какъ досшойнаго Губернатора, кото-

рый совѣтъ не переставалъ извѣ-
 являть негодованія своего сильнѣйшими
 выраженіями, и оппюдь не шутя про-
 силъ меня изъ этого анекдота сдѣ-
 лать маленькую комедію, а онъ ее,
 есѣли я по Французски ее напишу,
 самъ переведетъ по Руски и отдастъ
 играть на Tobольскомъ театрѣ. —
 Ахъ! мнѣ тогда совѣтъ не шло въ
 голову написать комедію.

Я накупилъ себѣ сахару, кофе,
 чаю, бумаги, перьевъ и прочаго. Но
 болѣе всего заботился я о книгахъ;
 ибо какъ мнѣ можно было прожить
 будущую зиму безъ книгъ! — Добрый
 Пеперсонъ далъ мнѣ все, что у него
 было; но въ его библіотекѣ были по
 большей части только медицинскія
 сочиненія и кой-какія путешествія,
 конторыя я уже читалъ. Однакожъ я
 нашелъ средство уведомить друга мо-
 его Киндякова о скоромъ моемъ отъ-
 ѣздѣ и недостаткѣ въ книгахъ. Онъ
 описалъ мнѣ, чтобъ я въ полночь,
 когда караульные спятъ будутъ, дож-
 дался его у окна. Я такъ сдѣлалъ и

онѣ самѣ при ночи сряду приносили мнѣ лучшія книги изъ своего собранія, между прочими и *Сенеку*, который послѣ часто бывалъ уиѣщившемъ моимъ.

Къ женѣ моей и ко многимъ достойнымъ людямъ въ Россіи и Германіи написалъ я письма, вложилъ въ одинъ пакетъ и адресовалъ къ старинному испытанному моему другу Грауману, купцу Пейпербургскому и опдалъ курьеру Александру Шульгину, объявивъ ему, что когда онъ его вѣрно опдастъ, то другъ мой подаритъ его пятьюдесятью рублями. Я думалъ, что такимъ образомъ лучше всего могу обеспечить вѣрное доставленіе; и послѣдствіе доказало, что я не ошибся.

Приготовленія къ отъѣзду моему были кончаны. Я объявилъ о томъ Губернатору, и зная, что уишеръ-офицеръ долженъ провожать меня въ Курганъ, просилъ его опправить со мною добраго Андрея Иванова, не взирая на его старость. Г. Кушелевъ, не отказывавшій мнѣ ни въ чемъ,

что только въ его власти было, дозволилъ и это. Онъ еще болѣе сдѣлалъ: онъ далъ мнѣ рекомендацельныя письма къ первымъ людямъ въ Курганѣ, передъ самымъ отъѣздомъ подарилъ мнѣ ящикъ очень хорошаго чаю, и — что мнѣ особенно пріятно было — обѣщалъ доставлять мнѣ всякую недѣлю получаемый имъ Франкфуртской Журналъ. Онъ сдержалъ свое слово, и какъ я послѣ свѣдалъ, очень отважно для себя въ томъ поступилъ.

Кибишка моя, старая и подержанная, за которую я однакожъ заплашилъ тридцать рублей, была уложена. Я сухо простился съ Щ...нымъ, который также назначилъ отъѣздъ свой наконецъ на другой день послѣ моего. Это извѣстіе меня очень обрадовало, зная, что онъ повезетъ прошеніе мое къ Государю. Впрочемъ онъ поѣхалъ весьма недовольный Губернаторомъ, который во все время его пребыванія въ Тобольскѣ ни разу не пригласилъ его къ столу своему.

13го Іюня послѣ обѣда въ 2 часа сошелъ я съ горестию съ берега, гдѣ кибишка моя была уже на суднѣ. На дорогѣ труда встрѣтился мнѣ еще смѣшной случай. Руская, изрядно одѣтая женщина остановила меня и насаказала премножесиво похвалъ комедіямъ моимъ. Мнѣ показалось это очень не во время, и я хотѣлъ пройши, опблагодаривъ коротко. Но она объявила мнѣ тогда, что принадлежитъ къ опмѣнной Тобольской труппѣ, и сказала, что ей досмалась роля верховной жрицы въ Дѣвъ солнца, а она не знаетъ, какъ ей для этой роли одѣться должно, и для того просила меня описать ей костюмъ. — Во всякомъ другомъ положеніи я бы насмѣялся ей въ глаза; но теперь въ досадѣ нахмурясь сказалъ ей, что она видитъ, что я, будучи въ Сибири, не могу бытъ въ духѣ заниматьсѣ Перуанскими одеждами, и поному просилъ ее, чтобъ она по своему вкусу сама выбрала костюмъ, и съ тѣмъ ее оснавилъ.

Настоящая дорога въ Курганъ идетъ стороною черезъ городокъ Ялutorскъ и тамъ простирается только на 427 верстъ. Но выступившія воды принудили насъ напередъ ѣхать назадъ къ пограничному городу Тюменю, а оттуда повернуть на югъ.

Въ Тюменѣ переночевали мы у писаря, который угостилъ насъ съ добродушнѣйшимъ гостепріимствомъ. Еслибы мнѣ за три недѣли кто сказалъ, что такъ я скоро увижу опять это мѣсто, того бы я обвинялъ тогда какъ вѣспника свободы моей. Теперь я видѣлъ опять Тюмень и — свобода моя еще казалась сомнительнѣе прежняго.

На этомъ пути плавили мы указные прогоны, по естѣ по конѣйкѣ за двѣ лошади на версту.

Въ нѣсколькихъ станціяхъ отъ Тюменя видѣлъ я въ сыромъ бору ботаническую достопамятность, о которой по возвращеніи моемъ говорилъ часто свѣдущимъ Ботаникамъ, но

всѣмъ она была новою (*). Именно на проспранствѣ около шестипи сошѣ шаговъ было несмѣтное множество красныхъ цвѣтовъ, и на каждомъ какъ будто кучка снѣгу лежала. Мнѣ это показалось спраннымъ; я велѣлъ остано- новиться, нарвалъ ихъ нѣсколько и нашелъ слѣдующій, крайне удивитель- ный, но очень прелестный видъ. На стеблѣ въ пять дюймовъ вышины и съ листьями, похожими (если не ошибаюсь) на листья ландыша, ви- сѣлъ маленькой женской швейной мѣ- шокъ, около дюйма съ половиною въ квадраѣ и на обоихъ верхнихъ кра- яхъ съ ленточками, какъ будто для стягиванья. Этимъ опкрышой мѣшо- чекъ, въ которой удобно и внутрь видно было, и снаружи и внутри прекраснаго багрянаго цвѣта, покры- вался сердцеобразнымъ соразмѣрной ве-

(*) Теперь знаю, что это родъ какушки- ныхъ сапожковъ, но не изъ извѣстныхъ. Болѣе всего походилъ онъ на означенный въ Кіевскомъ росписаніи растѣній цвѣтъ бѣлые какушкины сапожки.

личины лиспкомъ, съ верхней стороны какъ снѣгъ бѣлымъ и какъ будто финифтью наведеннымъ, а снизу шако-гожъ цвѣта какъ цвѣтокъ. Эпопъ лиспокъ можно было поднимать и опускать, и такъ открывать и закрывать мѣшочекъ. Не могу совсѣмъ описать, какъ прелестенъ былъ эпопъ, впрочемъ не пахучій, цвѣтокъ. Сомнѣваюсь, довольно ли ясно выразилъ я все, бывъ несвѣдущъ въ Бопаникъ; но то знаю, что эпопъ цвѣтокъ былъ бы красою во всякомъ саду. Какъ онъ въ чрезвычайномъ множествѣ росъ на помянутомъ пространствѣ, то я считалъ, что онъ обыкновенный въ Сибири и пошому не взялъ съ собою ихъ нѣсколько. Послѣ я часто жалѣлъ о томъ; ибо онъ нигдѣ мнѣ болѣе не попадался и никѣмъ его не зналъ. Надворный Совѣтникъ Петерсонъ, когда я по возвращеніи ему описалъ эпопъ цвѣтокъ, весьма желалъ его увидѣть и намѣренъ былъ на другой годъ постараться получить его.

Часть II.

Д

На половину дня ѣзды отъ Куртана переночевали мы еще разъ у Попа, гдѣ нашли очень хорошую комнату, со всѣми удобносiями, мягкая постели и самой ласковой прiемъ, а на утро къ не малому моему удивленiю не прѣбывали у насъ совсѣмъ заплашы. Я узналъ, что *мiръ* содержишь эту комнату и всѣ распоряженiя для проѣзжихъ общимъ иждивенiемъ. Можешь ли госиепрiимство доведено бытъ далѣе? — Ни одинъ крестьянинъ не явился для принятiя благодарности моей!

Въ четыре часа по полудни увидѣли мы Куртанъ. Единая невзрачная колокольня возвышалась надъ разстланною, еще невиднѣйшею кучею домовъ. Городокъ лежишь на другомъ немного вышемъ берегу Тобола и окружается голою степью, простирающеюся вездѣ на нѣсколько верстъ до обросшихъ лѣсами возвышенiй и шересткаемою премножесивомъ камышистыхъ озерковъ. Случившаяся дождливая погода не сдѣлала ниото вида

пріятнѣе. Самое названіе Кургана казалось мнѣ давно уже предвѣщаніемъ участи моей. Съ сердцемъ сокрушеннымъ и пасмурнымъ взглядомъ видѣлъ я конецъ *претерльниыхъ* и начало *новыхъ страданій* передъ собою; и какъ по наводненію степи мы принуждены были подвѣзжати къ городу очень медленно и поминутными изгибами, но я имѣлъ время со всѣхъ сторонъ обозрѣвъ обширную мою могилу.

Между множествомъ деревянныхъ лачугъ, всѣ въ одно жильѣ, выказывался только одинъ каменный, довольно со вкусомъ построенный домъ — дворецъ въ *здѣшнемъ* мѣстѣ. Я осведомился, кто ему хозяинъ; и мнѣ сказали какой-то *Розенъ*, бывшій Вицъ-Губернаторъ Пермскій, имѣющій деревни въ *здѣшней* сирани. — Имя это выходило Нѣмецкое и давно было сердцу моему мило; оно напомнило мнѣ сшарившаго честнаго моего друга, Барона Фридриха Розена и досипоющую супругу его, вторую мать мою, досипоющую ченгу, многія горестивыя часы

жизни моей часто развеселявшую, а теперь и въ самомъ прискорбномъ однимъ звукомъ имени своего приносившую мнѣ утѣшеніе.

Послѣ многихъ въ разныя спорны извилины прибыли мы наконецъ къ спранному плывучему мосту, состоявшему только изъ однихъ вмѣстѣ связанныхъ бревенъ, утвержденныхъ на томъ и этомъ берегу Тобола, а впрочемъ предоспавленныхъ на произволъ струй. Естественнo, что всякая повозка давила ихъ глубоко въ воду и должно было очень прилѣжно смотрѣть впередъ, чтобы по *мосту*, гдѣ еще онъ не подавался внизъ, и слѣдовательно поверхъ воды былъ, переправляясь *черезъ мостъ*.

Въ Курганѣ только двѣ параллельныя широкія улицы и мы вѣхали теперь въ одну. У Нижняго Земскаго Суда мы остановились; унтеръ-офицеръ мой вошелъ туда и воротясь тотчасъ сказалъ, что Городничій въ отлучкѣ, а должностію его правилъ Засѣдатель Нижняго Земскаго Суда и

для того мнѣ должно къ нему ѣхать. И такъ мы опять поѣхали нѣсколько сотъ шаговъ далѣе до дому этого человѣка ; тамъ опять остановились , обо мнѣ сказали , и черезъ короткое время просили войти.

Я нашелъ старика добродушной фizioноміи, который однакожъ въ эту минуту почелъ долгомъ своимъ принять нѣсколько важный видъ. Онъ холодно меня принялъ , надѣлъ очки , распечаталъ полученное обо мнѣ предписаніе и прочія бумаги , и читалъ ихъ одну за другою съ великимъ вниманіемъ , не заботясь болѣе обо мнѣ. Мнѣ вздумалось ему показать , какъ я желаю , чѣмъ теперь и впередъ со мною поступали , и для того взялъ стулъ и сѣлъ. Онъ спорошо взглянулъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ , но потомъ читалъ про себя далѣе.

Между тѣмъ изъ другой комнаты собралось около меня множество любопытствующихъ. Кромѣ нѣсколькихъ довольно взрослыхъ дѣтей , вышли молодая пригожая женщина (вѣроятно

жена хозяина), спарая почти слѣпая
мать его и мущина среднихъ лѣтъ въ
Польскомъ плащѣ. Всѣ молча смо-
трѣли на меня, и совершенная тиши-
на была, пока Застѣдатель разсмотрѣлъ бумаги.

Съ развеселеннымъ лицомъ — ибо
конечно Губернаторъ рекомендовалъ
меня ему, а *въриѣ* того убѣждало его
въ мою пользу сердце его, коего до-
бродѣю я скоро послѣ того узналъ —
оборонился онъ шеперь ко мнѣ, по-
далъ мнѣ руку, ласково привѣщивалъ
меня, предсказалъ мнѣ свою
семью, а напоследокъ и Поляка, ко-
шторого поздравлялъ, что ему будетъ
шеперъ товарищъ въ несчастіи и ре-
комендовалъ его моей дружбѣ. Я съ
гореснино его обнялъ и думалъ, также
кавъ и онъ, что одинакая участь
ваша насѣ скоро подружитъ.

Застѣдателя Земскаго Суда звали
дѣ Грави. Олецъ его, Шведскій Офи-
церъ, взявъ былъ въ полонъ на сра-
женіи подѣ Полнавою, и съ многими
земляками своими сосланъ въ Сибирь.

Здѣсь женился онѣ на пуземкѣ и умерѣ
вѣ започени. Сынѣ его служилѣ вѣ
войскѣ, былѣ вѣ семилѣтней войнѣ,
возвращился вѣ свое опечеснво, пере-
шелѣ изѣ всенной вѣ спашскую служ-
бу и жилѣ иненерь при маломѣ до-
спашкѣ своемѣ весело и довольно; по
крайней мѣрѣ я не видалѣ его иначе
какѣ вѣ веселомѣ духѣ. Недавно
произвели его Надворнымѣ Совѣшни-
комѣ, и онѣ безѣ всякой надмѣнности,
не мало шому радовался.

Послѣ первыхѣ привѣщенвѣй спа-
ли мы говоришь только о томѣ, чинобѣ
опвеснѣ мнѣ кварширу, которая бы
вѣ силу полученнаго предписанна была
изѣ самыхѣ лучшихѣ вѣ Курганѣ. Но
тупиѣ разумѣлась казенная кваршира,
каковую можно было онѣ всякаго хо-
зяина шребовать для поснѣи. По
весьма лвыимѣ причинамѣ всякой какѣ
можно спараеишя избавишя онѣ та-
кой повинности; а еспнѣли *принуж-*
денѣ прнннѣи незваннаго геснѣи. по по-
меньшей мѣрѣ уснущаеишѣ самыя худ-
шия горницы.

Де Грави долго думалъ туда и сюда, и наконецъ приказалъ въсповому, маленькому горбашому человѣку, куда меня проводишь. Къ ужину просилъ онъ меня приходить опять къ нему, но я на нынѣшній день ошказался, желавъ крайне бытъ въ новой моей кварширь.

Я пошелъ съ проводникомъ моимъ. Онъ привелъ меня къ маленькому низенькому домику, гдѣ я чужь - было о дверь не рязшилъ себѣ голову. Это немного мнѣ обѣщало, а въ назначенныхъ мнѣ горницахъ я еще менѣе нашелъ. Это были темные клева, гдѣ я едва могъ спояшь прямо, голыя стѣны, сполъ, двѣ скамьи, безъ кровати, маленькіе бумажой заклеенныя окошечки. Я тяжело вздохнулъ; хозяйка также опивчала взоромъ и съ безмолвною досадою прибирала пеньку и холстиную, бывшую тушь съ шарымъ платьемъ и старою посудой.

Скрѣпясь я спалъ какъ могъ пригошовлять у себя. Не прошло часу, какъ добрый де Грави прислалъ мнѣ

на новосельѣ окорекъ вѣшчина, нѣсколько хлѣбовъ, яицъ, свѣжаго масла и еще кой-чего такого, изъ чего мой Росси изготовилъ опмѣнный ужинъ болѣе для себя, нежели для меня. Послѣ шого искалъ я въ первой разѣ сна на черномъ полу, но грусть и гадины прогоняли его.

На утро довольно рано пришли меня поздравить съ прїездомъ всѣ почтенные люди въ городъ. Назову ихъ по ряду, дабы дать понятіе о Курганскомъ хорошемъ обществѣ.

Спешанъ Осиповичъ Мамеевъ, Исправникъ, добродушный, забавный услужливый и заживочный человекъ. Въ домъ его видны были даже нѣкоторыя слѣды роскоши; однакожъ конечно эту роскошь не умѣлъ онъ расположить со вкусомъ. На примѣръ, я помню, что видѣлъ въ комнатѣ его нѣсколько маленькихъ столиковъ и подносовъ, хорошо списанныхъ съ извѣстныхъ эстамповъ и лакированныхъ опмѣнно искусно въ находящейся при Екатеринбургѣ фабрикѣ. Они очень были

Часть II.

Е

дороги; но онъ употреблялъ ихъ не для споловъ и не для подносовъ, но повѣсилъ ихъ по стѣнамъ вмѣсто картинъ, и для этого сваялъ ихъ съ ножекъ, которыми онъ особо вмѣсто убранства разставлялъ.

Иуда Никишинъ, Застѣпель въ Земскомъ Судѣ, къ которому я также имѣлъ письмо.

Еще другой Застѣпель.

Секретарь этого Суда, добросердечный старикъ, но видимоу очень чувствующій свѣдѣніе свое въ дѣлахъ. Онъ во всемъ городѣ одинъ только получалъ Московскія Вѣдомости.

Лѣкаръ.

Эти люди, кромѣ еще отсутствующаго Городничаго, составляли тѣсный кругъ, въ которомъ мнѣ въ депальномъ уединеніи должно было проводить жизнь мою.

Натурально, что во всемъ Курганѣ всѣхъ привлекательныѣ для меня былъ Нолякъ Иванъ Соколовъ. Онъ былъ помѣщикъ на новой Россійско-Ирусской границѣ, и не былъ ни

въ службу, ни иначе какъ не мѣшался въ дѣла революціи. Одинъ пріятель его, имѣвшій можетъ быть не совершенно неподозрительную переписку въ новыя Прускія владѣнія, думалъ вѣрнѣе получать опшуда письма на имя Соколова, и потому не сказавъ даже напередъ ему, велѣлъ ихъ надписывать на его имя. Самое первое письмо такого рода было перехвачено. Соколовъ ничего не вѣдалъ. Онъ обѣдалъ развѣ въ сосѣдственной деревнѣ Генерала Вельтурскаго. Туда пріѣзжалъ Офицеръ, искавшій уже дома, и арестуемъ его и съ другими болѣе или менѣе виновными и невинными. Всѣ находились нѣкоторое время не помню въ какой - то крѣпости, пока донесено было въ Петербургъ. Потомъ Соколова съ товарищами его посадили въ кибитки и повезли въ Тобольскъ. Тамъ разлучили съ товарищами и послали въ Курганъ, гдѣ онъ уже три года прегорестпную жизнь велъ, не имѣя ни малѣйшей вѣсипи о женѣ своей и ещесперыхъ дѣтиахъ.

Онѣ получалъ онѣ казны по 20 копѣекъ на день, а чѣмъбъ доспавало эшихъ денегъ; долженъ былъ лишаться всякой удобности, всякой радости въ жизни. Зимой жилъ онѣ у хозяина всегда пьянаго, съ хозяйкой всегда сварливой, съ кошками и собаками, курами и свиньями въ одномъ шемномъ клѣву; лѣтомъ, чѣмъбъ бытъ одному, переходилъ онѣ въ сарай, гдѣ и я у него бывалъ. У него ничего не было, кромѣ пустой кровати, маленькаго стулика, спуда, таза, и Распашія на стѣнѣ.

При всемъ этомъ крайнемъ недостаткѣ онѣ не принималъ никакого подарка, пилъ молоко, хлѣбомъ и квасомъ и одѣвался всегда опрятно и порядочно. Вездѣ въ городкѣ его любили и базывали Ванюшей. Особливо ласково принимали его у Надворнаго Совѣтника де Грави; ибо онѣ съ хорошимъ обращеніемъ показывалъ разительное добродушіе и въ несчастіи своемъ сохранялъ равнодушіе, каковому я дивился и часто напрасно по-

дражашъ желалъ. Тогда только, когда мы бывали одни; когда въ двадцатой разъ пересказывали другъ другу имена милыхъ дѣшей своихъ: тогда только навершивались у него слезы на глазахъ и онъ предавался мрачному унынію. — Жаль было только, что онъ не говорилъ по Французски, ниже по Латынѣ, что большая часть Поляковъ умѣетъ. Отъ того разговоры наши были очень трудны: ибо хотя онъ и лучше моего говорилъ по Руски, но и тому научился только въ Куртанѣ, а по его Польскому выговору я очень часто не могъ его разумѣть. Но за то сердца наши тѣмъ лучше понимали другъ друга! Въ нѣдрахъ несчастія связь спланившись тѣснѣе связи близнецовъ въ нѣдрѣ матери.

Я долженъ еще особенною чертою довершишь изображеніе его характера. Онъ былъ такъ непонятно совѣстенъ, что опровергалъ даже всякое предложеніе отпривить письмо въ домашнимъ его, единственно для того, что это было не позволено

и что онъ долженъ былъ обвѣщать
Губернатору не искашь поспѣшен-
ныхъ способовъ.

Возвращаясь къ моему повѣщенію.
Никто изъ посѣдившихъ меня
въ первое утро не пришелъ съ пу-
стыми руками; всякой принесъ мнѣ
что нибудь для пищи или пища, и у
меня не было только чулаба, куда бы
все поставить. Де Грави также при-
шелъ узнать, доволенъ ли я своею
квартирою. Я ему откровенно сказалъ,
что она мнѣ очень не кажется. Онъ
тотчасъ гонимъ былъ вести меня са-
матого по всему городку и показавъ
мнѣ на собственный выборъ всѣ квар-
тиры, которыя онъ опровергнуть мо-
жетъ. Я съ благодареніемъ принялъ
его предложеніе. Мы большую часть
дня переходили изъ дому въ домъ, но
находили ихъ часто еще хуже, рѣдко
лучше, и вездѣ такъ тошно, что мнѣ
бы необходимо должно было жить въ
одной горнице съ моимъ слугою, что
мнѣ совсѣмъ было нелюбо.

Наконецъ попросилъ я его предоставить мнѣ самому попеченіе о квартирѣ, какъ я хотѣлъ попытаться, не выворитъ ли мнѣ большой главной ключъ, деньги, какого нибудь дома, копорой бы удобнѣе былъ. Онъ согласился на то, хотя думалъ, что я никакого дома не найду. Но я полагаюсь на распорочнаго моего Росси, который уже въ первые сутки ознакомился со всѣмъ городомъ, и думаю, также весь городъ уже обмануть успѣлъ. Онъ пошелъ провѣдывать, и скоро вернулся съ извѣстіемъ, что я могу получить новый маленькой домикъ для себя одного, еслили хочу данъ за наемъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Хозяинъ былъ купецъ, который для манящей прибыли хотѣлъ очистишь собственное свое жилье и перейши самъ въ еще меньшій задній домикъ на томъ же дворѣ.

Я тотчасъ пошелъ посмотреть предлагаемую мнѣ квартиру и нашелъ ее такъ удобною, и по Курганскому образу такъ пышно убранною, какъ

только всегда желать могъ. Тутъ была одна большая и одна маленькая горницы, теплая просторная кухня съ кладовою. Спѣсны конечно были голыя бревна безъ обой; хозяинъ разукрасилъ ихъ множествомъ пестрыхъ эстамповъ и масляныхъ портретовъ, которые хотя всѣ очень плохи были, но въ здѣшнемъ мѣстѣ нѣкоторымъ образомъ обольщали, какъ будто не въ столь пустой странѣ находишься. На примѣръ тутъ были разныя Ниренбергскія произведенія: Аугсбургская мѣщанка, Лейпцигская дѣвка, Вѣнской крендельщикъ, всѣ съ Нѣмецкими подписями; и одинъ взглядъ на нѣсколько словъ природнаго моего языка такъ меня утѣшалъ, что я не охотно бы разстался опять съ этими Нѣмецкими картинками. Еще были шамъ дурныя копїи съ положеній Лади Гамильтона и съ Геркуланскихъ каршинъ, ландшафты и тому подобныя. Портреты, Руской работы, изображали всѣ прежнихъ Царей, съ подписью именъ ихъ.

Мебели были двѣ деревянныя скамьи съ задниками, называемыя однакожѣ софами, пошому что на каждой положена была съ поспели подушка и обшпанна набойкой; нѣсколько стульевъ и столовъ; стекольчатой шкафъ съ фарфоромъ, который однакожѣ былъ запертъ и хозяйка выговорила его для единственнаго своего употребленія. Домикъ стоялъ на улицу, а позади былъ поспоровнній дворъ, изъ котораго выходили на Тоболъ, гдѣ я могъ съ удовольствіемъ гулять. Задній домъ хозяйской совѣмъ былъ отдѣленъ отъ моего. Всѣ эти обшпанельства вмѣстѣ были для меня такъ привлекательны, что я, не смотря на чрезвычайную плату, которая бы и въ Петербургѣ изрядна и очень не по моему щему кошелку была, пошчасъ ударилъ по рукамъ и спалъ приготовляясь въ пошъ же день перейти.

Но совѣмъ нечаянное препятствіе мнѣ случилось: честной мой де Граци ошнюдь не хотѣлъ допустить, чтобы я споль много денегъ прашилъ. Ошъ

то и дѣло говорилъ : такая цѣна не
слыхана съ того времени какъ споймѣ
Курганъ! Онъ призывалъ купца, и такъ
его разбранилъ, что томъ испугавшись,
хотѣлъ совстѣмъ опіказаться. Мнѣ швер-
дилъ онъ разъ двадцать Рускую посло-
вицу : береги деньги на черный день ;
хотѣлъ донести о томъ Губернатору,
починая долгомъ своимъ имѣть обо
мнѣ попеченіе; словомъ, я съ крайнимъ
шрудомъ могъ вразумить его, что я
въ состояніи это плащить, и всегда
полагалъ себѣ за правило лучше хуже
ѣсть, нежели дурно жить. Наконецъ
онъ съ досадою согласился, но не пре-
жде, какъ хозяинъ обѣщалъ давать мнѣ
безъ плащы дрова и квасъ. Тогда
перешелъ я на новую квартиру; и
когда только приходилъ послѣ де Гра-
ви ко мнѣ, то всегда долженъ былъ
слышать старую пѣсню о чрезмѣрной
плащѣ.

Конечно, когдабъ я обманулся въ
надеждѣ получить денегъ изъ Лиф-
ляндіи; когдабъ задерживали всѣ пись-
ма ко мнѣ, и когдабъ и жена моя

не могла или не смѣла ко мнѣ прѣ-
зхашъ: то черезъ полгода я бы въ
самой крайности былъ, не получая
ни полушки отъ казны. Но на пе-
решнее время были у меня день-
ги, а впередъ я надѣялся; потому
и хотѣлъ по крайней мѣрѣ на слу-
чай сколько можно облегчить мое
спраданіе. Впрочемъ въ Курганѣ бы-
ло такъ чрезвычайно дешево, я пре-
богалъ такъ немногого, а случаи къ
излишнимъ расходамъ были такъ
рѣдки, что я и до году пропаянуть
могъ моими деньгами; а до того вре-
мени могло бы иное и перемениться.

Я спросилъ однажды Надесрнаго
Совѣтника де Грави при Исправникѣ:
что бы стоило содержаніе въ годъ
пары лошадей? — Рублей придцать,
считалъ онъ, было бы на то доволь-
но. Чпо? перебилъ его Исправникъ,
рублей придцать? я пошлавлю пару
съ хорошимъ кормомъ за двадцать
яшъ.

Изъ сего можно заключить, что
первыя потребности жизни въ Кур-

ганѣ были чрезвычайно дешевы; есѣ-
ли только инѣ можно было всегда
получишь! Хлѣбниковъ и мясниковъ
тамъ не было. Разъ въ недѣлю, и по
по воскресеньямъ по полудни, бывалъ
пиргъ, на которомъ должно было са-
мѣхъ мясомъ и хлѣбомъ на всю не-
дѣлю; а иногда мяса и совсѣмъ не
бывало.

Напрощивъ нѣкоторыя другія къ
роскоши принадлежащія вещи были
очень дороги. Шофъ ~~лакъ~~ ~~называ-~~
~~емой~~ Французской водки стоилъ два
съ половиною рубля; фунтъ сахару
рубли; фунтъ кофе болѣе полушара
рубля; хорошій Китайской чай при
рубля фунтъ; помидорныя игръ дур-
ныхъ картъ семь рублей; десѣ Гол-
ландской бумати около трехъ рублей.

Но все это были шакія вещи,
безъ которыхъ можно было обойтись,
и я въ концѣ первой недѣли нашелъ,
что я — включая болѣе, свѣчи и все
прочее — едва нѣсколько рублей из-
держалъ. Конечно столъ мой былъ
такой умеренной, какой только во-

образить себя можно; главное въ немъ состояла хлѣбъ сипной (рѣдкость въ Курганѣ, чѣмъ меня доброй де Грави дважды въ недѣлю снабжалъ) и опмѣнное масло, всякой день свѣжее. Никогда въ жизни моей не ѣдалъ я лучшаго масла, чѣмъ и весьма естественнымъ было, какъ коровы паслись на самыхъ лучшихъ лугахъ. Кромѣ хлѣба съ масломъ бывала у меня иногда молодая курица съ пшеномъ, голубь или утка, которую я самъ засадишь, а къ десерту стаканъ квасу. Я вспоминаю оныя снола хоня доволенъ, но никогда подлинно сѣлъ, и думаю, что сему обстоятельству особенно обязанъ не только продолжительнымъ, но иправляющимся моимъ здоровьемъ.

Впрочемъ я слѣдующимъ образомъ жилъ: по утру въ шесть часовъ вспавалъ; и съ часъ училъ наизустъ Русскіе слова; ибо какъ изъ всѣхъ жителей всего городка никто не говорилъ другаго языка, кромѣ Рускаго, то для меня необходимо нужно было лучше выучиться ему. Потомъ я

завтракалъ и писалъ нѣсколько часовъ
испорю моихъ спраданій. Послѣ сей
мнѣ почти пріятной спавшей работы
ходилъ я съ часъ обыкновенно въ шла-
фрокъ и туфляхъ гулянь по берегу
Тобола, гдѣ ошмѣрилъ себѣ мѣсто на
двѣ версты ровно въ длину, и прохо-
дилъ шуда черезъ калитку, не встрѣ-
чаясь ни съ кѣмъ. Возвращаясь читалъ
я еще съ часъ Сенеку; потомъ при-
нимался за умѣренной мой обѣдъ, ложил-
ся на постель, спалъ, а тамъ читалъ
путешественіе Палласа или Тмелина,
пока приходилъ Соколовъ звать меня
на охоту. Послѣ онъ обыкновенно пи-
валъ у меня чай, причѣмъ мы повто-
ряли другъ другу свои приключенія и
сообщали свои надежды, или взаим-
ныя опасенія свои съ неопровержимъ увѣ-
реніемъ опровергали. Когда онъ ухо-
дилъ, то читалъ я еще часъ Сенеку,
бѣлъ припомъ хлѣбъ свой съ масломъ,
попомъ ворожилъ картами одинъ, и
ложился спать болѣе или менѣе неча-
ленъ, какъ — почти спыжусь этого
признанія — выходили карты хоро-
шо или дурно.

Чѣмъ самъ бывалъ въ несчастіи,
 тѣмъ изъ опыта изве-
 далъ, что никогда не лзя болѣе имѣть
 склонности къ суевѣрію, какъ въ не-
 щастіи. Что во всякомъ другомъ по-
 ложеніи жизни было бы совѣтъ ни-
 что, то въ несчастіи воображаешь
 себя по крайней мѣрѣ соломенной; и
 съ удословреніемъ въ сердца, что
 она самосозданная соломенка не удер-
 жишь и комара, хватаешься за нее и
 печалишься, когда не попадешь въ ру-
 ки. Такъ признаюсь я, что всякой
 вечеръ въ Курганѣ раскладывалъ кар-
 ты, чтобъ узнать: будуль когда имѣть
 радости увидѣть опять мое семей-
 ство. Когда карты выходили хорошо,
 то не могу сказать, чтобъ я по-
 му радовался, но мнѣ оно пріятно
 было; а когда не хорошо выходи-
 ли, то не могу сказать, чтобъ опа-
 сеніе мое увеличивалось, но меня оле-
 чивало то. Улыбайтесь вы, ко-
 ихъ лодка всегда плыла по легко-вол-
 нующимся ручьямъ; улыбайтесь, видя
 несчастнаго, обуреваемого въ опкры-

плывъ морѣ на обломкѣ судна, и спаряющагося удержаться за поросль морской!

Такъ проходили дни мои. Впрочемъ я былъ совершенно свободенъ, ни подѣ чьимъ надзоромъ. Доброй мой старой уннеръ - офицеръ Андрей Ивановъ черезъ два дни по прибытіи моемъ въ Курганъ возвратился въ Тобольскъ и съ самаго начала почти не нужнымъ замѣнилъ его мѣсто, что однакожъ наблюли въ разсужденіи Поляка въ первое время его пребыванія здѣсь. Да и всякой присмотръ былъ бы не нуженъ. Конечно мы на охотѣ ходили на многія версты отъ города; но куда бы намъ вздумалось или можно было убѣжать? — Курганъ лежалъ прежде на границѣ Киргизской; но уже съ нѣсколькихъ лѣтъ граница эта передвинута впередъ на пятнадцать миль, и тамъ построена крѣпость.

Но еслилибъ она и теперь смежна была съ уѣздомъ городка, то что бы пользы въ томъ было людямъ, лишеннымъ всѣхъ способовъ къ побѣ-

ту, и не разумѣющимъ порядочно и Рускаго, а не токмо Киргизскаго языка! да и въ *этомъ* случаѣ покушеніе къ побѣгу было бы преоспачливое предпріятіе: ибо Куртавцы съ ужасомъ вспоминали то время, когда не смѣли выходили гулять за городъ, не подвергаясь опасности быти пойманы разбѣзжающими Киргизцами. Тогда привязывали ихъ къ лошадиному хвосту и они должны были бѣжать наравнѣ съ лошадыю. Верхомъ ѣдущій даже и не оглядывался на нихъ, какъ бы они ни кричали и ни вопили. Прибывъ уже домой и сошедъ съ лошади, смотрѣлъ онъ, живъ ли еще плѣнникъ его, или умеръ. Въ первомъ случаѣ онъ становился рабомъ его, или что еще чаще бывало, продавалъ Бухарцамъ, которые его, Божу, въдають луды, завозили. И такъ мы благодарили Бога, что до крайней мѣры, не опасаясь эшихъ зарваровъ, могли ходить на охоту.

Эта забава всегда была благошверна для меня, хотя у насъ и мало
Чести Н. Ж

способеѣ было сдѣлать охоту нашу
 приятною. У насъ только и была на-
 ра плохихъ ружей, которыя должно
 было всегда чепыре или пять разъ
 спускашь, пока выстрѣляшь. Лягавой
 собаки во всемъ городѣ не было, ни-
 же пуделя, который бы ходилъ въ
 воду. А какъ степь перасѣкаема была
 премножествомъ малыхъ болописныхъ
 озеръ; а утки и бекасы въ эту го-
 довую пору почти однѣ намъ на охотѣ
 попадались: по мы необходимо долж-
 ны были сами вмѣсто пуделей часто
 по поясъ ходить въ воду, дабы полу-
 чить убитую птицу. Полякъ мой уже
 привычѣ меня былъ къ такой неудоб-
 ной охотѣ: онъ не обинуясь ходилъ
 въ самыя глубокія озера, бывалъ по
 получасу въ водѣ, выгонялъ мнѣ дичь
 изъ просѣки, искалъ подстрѣлен-
 ную и спрятавшуюся; словомъ, кромѣ
 чухля, замѣнялъ лучшую лягавую со-
 баку; но эшопъ самой недоспашковъ
 ири несмѣшномъ множествѣ здѣсь ди-
 чи былъ советѣмъ маловаженъ. Я въ
 Европѣ никогда не видывалъ многочи-

еленнѣйшихъ стай воронъ, какъ здѣсь
улокъ, и по до сна разныхъ ро-
довъ. Тупъ были самыя большія и
самыя малыя, съ долгими и коропки-
ми, плоскими и круглыми клювами,
на высокихъ и низкихъ ногахъ, съ-
рыя, шемныя, совсѣмъ черныя съ жел-
тыми носами, а иногда, однакожъ
очень рѣдко, прекрасную Персидскую
розовато цвѣту утку, съ чернымъ
клювомъ и хохломъ, которая всегда,
когда по ней сіпрѣляли, пружалосино
кричала, хотя и не попадали въ нее.

Также многочисленныхъ и различ-
ныхъ родовъ были бекасы. Между
прочими были темножелтые, на пре-
высокихъ ногахъ, съ опушкою около
шей, величиною съ голубя. Они во
множествѣ водились къ камышъ; когда
къ нимъ подходили, то вылепали всѣ
колесомъ съ прошивнымъ крикомъ и въ
нихъ легко было налету попадаться;
но мясо ихъ не очень было вкусно.
Раза два попадались мнѣ на высокихъ
ногахъ долгоносыя, какъ сибѣ бѣлыя
птицы, которыя обыкновенно по ля-

ли вмѣстѣ искали себѣ корму по берегу озеръ; но очень были пугливы, и на двѣши шаговъ уже взлетывали. Названія ихъ я не могъ узнать.

Кромѣ утокъ и бекасовъ было много вкусныхъ голубей, а наконецъ еще несмѣтное множество черныхъ дроздовъ, которые лепали гусиными спаями и садясь на кусты, собою его покрывали. Они опіѣнно были вкусны; но малый нашъ запасъ аммуниціи не позволялъ намъ часто ихъ стрѣлять.

Полякъ сказывалъ мнѣ, что въ позднюю годовую пору дичь еще гораздо разнообразнѣе бываетъ и что иногда премножесиво водятся зайцовъ, пестревей и проч. Онъ подтвердилъ, что я и въ Tobolskъ уже слыжалъ также, что иногда попадаются и драхвы. — О медвѣдяхъ не слыхалъ около Кургана, и волки рѣдки, потому что шамошная сырѣна слишкомъ для нихъ плоска. Соболей мало, но очень много горностаевъ. Большіе и малые ястребы премножесивомъ вьются на воздухѣ

и такъ не робки, что ихъ можно было стрѣлить въ городъ изъ оконъ.

Какъ я всегда былъ охотникомъ, то позволеніе ходишь на охоту доставляло мнѣ самое пріятное занятіе. Къ этому еще прибавить должно, что степи для глазъ изукрашены были многоразличнѣйшими цвѣтами, въ числѣ которыхъ я особливо во множествѣ замѣтилъ прекрасную финифтевую *spiraea filipendula* (донникъ); для обонянія были большія полосы все съ дунисными травами, между прочими Божьимъ деревомъ (*Artemisia Abrotanum*); вездѣ попадались многочисленныя, сыпья спада рога-шаго скота и лошадей, которыхъ безъ пастуха свободно рѣзвились; и наконецъ во все время моего пребыванія были самые ясные лѣтніе дни. Это лѣто, въ которое въ Лифлянді жаловались на холодъ и сырость, было въ Азіи самое жаркое и сухое. Правда, всякой день бывали грозы; но онѣ скоро проходили и освѣжали только воздухъ, не охладивъ его совсѣмъ.

Другое; часто меня пріятно занимавшее время, препровожденіе были прогулки мои по Тоболу. Тамъ были плашмойныя мѣста, куда молодыя дѣвки изъ городу собирались, а послѣ мытья и сами обыкновенно купались. Въ купаньи онѣ удивительно были искусны. Онѣ безъ всякаго труда переплывали черезъ Тоболъ и назадъ: часто долгое время носились на спинѣ по волнамъ; рѣзались въ водѣ, бросались пескомъ, тонялись другъ за дружкой, ныряли, схватывались и сваливали одна другую; словомъ, онѣ часто до того шалили, что незнающій зритель всякой бы мигъ долженъ былъ опасаться, что которыя нибудь изъ нихъ совсѣмъ утонутъ. Впрочемъ все это происходило съ крайнею прістоймостью. Видя однѣ головы надъ водою, часто долго не лѣзя было узнать, мальчики ли или дѣвки купающіяся. Конечно не могли онѣ того сдѣлать, чтобъ не видать было грудей; но это для нихъ почти ничего не значило. Наигравшись же доволь-

но, не хощя долѣе оставаться въ водѣ, и будучи очень стыдливы, онѣ до нѣхъ норѣ упрасивали любопытнаго зритель, пока онѣ уйдеть; или когда имѣ на зло не опшодилъ, то дѣвки на берегу спановились плотно въ кружокъ около нагой, выходящей изъ воды. Каждая бросала ей тогда одежду, и вмѣгъ была она пристойно одѣта между прочими.

Дѣвки эти всегда были веселы и рѣзвы; всегда смѣялись и шалили. Исправникъ, усердной почиашель прекраснаго пола, приходилъ иногда по вечерамъ ко мнѣ для того только, чтобъ сидя у меня подъ окномъ, видѣшь проходящихъ всѣхъ Курганскихъ красавицъ, которыя обѣ эту пору ходили за водой. Тогда онѣ называлъ ихъ по именамъ, и означалъ, которыя изъ нихъ стоворчивы, и стыдливая ласковость, съ каковою онѣ кивали ему головою, доказывала, что онѣ говорили по опыту.

Частыя сначала посѣщенія господъ Курганцовъ бывали мнѣ въ шатость,

хотя я и чувствовалъ, что они дѣлали по сѣ добрымъ намѣреніемъ. Приказной — или что-то такое — жившій напросивъ меня, примѣшилъ не одинъ разъ, что я у окна куривалъ по управѣ трубку. Бывъ самъ охотникъ курить табакъ, прислалъ онъ обрадовать меня, что всякое упрямство хочешь курить свою трубку у меня и раздѣлишь со мною время на нѣсколько часовъ. Я сѣ превеликимъ трудомъ могъ отвѣстить его онъ доброжелательнаго его намѣренія. Онъ и прочіе господа въ Курганѣ не понимали, какъ я могу всегда быть одинъ и желать того. Они не вѣдали, что сѣ образомъ милой жены въ сердцѣ и сѣ Сенекою въ рукѣ нигдѣ не бываешь одинъ.

Сенека обязанъ и несказанно! Едва ли въ тысячю восемь сотъ лѣтъ ублажалъ кто другой такъ усердно намишь его, какъ я. Часто, когда опечаленіе протягивало когти свои ко мнѣ, хватаясь я за руку этого друга, который всякой день терпѣніемъ и твер-

доспаю наполнял мою грудь. Сходство учащей наших больше меня привязало къ нему. Онъ невинно былъ сосланъ и восемь лѣтъ промился между безплодныхъ скалъ Корсиканскихъ. Описание его положенія такъ подходило къ моему: сѣнованіе его на климатѣ, суровые нравы, чужой незнакомый языкъ, все можно было примѣнить ко мнѣ. А напоследокъ какія сильныя изреченія противъ боязни смерти ввелъ онъ вездѣ въ своихъ писаніяхъ! Я прилѣжно выбиралъ ихъ, присвоилъ ихъ уму и сердцу моему и всегда носилъ при себѣ, какъ Фридрихъ Великій благошворный ядъ, который принявъ хотѣлъ, когдабъ исчезла вся надежда. Ибо, когдабъ можешь быть черезъ нѣсколько мѣсяцовъ и для меня пропала вся надежда; когдабъ испугъ и скорбь повергли во гробъ добрую жену мою, или когдабъ ей воспреніяшествовали ко мнѣ прѣхашъ; когдабъ съ послѣдними днями лѣта испрощились мои деньги; когдабъ мнѣ шамъ въ придцани градусной.

спужь можетъ быть должно было ра-
бошашъ изъ поденной платы, дабы
промыслишь сухаго хлѣба и квасу:
что бы тогда оставалось мнѣ кромѣ
смерти?

Я совершенно обдумалъ и пвер-
до принялъ свое намѣреніе. На слу-
чай, когда прѣдеишь ко мнѣ милая
жена, расположилъ я послѣдній, еди-
ный возможный планъ. Я шупъ по-
лагался на опытъ, что по всей Рос-
сїи изъ краю въ край можно ѣхать
безъ осмотра. На этомъ обстоя-
тельствѣ основалъ я слѣдующее пред-
пріятіе:

Въ большой моей горницѣ хотѣлъ
и сдѣлать досчатую перегородку, а
въ самомъ углу за нею, какъ шкафъ
для платья. Послѣ того хотѣлъ я
прежде мѣсяца два жить покойно и по
видимому довольно съ женою моею, а
потомъ привориться постепенно
больнымъ, напоследокъ и поврежден-
нымъ въ умѣ. Это бы также продлилось
нѣсколько мѣсяцовъ. А тамъ хотѣлъ
я въ одинъ вечеръ въ темнотѣ поло-

жить шубу мою и шапку на берегу Тобола у прорубя, шихохонько послѣ прокрасѣлся домой и спряхашься въ шкафъ съ верху ошкрытой.

Жена моя вспревожился. — Меня ищущь — находятъ шубу — явно, что я уноился въ прорубь — ошавленное письмо подпверждаешъ это. — Жена моя въ ошчаяннѣ — днемъ она лежущь въ постелѣ — ночью даешъ мнѣ пишу. — О произшесствіи этомъ доведушъ въ Тобольскъ, а ошуда въ Пешербургъ. Тамъ положатъ доведе-ніе къ споронъ и позабудушъ обо мнѣ. — Черезъ нѣкоторое время жена моя оправится не много, и проситъ подорожной для проѣзду въ Лифляндію, которой не лзя не дашь ей. — Она купишъ большую кибитку на полозьяхъ, въ которой можно покойно лежатъ пропшанувшись; и подлинно единственная повозка, въ которой удобно ошважись на такое предпріятіе. Я лежу въ исподѣ, — сверхъ меня накладываютъ подушки и дорожную поклажу. Жена моя са-

дился ко мнѣ и оповоряетъ западню мою, когда только мнѣ нужно; — и елики только силъ моихъ будешь совершивъ шель дальній путь такимъ непокойнымъ образомъ, шо не сомнѣнно вѣрно, что мы безъ всякаго препяпствія прїдемъ къ собсипвенному моему дому въ Фриденшаль: ибо сказано уже, что *внулри* предѣловъ Россіи никогда не беспокояиъ будущихъ осмоирами, и можно фхашъ оиъ Палангена до Чукошскаго носа, и никшо не позабоишися о шомъ, что въ повозкѣ везуиъ.

Главное дѣло пошому сѣстояло въ искусивѣ, чтобъ смерть мою шочно вѣрояиною предсшавиъ, что шѣмъ легче могло быиъ, какъ мы въ Курганѣ дѣло имѣли съ людьми, вѣрно не подозревавшими обмана и неимѣвшими шолько способности, чтобъ опкрыиъ нѣсколько хипро расположенный.

Когдажъ бы я уже былъ въ Фриденшаль, шо шамъ напередъ очень бы легко могъ скриваиъся оио всѣхъ. Сверхъ шого было у меня довольно

друзей въ Эспляндіи, на кошорыхъ я — выражаясь какъ можно сильнѣе — также бы вѣрно положились могъ, какъ на жену мою. Кноррингъ или Гвекъ такимъ образомъ отвезли бы меня въ Ревель — тамъ бы благородный Фридрихъ Унгеръ - Шпернбергъ отправилъ меня въ свои помѣстья подъ Гаспалемъ, а отсюда на собственномъ суднѣ въ дачи свои на островъ Даго, откуда бы я при первомъ попутномъ вѣтрѣ на рыбацкѣй лодкѣ въ двенадцать часовъ могъ переправиться въ Швецію. — Повторяю, только въ томъ состояло, вынесу ли я дорогу *такимъ* образомъ; впрочемъ планъ этотъ для щасливца, имѣющаго *такую* жену и *такихъ* друзей, очень можно было выполнить.

Намѣреніе мое къ побѣгу, предпринятое уже въ Лифляндіи, о которомъ я теперь не обвиняясь смѣю говорить, основано было на той же надеждѣ. Тамъ полагалъ я мнимую смерть мою въ Двинѣ и хотѣлъ скрыться въ развалинахъ Кокенгузенскихъ.

Господину Левенштерну должно было пришивориться, будто онъ ревностно спарается оштысканъ шло мое въ рѣкѣ. Послѣ всѣхъ щещивыхъ спараній могъ онъ Ш. . . . ну данъ свидѣтельство о смерти моей; такъ бы забыли обо мнѣ въ Петербургѣ, дѣло было бы кончено, а тогдабъ друзьямъ моимъ легко было меня спасти вышешоказаннымъ образомъ. — Въ одномъ случаѣ казалось исполненіе въ Курганѣ легче. Именно легко понять было можно, что шло, попавшееся подъ ледъ въ Тоболѣ, не лзя бы было найши; безуспѣшное же исканіе въ опкрытой Двинѣ могло возбудить нѣкоторое подозрѣніе. Сверхъ того въ Сибири не новое было слышаніе, что несчастный самъ собою кончилъ горестную жизнь свою.

Пріятель мой Киндяковъ думалъ, что также легко бы было переодѣвшись, какъ надобно, пристанъ къ идущему изъ Китая каравану; и онъ самъ бы ошеажился на покушеніе избавишься шакимъ образомъ, естлибъ

благородный этотъ чловѣкъ не опасался тѣмъ сдѣлать шагосипнѣе участіе своихъ брашъевъ. Для меня, какъ чужеспранца, такое предпріятіе было не возможно; ибо для удачи въ шомъ должно бытъ или подлинно Рускому, или же умѣть чисно по Руски, дабы почли его за Рускаго извоцика. И шакъ я оспался при моемъ планѣ, предписалъ женѣ моей все, что ей къ способствованію оному должно было привеситъ, и наемкнулъ ей о моемъ намѣреніи, повшоряя въ каждомъ письмѣ: „что она, пріѣхавъ ко мнѣ, будетъ для меня болѣе, нежели Лодоиска для своего Лувелта.“

И въ Курганѣ нашелъ я добраго чловѣка, которой самъ вызвался къ ошправленію моихъ писемъ, и черезъ него подлинно жена моя скорѣе всѣхъ другихъ дорогъ получила ошъ меня письмо. Ради легко понимаемыхъ причинъ я не называю его здѣсь; но предъ Богомъ сердце мое уже тысячу крашъ его именovalo.

О какъ жалю я о черножелтныхъ
Философахъ, приписывающихъ респе-
кту человѣческому врожденную испор-
ченность! Меня участь моя утверди-
ла въ довѣріи къ людямъ. — Какъ
мало безчувственныхъ упоминаюся
въ моей исторіи! — Да съ радо-
стнымъ удостовѣреніемъ говорю я:
будь несчастливъ, и вездѣ найдешь
друзей; въ самомъ опдаленнѣйшемъ
мѣстѣ краю земли отворятъ тебѣ
объятія и сердца.

И добрые, неразвращенные Кур-
гандцы встрѣтили меня съ опровержны-
ми объятіями и сердцами. На всѣ
небольшіе пиры ихъ приглашали меня;
всѣ ихъ радости, всѣ ихъ лакомые
куски долженъ былъ я дѣлить съ ни-
ми. Они не знали меня доселѣ какъ
сочинителя; но спеша, въ самое по-
ремя помѣщенная въ Московскихъ Вѣ-
домостяхъ и упоминающая объ оплич-
номъ одобреніи театральныхъ пьесъ
моихъ Англичанами, доставила имъ
и это знакомство и еще болѣе ува-
жила меня въ глазахъ ихъ. Добро-

наибренная гавязчивость, съ каковою они старались занимать меня и приглашать въ свои общества, подлинно часто бывала мнѣ несвоя: опчаспи духъ мой не расположенъ былъ къ беседамъ; опчаспи въ ихъ общеспвенныхъ радостяхъ мало было привлекательноспи для избалованнаго Европейца.

Вопъ примѣръ: Засѣдапель Иуда Никишичь вздумалъ сдѣлать пиръ для именинъ своихъ. По утру онъ самъ пришелъ и звалъ меня въ домъ свой около двенадцати часовъ, куда соберуся всѣ почешные люди въ городъ. Я пришелъ. При входѣ вспрѣченъ я былъ всемъ яши человекъ, почиаемыхъ здѣсь пѣсенниками, копорые оборопась епиною къ госпямъ и правую руку держа у рта, чтообъ звукъ былъ громче, ревли въ уголъ какуюто пѣню. Всякаго госпя шакъ вспрѣчали. Пребольшой сполъ прецалъ подъ тяжеспию двадцати блюдъ; но приборовъ на немъ и спульевъ для госпей не было поспавлено. Все похо-

дѣло болѣе только на закуску. Главныя блюда были съ пирогами, по причинѣ поста, со всякою рыбою. Сверхъ того было множество всякой духовой рыбы и печенья. Хозяинъ при томъ ходилъ вокругъ съ штофами водки и наливалъ очень усердно. Пили часто и много за здоровье его, но къ крайнему удивленію моему такъ, что совсѣмъ непримѣтно было, чѣмъ кто изъ гостей опьянѣлъ. Вина не было (только въ Tobolskъ у Губернатора пивалъ я домашнее, изрядное вино, выписанное имъ, еслили не ошибаюсь, изъ Крыму). За то Іуда Никипичъ подчивалъ другою рѣдкостью, именно медомъ, который хопя и очень цѣнили, пошому что въ Сибири нѣтъ пчелъ, но всѣ гости, кромѣ меня, предпочитали оному водку.

Я всякую минуту ждалъ, что отворится другая комната, и покажетъ намъ обѣденный столъ; но не то было! — Одинъ за другимъ бралъ шляпу и уходилъ. Я долженъ былъ рѣшиться то же сдѣлать.

Этимъ-то и кончился праздникъ? спросилъ я снараго де Грави, который пошелъ со мною.

„Сохрани Богъ!“ отвѣчалъ онъ: „теперь всякой идетъ домой; до пяти часовъ спать, а тамъ опять собираются.“

И я также явился въ назначенное время. Видѣ теперь перемѣнился: большой столъ сносилъ хотя еще по срединѣ комнаты, но вмѣсто пироговъ, рыбъ и водки уставленъ былъ теперь изюмомъ, миндалемъ и множествомъ Китайскихъ, отчасти превкусныхъ сластей, изъ которыхъ мнѣ особенно показалась яблошная постила.

Теперь вышла и хозяйка, молодая пригожая женщина; также со всѣхъ сторонъ появлялись половины и дочери передъобѣденныхъ госней въ старомодныхъ своихъ нарядныхъ одеждахъ. Подавали чай съ водкой Французской и пуншъ, въ которой вмѣсто лимонъ клали клюквенной сокъ. Потомъ поставили карточные столы и стали играть въ босшонъ; пока избыточно

выпитой пуншъ позволялъ распозна-
вать каршы. Когда приходило время
ужина, то всѣ спали расходились,
какъ передъ обѣдомъ, и шѣмъ кончил-
ся пиръ.

Легко повѣряшъ, что я долженъ
былъ изъ крайней учтивости участво-
вать въ такихъ бѣдахъ. Какъ радъ
бывалъ я, когда могъ опять свободно
дышать въ удивленной моей комнатѣ,
или съ ружьемъ на плечъ съ честнымъ
моимъ Соколовымъ выходилъ на чя-
сное поле!

Такъ проходили дни мои въ Кур-
ганъ. Здоровье, которымъ я теперь
безпрестанно наслаждался, и теперь,
хотя оно нѣсколько лѣтъ уже рѣдко
у меня госпило, вдругъ стало нераз-
лучнымъ моимъ поварищемъ, конечно
болѣе всего было причиною радостнаго
моего духа. — Я надѣялся! — во-
ображалъ уже около себя семейство
мое. *Вмѣслѣ* мы и въ Курганъ не
могли быть несчастны. Щасіе мое!
Я это глубоко чувствовалъ въ своей
и въ душѣ жены моей!

Но это не единственная, не последняя моя надежда была. — Не оправились ли я прошения къ Государю! — къ Государю истинно оказывавшему правосудіе! — къ Государю, который самъ былъ пѣжный Отецъ и внималъ голосу природы! — Какъ сердечно желалъ я благополучнаго пути Ш. . . ну! какъ часто считалъ я недѣли и дни, въ которые онъ можетъ прибыть въ Петербургъ! недѣли и дни, потребныя опять на то, чтобы рѣшеніе судьбы моей опъ береговъ Невы дошло до береговъ Иртыша! По моему счету могъ я ожидать рѣшенія своего къ концу Августа.

Но *я обчелся!* — Благодареніе Богу! *я обчелся!*

Юля 7 го, въ прекрасной, ясной день принялся я по уму за обыкновенную свою работу: писалъ исторію страданій моихъ. Около десяти часовъ вошелъ ко мнѣ Надворный Совѣтникъ де Грави. Послѣ короткаго, пустаго разговора принялся онъ, по своему негласному обычаю, за карты,

сѣлъ и сталъ вѣрожитъ имъ и пѣмъ
чрезвычайно мнѣ надоѣдалъ; ибо мнѣ,
какъ праздному зрищелю, часто дол-
жно было цѣлые часы мучиться ску-
кою, а добросердечной безжалостной
совсѣмъ не вѣдалъ иного, чѣмъ со-
сланному въ Курганъ время могло бытъ
очень дорого. И сегодня сидѣлъ онъ
долѣ одиннадцати часовъ. Я, молча,
сѣ вънутреннею досадою ходилъ взадъ
и впередъ. Только однажды смотрѣлъ я
на карты, какъ онъ спросилъ меня:
о чемъ бы ему повѣрожитъ; а я ска-
залъ: о томъ, скоро ли я увижу здѣсь
жену мою. На это онъ развѣ хорошо
вышло, и онъ сердечно радовался, что
скоро угощать будешь у себя Хри-
стину Карловну.

Наконецъ вспомнилъ онъ, что у
него еще дѣла есть въ Судѣ, и по-
шелъ. Лишь только онъ ушелъ, то
я сѣлъ къ столу, чѣмъ еще часокъ
пописалъ. Слуга опять помѣшалъ мнѣ,
вошедъ въ дверь позади меня и гово-
ря: *Eh bien, Monsieur, encore quel-
que chose de nouveau (*)!*

(*) Ну, Сударь, вотъ еще новое!

Я слушалъ это въ полслуха, думая, что онъ хочетъ разсказать мнѣ новую любовную связь (какихъ онъ со времени нашего пріѣзда уже съ двадцать заводилъ и разводилъ), и не опкладывая пера, повернулъ нехотя немного голову къ нему и отвѣчалъ: *quoi donc* (*) ?

Dans ce moment, возразилъ онъ, *un dragon est venu vous prendre* (**). Ужасъ объялъ меня, я вскочилъ, и не говоря ничего смотрѣлъ пристально на него.

Oui, oui! продолжалъ онъ; *vous irons peut-être encore aujourd'hui à Tobolsk* (***) .

Comment? выговорилъ я запинаясь.

Онъ ввелъ ко мнѣ человека, коимъ видѣлъ самъ драгуна, говорилъ съ нимъ и проводилъ его къ де-Грави, а потомъ побѣжалъ впередъ предувѣдо-

(*) Чпо такое ?

(**) Сю минушу прискакалъ драгунъ за вами.

(***) Да, да, мы еще можемъ быть сего дня поѣдемъ въ Тобольскъ.

мишь меня. О дальнѣйшемъ содержаніи привезенныхъ бумагъ онъ не вѣдалъ.

Чего могъ я ожидать? — Свободы? Нѣтъ! За чѣмъ же мнѣ ѣхать опять въ Tobolskъ? Въ Екашеринбургъ изъ Кургана дорога ближе; за чѣмъ мнѣ дѣлать крюку пять сотъ верстъ? да и рѣшенія Государева на прошеніе мое не могло еще получено быть. — И такъ мнѣ оспавалась только спрашивая вѣроятность, что меня изъ Tobolska повезутъ далѣе въ Сибирь, спанется и на заводы, спанется и въ Камчатку. — Я споялъ съ трепетомъ, спарался скрѣпиться, ухватилъ вдругъ шестрадъ, въ кошорой писалъ, бросился къ оспальнымъ моимъ ассигнаціямъ, спряталъ все въ фуфайку и ожидалъ такъ по крайней мѣрѣ минути съ десяти въ смертельномъ спрахѣ учаспи своей. Эпи десяти минути были изъ числа самыхъ ужаснѣйшихъ, претерпѣнныхъ мною въ нещасіи моемъ.

Наконецъ увидѣлъ я изъ окна Надворнаго Совѣтника де Грави со

множеспвомъ людей, идущихъ по улицѣ, и въ толпѣ видѣнъ былъ драгунъ съ перомъ своимъ на шляпѣ. Они еще были такъ далеко, что я не могъ разсмотрѣть, что показывали ихъ лица; и такъ я все еще споялъ едва живъ и ожидалъ смертнаго приговора своего.

Еще разъ прошелся я по комнатамъ, потомъ опять къ окну. Толпа подошла ближе; я увидѣлъ, что лице де Гравіево весело. Лучъ надежды блеснулъ въ душѣ моей; не цѣлой свѣтъ еще давилъ меня.

Теперь толпа вошла на дворъ. Де Грави взглянулъ вверхъ, увидѣлъ меня и ласково кивнулъ головой; самое тяжкое бремя свалилось съ груди моей. Я хотѣлъ выдти ему на встрѣчу, но не могъ, а споялъ крѣпко на своемъ мѣстѣ и прямо устремилъ глаза на дверь. Она отворилась. Я хотѣлъ спросить, и того не могъ.

„Поздравляю!“ вскричалъ де Грави мнѣ въ стрѣчу, и слезы покапались у

Часть II. II

старика по лицу; „поздравляю! вы свободны!“

Съ этими словами повисъ онъ мнѣ на шею. Я не видалъ и не слышалъ ничего; чувствовалъ только слезы его на щекъ моей; но у меня слезъ не было. Поздравляю! отозвалось множество голосовъ около меня. Всякъ хотѣлъ прежде другаго обнять меня, и слуга мой крѣпко прижалъ меня къ груди своей. Я позволялъ все съ собою дѣлать, смотрѣлъ на всѣхъ, и не могъ ихъ благодарить, ниже говорить.

Драгунъ подалъ мнѣ письмо отъ Губернатора. Я неперенѣливо распечаталъ его и читалъ слѣдующее:

Monfieur!

Rejouissez - vous , mais odérez vos transports ; la foiblesse de votre santé l'exige. Ma prédiction s'est accomplie. J'ai la douce satisfaction de vous annoncer , que notre très - gracieux Empereur desire votre retour. Exigez tout ce qui vous est nécessaire , tout vous

sera procuré, l'ordre en est donné.
Volez, et recevez mes complimens.

Votre

trés-humble serviteur

le 4 Juillet.

D. Koucheleff (*).

Каждая строка глубоко врезалась въ моемъ сердцѣ! — Притомъ Губернаторъ прислалъ мнѣ связку газетъ и маленькую поздравительную записку отъ купца Бекера, которой случился при самомъ отправленіи драгуна и усиленно просилъ меня остано- виться у него въ Тобольскѣ.

Де Грави попомъ вынулъ ордеръ, по Руски къ нему писанный, и прочиталъ его мнѣ. Въ ономъ предписа- но ему было снабдить меня всемъ,

(*) Радуйтесь, но умѣрьте свое восхищеніе: слабое ваше здоровье того пребудетъ. Предсказаніе мое сбылось. Я съ пріятнымъ удовольствіемъ объявлю вамъ, что Всемилостивѣйшій Государь Императоръ желаетъ вашего возвращенія. Требуйте все, что вамъ нужно; все будетъ вамъ доставлено и о томъ уже приказано. Поспѣшите и примите мое поздравленіе!

чего я попребую, и деньгами, и какъ можно скорѣ меня отпратить.

Я все еще не могъ говорить; но наконецъ благотворныя слезы полились изъ глазъ моихъ: я плакалъ громко, сильно и долго; почти всѣ зрители плакали со мною.

Вдругъ бросился Соколовъ въ комнату; повисъ мнѣ на шею, и проливалъ горькосладостныя слезы. „Теперь я опять одинъ останусь,“ сказалъ онъ съ крайнею горестію; „но предъ Богомъ! я сердечно радъ!“

Всѣ что нибудь значущіе обыватели собрались около меня; комната моя была полнехонька; всякъ хотѣлъ изъяснить мнѣ свою радость, сказать что нибудь пріятное. Честной де Грави почувствовалъ, что пѣснопѣшановища мнѣ въ пятоснь; онъ заставилъ ихъ понемногу разойтись, и просилъ меня опобѣдать у него. — Ахъ, Боже мой! я не могъ ѣсть и пить. Желалъ только быть одинъ. Онъ спросилъ меня: „когда намѣренъ ѣхать.“ — Черезъ два часа! отъ-

чалъ я. — „Что мнѣ нужно?“ — Только лошади! — Онъ улыбаясь пошелъ, и я остался одинъ.

Не могу описатьъ, каково мнѣ было. Нѣсколько часовъ еще подгибались у меня колѣни; а сидѣть я не могъ; мнѣ должно было ходишь взадъ и впередъ. Мыслишь я совсѣмъ не въ состояніи былъ, а только чувствовалъ: одно воображеніе за другимъ быстро слѣдовали въ неясномъ представленіи; мнѣ все казалось, какъ будто жена моя и дѣти на облакѣ передо мною носящся. Я скоро почувствовалъ, что ощущенія мои умолкли, что я изможденъ. Теперь хотѣлъ я *подумать*, размыслишь, читать газеты, которыя читывалъ охотно; — но все напрасно! По временамъ лились опять слезы мои, и я только могъ выговорить: о Боже! Боже!

Когда я напослѣдокъ въ состояніи былъ чувствовать покой и беспокойство, то и капли горечи примѣшались въ чашу восторга моего. — Дра-

гунѣ (которому я въ первомъ жару радости далъ болѣе, нежели могъ дать) разсказалъ мнѣ, что изъ Петербурга пріѣхалъ Сенатской курьеръ за мною; но какъ ему предписано было ѣхать только до Tobольска, то и не могъ далѣе отправиться, а пошуму и не возможно было Губернатору уволить меня отъ обратнаго шуда пріѣзда. Такъ эша загадка для меня рѣшилась; но на другой, для меня гораздо важнѣйшій вопросъ драгунъ не могъ мнѣ отвѣчать: „Есть ли у курьера письма отъ жены моей? привезъ ли онъ хотя какое нибудь извѣстіе объ ней?“ — Ахъ! эшого онъ не зналъ; и слишкомъ вѣроятно было, что и курьеръ не привезъ ни писемъ, ни извѣстія для меня; ибо тогда бы безсомнѣнія челоѣколюбивый Губернаторъ упоминалъ о томъ. Онъ зналъ, какъ несказанно я люблю своихъ! Онъ видѣлъ горькія слезы мои объ нихъ, даже и самъ плакалъ со мною! — И онъ бы молчалъ о томъ! — Можетъ быть ему

должно было скрыть отъ меня что нибудь спрашное!

Я многое вымышлялъ къ своему мученію. Щастіе, что дорожные сборы разбивали меня. Ипаліанецъ мой не могъ ничего довольно скоро сдѣлать; неперпѣливостъ моя была робяческая. Все уклали въ чемоданъ кой-какъ и бросили въ кибишку. Между тѣмъ спѣшилъ я исполнить послѣдній долгъ и съ благодареніемъ проспипься съ добрыми людьми въ Курганъ. Легко понять можно, что у всякаго пробылъ только немного минутъ. У чесннаго де Грави оспавался всѣхъ долѣ, и онъ потребовалъ отъ меня даже очень трудной жерпвы, въ копорой однакожъ я не могъ опказать усиленнымъ его прозѣбамъ.

Юля 7го случился церковный праздникъ и ходъ въ сосѣдственную деревню. Набожный де Грави почишалъ долгомъ своимъ быть въ ходу со всѣми обывашелями, и при этомъ-то должно было и мнѣ быть. Онъ увѣ-

рилъ меня; что это не продлится и получаса, и я пошелъ съ нимъ.

Послѣ сего обряда поспѣшилъ я домой для послѣднихъ распоряженій. Тамъ нашелъ я добраго моего Соколова, съ грустною разхаживающаго взадъ и впередъ.

Еще наканунѣ того вечера говорили мы о томъ, что когда одинъ изъ насъ получитъ свободу, то осмѣяющийся будетъ очень несчастливъ. Теперь это подлинно случилось; но мы о томъ болѣе не говорили. — Я подарилъ ему ружье мое, патроны, всю мою аммуницію и все, безъ чего я могъ обойтись; онъ не говоря ни слова принялъ то, и въ слезахъ глазахъ его читалъ я: лучше бы было, еслибъ ты осмѣялся со мною! — Я просилъ его дать мнѣ письма къ его семейству, увѣряя его, что священнѣйшимъ долгомъ моимъ почтительно ихъ доставить; однакожъ непонимавшая его совѣстность не позволила ему и на это согласиться. Онъ опечаленъ не хотѣлъ поступить противъ

повелѣнія, и находилъ въ томъ за-
слугу, все сносишь и не будешь винов-
нымъ и въ малѣйшемъ непослушаніи.

Не мало огорчалась радость моя
тѣмъ, что эпопѣ честной человѣкъ
онъ бытности моей въ Курганѣ явное
несчастье прежняго счалъ. Чрезъ
меня привыкъ было онъ опять къ раз-
нымъ удобствамъ жизни, къ обще-
ственному обращенію, къ дружбѣ: мнѣ
могъ онъ жаловаться, я внималъ всегда
его сѣзованіямъ, а теперь оставался
онъ опять одинъ въ эпой нустыни! —
Я хотѣлъ взять его изъ норы его и
на зиму помѣстивъ въ своей кварти-
рѣ; а теперь ему должно было опять
маячиться въ копошномъ углу сво-
емъ! Со слезами прижалъ я его къ
моему сердцу; со слезами пошелъ онъ
отъ меня. — Я не видалъ его совсѣмъ
послѣ того; — когда вскорѣ попомъ
почти всѣ Курганскіе обыватели со-
брались на дворъ моемъ провожать
меня, но Соколова шумъ не было.

Съ часъ еще должно было мнѣ
ждать лошадей. Никогда не бывалъ

я неперывалисе; едва въ состояніи былъ отвѣчать на добросердечныя желанія обывашелей. Одинъ приготовилъ пуншу, другой принесъ свѣснаго, преній множество огурцовъ (*). Мнѣ бы должно пѣшкомъ идти возлѣ кибитки, еслибѣ я хотѣлъ все въ мее укласъ. — Богъ да наградитъ васъ, добрые люди! — Я конечно никогда уже васъ не увижу; но память сердечнаго, безкорыснаго вашего гостепріимства по самой гробъ сохранился съ признательностью въ сердцѣ моемъ! —

Наконецъ завягли лошадей; съ встѣхъ сторонѣ меня обнимали, прижимали, и посадили въ кибитку. Старой доброй де Грави сѣлъ ко мнѣ, ибо онъ непремѣнно хотѣлъ меня проводить хопя за городъ. Благія желанія отзывались въ слѣдѣ мнѣ, а я — упошалъ въ чувствахъ радости.

(*) Огурцы тамъ такъ рѣдки, что ихъ рѣжутъ ломочками, какъ у насъ дыни, и подаютъ для лакомства.

Отѣхавъ вершны двѣ, де Грави велѣлъ остано­виться, наклонился ко мнѣ, поцѣловалъ, плакалъ, при­жималъ къ сердцу, пошелъ, ворошилъ, потрясъ мою руку, сказалъ рыдаючи только слова: съ Богомъ! и оставилъ меня. — Я вспалъ, долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ, съ горестію глядѣлъ на городъ, бросилъ печальную мечту о моихъ спраданіяхъ и поскакалъ во всю рысь.

На этотъ разъ я не былъ прину­жденъ ѣхать обратно черезъ Тю­мень, пошому что воды гораздо уже стекли. Надѣвъ на голову шапку онѣ комаровъ — безъ которой невозможно ѣздить въ эту годовую пору — ѣхалъ я шибко во всю ночь. Тамошніе ко­мары впрочемъ совсѣмъ походяшіе на нашихъ, только что они желны, и — такъ мнѣ по крайней мѣрѣ пока­залось — еще гораздо несноснѣе и злѣе нашихъ.

Къ утру я на минуточку вздрем­нулъ, и пробужденіе мое доставило мнѣ новое радостное удовольствіе.

Съ минутоу не могъ я опомнитъся, что со мною случилось; но эта минутоу, въ копорую мало по малу развилась мысль о свободѣ моей, была небесная!

Послѣ полудня проѣхали мы черезъ Ялуторскъ. И здѣсь находились нѣкоторые ссыльные, а между прочими и Князь С —, бывшій Генералъ оубъ инфантеріи. Едва ли заслуживалъ онъ это наказаніе, по крайней мѣрѣ такимъ образомъ, какъ оно исполнилось. Скованнаго тяжелыми цѣпями, шацилъ его проводникъ, еще впрое жестокосердѣе моего, и онъ, въ оковахъ и больной, принужденъ былъ уступать тому въ кибиткѣ свое мѣсто, а самъ идти пѣшкомъ возлѣ нее. Сверхъ того всякими недостойными поступками и подлыми наруганіями старался потѣ извергъ еще болѣе сокрушать несчастнаго (*).

Между тѣмъ на дикихъ берегахъ Тобола ожидала его блаженная минутоу, въ копорой я ему часто зави-

(*) Совершенная невинность его послѣ оказалась, и ему возвращены всѣ чины и достоинства.

довалъ, и она конечно уладила ему спрaданія его. Когда его изъ Тобольска вели обратно въ Ялуторскъ, мѣсто, ему назначенное, и ему, по причинѣ покой воды, такъ какъ и мнѣ, должно было сдѣлать версиль дѣспи крюку большою дорогою, и шолько какъ хотѣлъ онъ отъ Тобола повернуть вънутрь справы, то увидѣлъ на этой рѣкѣ отъ другаго берега переправляющійся паромъ съ экипажами; а когда паромъ подходилъ ближе и ближе, то узналъ онъ свою фамилію, въ слѣдъ за нимъ отправившуюся. Онъ громко вскричалъ. Съ воды отзывались голоса его дѣшей и матери ихъ. Они проспирали къ нему руки — онъ бросался къ берегу, въ воду, пока шолько могъ — взлѣзъ на паромъ — Боже! какое зрѣлище! — Крестьяне, бывшіе при томъ, рассказали мнѣ это; они очень чувствовали такое происшествіе, и теперь еще съ умиленіемъ о томъ говорили.

Когда я проѣзжалъ черезъ Ялуторскъ, то Князь С — былъ боленъ,

но въ кругу своихъ и утѣшаемъ ихъ попеченіями.

Никогда не видывалъ я тучнѣйшихъ луговъ, какъ въ здѣшней степи. Косить ихъ можешь, кто хочешь, и большая часть остается некошенная, потому что недостаетъ рукъ снимать сѣно и скопины, которая бы могла его прѣстѣ.

Долженъ я упомянуть о достопамятности, встрѣпившейся мнѣ въ деревнѣ, неподалеку отъ Ялушорска. Безумной мальчикъ, лѣтъ осьмнадцати, ходилъ на четверенкахъ и доказывалъ, что человекъ по настоящему созданъ такимъ образомъ ходить. Онъ не только что очень скоро такъ бѣгалъ, но и голову держалъ совсѣмъ прямо вверхъ, почему конечно шейные мускулы могутъ привыкнуть къ такому положенію. Впрочемъ мальчикъ очень рѣдко спановился на ноги, и никогда *такъ* не *ходилъ*, часто же сидѣлся, почти какъ медвѣдь, на заднихъ ногахъ.

Между Ялупорскомъ и Тобольскомъ много деревень, обитаемыхъ Татарами. Этошъ народъ, кажется мнѣ, не заслуживаетъ того презрѣнія, какое къ нему имѣютъ. По случаю, какъ изломалась ось у кибитки моей неподалеку отъ такой деревни, могъ я нѣсколько покороче узнать ихъ.

Довольно поздно уже было тогда вечеромъ; однакожъ потчасъ прибѣжали многіе Татары охотно мнѣ на помощь. Одинъ изъ нихъ умѣлъ плотничать. Я остановился у его двора, и какъ онъ мнѣ сказалъ, что не прежде можно будетъ ѣхать какъ часа черезъ три, то приказалъ я слугѣ моему между тѣмъ приготовить мнѣ чаю.

Татарскія избы внутри очень гадки, и такъ я въ прекрасной лѣпнѣй вечеръ оспался на улицѣ, велѣлъ вынести себѣ стулъ и столъ, и открылъ погребецъ свой, чтобъ выпить чаю. Изъ любопытства собрались около меня всѣ деревенскіе жители. По видимому, они несвѣдущи были во всемъ,

до роскоши касающемся. Они удивлялись старому шелковому шлафроку моему, которой жена моя за внешостіе часто уже хотѣла бросить, и каждой хотѣлъ ощупать его.

Но самое радостное изумленіе доставило имъ зеркало въ крышкѣ опкрытаго моего погребца. Они толпами къ нему пристѣли, смѣялись разиня ротѣ, и показывали другѣ другу, что видны всѣ мѣста за собою. Я для шушки вынулъ зеркало и показалъ молодой женѣ плошниковой, которая прежде украдкою, а понемногу и смѣло и съ удовольствіемъ въ него смогрѣла, будучи очень хороша. (Казалось, что въ деревняхъ не такъ строго наблюдали обычай закрывать лице, какъ въ Казани: всѣ женщины, которыхъ я видѣлъ здѣсь, были не закрыты.)

Когда готовъ былъ чай, то зажегъ я свою трубку, и сѣлъ на груду бревенъ, лежавшихъ противъ дому хозяина моего. Живописецъ былъ ночью видѣн: около меня сидѣло по вы-

ше, по иже до двадцати Ташаръ, подо мною разведенъ былъ на самой улицѣ небольшой огонь, у котораго плотникъ работалъ около кибитки моей; по другую сторону улицы передъ избою сидѣли и стояли Ташарскія бабы, дѣвки и ребята, которыя не смѣли подойти ближе.

У меня съ ближними ко мнѣ Ташарами завелся крайне ещранной разговоръ. Какъ скоро они узнали, что я не Руской, по съ любопытнѣшествомъ разсирасивали они у меня: кто я, куда ѣду, гдѣ мое отечество, каково тамъ. — Какъ они и я дурно говорили по Руски, по намъ трудно было другъ друга разумѣть. Я сказалъ имъ, что я Саксонецъ. Они, поговоривъ между собою по Ташарски, спросили меня, не при Каспійскомъ ли морѣ лежишь Саксонія? Я не зналъ, какъ бы имъ обьяснить положеніе Саксоніи. Окололежащихъ владѣній они совсѣмъ не вѣдали, кромѣ Пруссіи, о которой однакожъ очень сбивчиво понимали. О

Французской войнѣ они и не слыхивали. Щастливый народъ!

Наконецъ вздумалъ я сказать имъ, что Папа гораздо ближайшій сосѣдъ къ моему отечеству; и, вопль тебе на! они объ немъ знали. Я называлъ слово Папа; но они поправили, и называли его *Калифомъ* и, къ моему удивленію, знали, что онъ соединяетъ духовную со свѣтскою властію.

Молодая женщина, которая по зеркалу сшала посмѣше, между тѣмъ слушая подошла ближе. Поэтому я вздумалъ спросить ихъ: водятся ли у нихъ многоженство? — Во всей деревнѣ было только двое мужей, имѣвшихъ не одну жену, и одинъ изъ нихъ былъ самъ хозяинъ мой. Меня спросили: не пріятно ли имѣть нѣсколько помощницъ и хозяекъ? — Каждой старался доказать выгоды такого установленія. „Когда жена устаетъ, говорилъ этотъ, то возмешь другую. — Когда ворчитъ одна, кричалъ тотъ, то смѣется другая.“

Очень хорошо, ошвѣчалъ я; не также ли это пріятно и женамъ? — При томъ взглянулъ я на пригожую свою хозяйку. Какъ она мало разумѣла по Руски, то перевели ей сидѣвшіе возлѣ меня вопросъ мой. Она улыбнулась, и раза два кивнула головой, какъ будто хотѣла сказать: да, твоя правда! потомъ взглянула робко къ избѣ, гдѣ сидѣла угрюмая женщина лѣтъ въ сорокъ, конечно ея участница въ супружескомъ ложѣ. Глазъ мой слѣдовалъ за ея взглядомъ, и мнѣ показалось, какъ будто я самъ яснымъ взоромъ вникъ во все ея домашнее положеніе.

Участіемъ моимъ я очевидно задобрилъ молодую бабенку; ибо она безъ моего пребыванія принесла горшокъ съ яйцами, приставила его къ огню у ногъ моихъ, пристѣла такъ, что огонь освѣщалъ и разжигалъ ея лице, сварила яйца, положила ихъ въ деревянную чашу и подала мнѣ.

Наковецъ повозка моя была готова. Плосникъ взялъ за работу очень

мало; но за угощеніе совсѣмъ ничего не взяли. Мы распались съ сердечнымъ доброжелательствомъ другъ другу, и хотя я жалѣлъ о потерянномъ времени, но долженъ признался, что провелъ его очень пріятно.

Тогда продолжалъ я путь свой безъ дальнѣйшихъ случаевъ, и 9 го рано по утру прибылъ на послѣднюю станцію къ Тобольску. Здѣсь еще не очень сбыва вѣшняя вода, и мнѣ должно было послѣднія чепыре мила, какъ и во время пріѣзда моего, плыть въ плохой лодкѣ. Но погода была преосмѣнная, ясная, точно какъ тогда, и чувствованія мои были также ясны. Я совсѣмъ другими глазами увидѣлъ всѣ знакомые уже предметы; душа моя унодоблялась зеркальной поверхності, по которой я покойно плылъ.

Въ 10 часовъ передъ полуднемъ вышелъ я на берегъ Тобольской. Хотя доброй Бекеръ и приглашалъ меня къ себѣ, но я не рѣшился принять его приглашеніе, опасаясь, чтобы, при

ездѣ наблюдаемой необходимой осторожности, не пропивно то было Губернатору.

И я охотно пошелъ опять на старую свою кварширу, гдѣ хозяинъ привалъ меня съ великою радостію и отвелъ мнѣ ту самую комнату, въ которой въ отсутствіе мое жилъ уже еще другой несчастной. — Я велѣлъ черезъ драгуна доложить Губернатору о прѣздѣ моемъ и спалъ скорѣе одѣвшись, дабы въ слѣдѣ за нимъ идти къ нему.

Присланный за мною курьеръ, по имени Карповъ, жилъ въ этомъ же домѣ, но ослучился; по тому мнѣ должно было неперпѣливые распросы о моихъ оставивъ еще на сердцѣ и поспѣшивъ къ благородному Кушелеву. Я нашелъ его, какъ и въ первой разѣ, въ саду. Онъ сердечно прижалъ меня къ груди своей, и радость блистала въ глазахъ его.

Первой вопросъ мой былъ о женѣ и дѣтяхъ. Ахъ! онъ ничего не зналъ объ нихъ, но старался успокоить меня разными чаяніями. Онъ показалъ

мнѣ относящійся до меня указъ , со-
державшій въ нѣсколькихъ строкахъ
отъ Генералъ - Прокурора повелѣніе :
„находящагося подъ присмотромъ его
Коцебу тотчасъ свободить , отпра-
вить въ Петербургъ и на казенной
счесть снабдить его всемъ нужнымъ
или чего онъ потребуетъ.“ — Сверхъ
того приказано было курьеру написать
прогону.

По сему повелѣнію спросилъ
меня Губернаторъ , что мнѣ нужно. —
У меня еще оставалась не одна сот-
ня рублей, и потому я сначала ничего
не хотѣлъ взять ; но это могло бы
показаться упрямствомъ ; и когда Го-
сударь извѣялъ уже такое благоволе-
ніе ко мнѣ , то Ему бы могло про-
тивно показаться , когдабъ я какъ
будто презиралъ Его пожалованіе. Съ
другой стороны опасался я просить
слишкомъ много , не желая показанъ-
ся ни безстыднымъ , ни упрямымъ.
Губернаторъ весьма одобрилъ мои за-
мѣчанія. По просьбѣ моей присовѣто-
валъ онъ мнѣ взять прѣста рублей ,

чтобъ ни мало, ни много не было. Такъ и было положено, и я теперь ничего болѣе не желалъ, какъ отпра- виться черезъ два часа. Губернатору непремѣнно хотѣлось оставить меня еще на нѣсколько дней въ Tobolskъ; но когда я ему довольно живо пред- ставилъ, что всякой часъ замедленія почитаю похищеннымъ у жены моей, то онъ тотчасъ согласился. Потомъ общалъ мнѣ ускорить моимъ отпра- вленіемъ, и хотѣлъ опять выкупить мою коляску. Последнее я не принялъ, желая лучше ѣхать въ тряской ки- бицкѣ, нежели поминутно останавли- ваться дорогой за починками.

Однакожъ отправленіе мое про- исходило не такъ поспѣшно, какъ я желалъ. Выдача трехъ сотъ рублей — которые бы я охотно оставилъ — требовала разныхъ обрядовъ: надобно было для того писать изъ Правленія въ Казенную Палату. Тамъ же при- судствовали только до обѣда; пото- му сегодня уже поздно было, и мнѣ

съ крайнею неволею должно было рѣшиться ночевать въ Tobolskѣ.

Опобѣдавъ у Губернатора, ходилъ я къ пріятелямъ моимъ Киндякову, Бекеру и честному Пешперсону, которые всѣ приняли меня съ неліце-мѣрною радостію, а потомъ пошелъ домой. Здѣсь нашелъ я наконецъ моего курьера, но и онъ, по несчастію, не могъ мнѣ ни слова сказать о моемъ семействѣ. Изъ даннаго ему особаго предписанія, которое онъ далъ мнѣ прочесть, усмотрѣвъ я, что въ Пешербургъ совершенно должны были удостоверены о невинности моей, и ему тамъ именно повелѣно было имѣть обо мнѣ въ дорогѣ попеченіе и оказывать всякое удовольствіе. Но для этого не такого человека выбрали, ибо К — въ былъ очень вялъ и не расторопенъ. Онъ ни о чемъ не заботился, ему все равно было, скоро ли или поздно мы ѣхали. У него не было прочимъ людямъ его званія свойственной уловки понукавъ ямщиковъ и почтовыхъ содержателей и проч. по-

величельными, дерзкими словами. Это пошчасъ примѣчали въ немъ, и непоколебимая его вялость въ послѣдствіи часпо выводила меня изъ терпѣнія. Впрочемъ онъ былъ изрядной человѣкъ, избалованной ашпенарской ученикъ, которому бы опшмѣнно годилось сидѣть за печкою и ѣсть вдоволь у ма п у ш ки; ему очень не любо было, что онъ не могъ еще недѣли двѣ покойно прожить въ Тобольскѣ. При томъ онъ очень надокъ былъ на деньги: я при первомъ нашемъ свиданіи подарилъ ему сто рублей, и этого ему казалось *мало*.

Во весь вечеръ не выходили изъ моей комнаты поздравляющіе знакомые и незнакомые. Губернаторъ самъ посѣтилъ меня, и всѣ другъ передъ другомъ спарались сердечно изъяслять мнѣ учтивости.

Эту ночь спалъ я въ первой разъ хорошо и покойно, — и пробудился рано съ радосшною надеждою опшравиться въ девять часовъ, къ чему я уже и нанялъ барю; но, къ сожалѣнію,

Часть II.

К

продлилось еще почти до вечера, пока для маловажной суммы, прехъ сомъ рублей, все написали, подписали и законнымъ порядкомъ исполнили. Можеть бытъ я долженъ почестъ это за щасіе, какъ неприятно оно мнѣ тогда ни было; ибо во весь день была у насъ самая сильная гроза, которая бы на водѣ очень опасна могла бытъ для меня. Сверхъ того еще другую выгоду получилъ я черезъ то: я въ угодность обѣщаль взять съ собою до Пѣтербурга вмѣсто слуги сына поручнаго Нѣмца; но онѣ меня утаили, что съ этимъ молодымъ человекомъ всякой день бывають припадки падучей болѣзни, и такъ бы онѣ мнѣ очень тяжѣлшой товарищъ былъ въ дорогѣ, есѣлибъ замедленіемъ моимъ въ Тобольскѣ не обнаружилась болѣзнь его сама собою.

Поневоѣ пропировалъ я этотъ день у пріятелей своихъ. Вечеръ былъ уже, когда напоследокъ все порядкомъ было сдѣлано; но самая бурная погода и наступающая ночь понудили меня по-

жертвовать еще нѣсколькими часами. Я назначилъ отъѣздъ свой въ 3 часа утра и легъ не раздѣваясь на постель.

Легко можно повѣрить, что я и прежде всѣхъ въ домъ проснулся, или, лучше, совсѣмъ почти не спалъ. На самой зарѣ вскочилъ я и будилъ соннаго моего К — ва. Хопя буря еще усилилась, а не стихла, но я никакъ не могъ долѣе оснаваться. Въ чепыре часа были мы на берегу Иртыша, и я съ радостнымъ восторгомъ видѣлъ повозку свою въ сильно колыхающейся лодкѣ. Не опасенъ ли буденіе перѣздъ? спросилъ я кормчаго. — Не очень опасенъ, отвѣчалъ онъ, не совсѣмъ утѣшно для меня. Но неперпѣливосшь моя преодолѣла гораздо страхъ, и — что ни говорили провожаемые мои — я настоялъ на томъ, чтобы ѣхать.

Ишаніенецъ мой проводилъ меня до берегу. Онъ по виду съ чувствительностію проснился со мною; но елики чувствительность его не приговорна была, то происходила можетъ быть сожалѣнія, что онъ впередъ не

будень меня обкрадывать: ибо хотя я, сверхъ обѣщанной плащы, еще богато наградилъ его, однакожъ черезъ нѣсколько дней послѣ нашелъ, когда раскрылъ чемоданъ свой, что онъ и безъ того нелѣшними вещьми Христіански со мною подѣлился: *подѣлился* въ настоящемъ смыслѣ; ибо опю всего не находилъ я точно половины, и даже просшью одну распоролъ онъ пополамъ. Желая, чтобъ онъ покойно почивалъ на ней, и не сомнѣваюсь въ исполненіи этого желанія: ибо пвердой духъ его не зналъ, что такое *еще совѣсть*.

Наконецъ — наконецъ опвалили мнѣ онъ берегу! съ горестною радостію глядѣлъ я, какъ разширялось пространство между мною и берегомъ. Я усеремилъ пристально глаза мои на плывучіе мало по малу Тобольскіе дома и насладился бы нѣсколькими блаженными часами въ пиломъ безмолвномъ чувствованіи, есмлибъ усиливающаяся буря, спрашное колыханіе еудна и поперемянной крикъ гребцовъ

и кормчаго не нарушали слишкомъ часто приаппной мечны моей.

Пока еще мы плыли по разлившейся только водѣ, и какъ можно ближе къ лѣсамъ держались, по тѣхъ норѣ все еще довольно хорошо шло; но когда выплывали далѣе въ открытыя мѣста, или должны были переправляться по разнымъ извилинамъ Ирпыша и Тобола, тогда увеличивалась опасность: судно страшно качалось; волны ужасно били въ него; воду должно было испѣнно вычерпывать шляпами и чашками. На ногахъ стоятъ никакъ не можно было, чтобъ не быть въ опасности опрокинуться; а одинъ разъ, какъ мы хотѣли переплыть Тоболъ поперегъ и буря намъ была съ боку, то судно чуть-чуть было не перевернулось. За день передъ тѣмъ случилось такое несчастіе. Мы тѣмъ только благополучно избавились опасности, что все вмѣгъ бросились на противную сторону, чтобъ удержавъ равновѣсіе.

Бывали опять и плоскія мѣста, гдѣ видна была шрава и судно садилось на дно. Тогда гребцамъ должно было всѣмъ по поясу входить въ воду, чтобы спастись его, что часто очень медленно и съ крайнимъ трудомъ дѣлалось.

Наконецъ — пробывъ на водѣ болѣе семи часовъ — пристали мы благополучно къ другому берегу; и такъ миновались для насъ и всѣ неудобства перѣзда водою: ибо всѣхъ прочихъ премногихъ переправъ черезъ разлившіяся воды, польза замедлившихъ весною прибытіе мое сюда, теперь не было. Мрачная Тура, красивая Кама, величественная Волга, быстрая Вятка, словомъ, всѣ рѣки уже вошли въ берега свои и какъ будто согласно способствовали мнѣ скорѣе достигнуть нестерпиво желаемой цѣли.

Но пока еще доѣхалъ до Тюмена, угрожала мнѣ еще другая опасность; именно я занемогъ, очень занемогъ. Причины я не знаю; но припадки были шакковы, какіе прежде никогда се

мною не бывали. Каждое потрясеніе такъ больно мнѣ чувствовалось, что я принужденъ былъ и на самой ровной дорогѣ ѣхать шагомъ. Кромѣ лимонаднаго порошка со мною никакихъ лѣкарствъ не было. Хотѣя добрый Петерсонъ хотѣлъ мнѣ ихъ дать съ собою, но я почиталъ невозможностію занемочь на такой веселой дорогѣ и потому пренебрегъ всякую предосторожность. Да я бы и не зналъ, что мнѣ принять, какъ у меня такой болѣзни никогда не бывало. И такъ я съ терпѣніемъ спрдаалъ, и мучилъ себя мыслию, что, можетъ быть будучи такъ близко къ цѣли, не увижу однакожъ семьи своей.

Такъ припавши меня въ Тюмень, куда мы пріѣхали послѣ полудня. Курьеръ мой совѣтовалъ мнѣ остаться здѣсь и полѣчиться; но я никакъ на то не согласился. Какой покой или лѣченіе могъ я тамъ имѣть? Не уже ли бы мнѣ вѣтрилъ себя незнающему врачу? ибо Лѣкаря тамъ не бывало. Поэтому, рѣшилъ я наудачу ѣхать

далѣе. Теперь уже я недалеко былъ отъ Сибирской границы! по крайней мѣрѣ хотѣлось мнѣ умереть за нею!

И такъ мы поѣхали далѣе; но состояніе мое въ короткое время такъ стало хуже, что я на другой станціи не могъ вынести пряжки и принужденъ былъ остановиться въ дурной деревнѣ. Тогда былъ уже вечеръ. Я приказалъ, какъ можно было лучше, приготовить себѣ постель въ кибиткѣ и старался уснуть. Но это совсѣмъ невозможно было; а зато природа укрѣпилась въ эту ночь. Конечно поспать было къ тому самое болѣзненное усиліе; однакожь спанелся, что этому кризису обязанъ я тѣмъ, что въ слѣдующую зиму наслаждался такимъ совершеннымъ здоровьемъ, какого не зналъ прежде съ двенадцати лѣтъ.

На другое утро, хотя и очень слабъ, но въ примѣрно лучшемъ состояніи, продолжалъ я дорогу, и въ десяти часовъ передъ полуднемъ прѣхалъ къ Tobольскому пограничному

столбу, среди самого лѣса, на ко-
рой я прежде, ѣдучи сюда, смотре-
лъ съ столь спрашною гореснію.

Оставляя тогда Москву, дозво-
ли мнѣ запасись немногими бушыл-
ками вина для укрѣпленія моего. Я
купилъ Бургонскаго. Но какъ въ Мо-
сквѣ бушылка стоила чепыре рубли,
то кошелекъ мой не позволилъ мнѣ
взять болѣе трехъ бушылокъ, ко-
торыя сберегалъ я на случай болѣзни.
Почти двѣ были опорожнены, когда я
прибылъ въ Тобольскъ. Третья поѣха-
ла со мною въ Курганъ; я берегъ ее
какъ сокровище и назначилъ для ра-
достнаго пиру въ тотъ день, въ ко-
торый бы пріѣхала ко мнѣ жена моя.
Но теперь — въ виду Сибирскаго гра-
ничнаго столба — винулъ я ее. Про-
бошникомъ, который добрая моя мать
подарила мнѣ о Рождествѣ прошлаго
года, и повывъ безъ употребленія
лежавшимъ въ погребцѣ моемъ, отку-
порилъ я ее; съ радостию тянулъ изъ
нее, между тѣмъ, какъ слезы каши-
лись по щекамъ моимъ. Курьеру и

Часть II.

Л.

ямщику должно было также пить со мною ; пускую же бушылку разбилъ и о столбъ и съ облегченнымъ сердцемъ, какъ будто все горе прошло , поскакалъ съ пѣснями далѣе.

Чѣмъ болѣе я ежечасно спановился здоровѣе и радостнѣе, тѣмъ болѣе усиливалось желаніе мое скорѣе ѣхать. Но не одно обстоятельство препятствовало скорости. Первое было не крѣпкая кибишка моя. Я купилъ ее спарую, и проѣхалъ въ ней теперь, считая и дорогу въ Курганъ и опшуда, почти до двухъ сотъ Нѣмецкихъ миль. Она съ часу на часъ болѣе скрипѣла и качалась ; все предвѣщало скорое ея разрушеніе. Разъ уже съ двенадцать я оспанавливался, и по это, по другое починивалъ. Я ожидаю той минушы, что сяду съ нею на самой дорогѣ, и потому рѣшился непременно на первой станціи бросить не крѣпкую повозку, и лучше продолжать путь въ перекладной кибишкѣ. Конечно такіа перекладныя кибишки самыя плохія, безпокойныя, рѣдко покрыты ошъ дурной погоды, припомъ

такъ корешки, чпо не мѣзя протя-
нушь ногъ; на всякой спаніи ихъ
перемѣняющъ и на всякой поклажу
бросающъ шуда и сюда. Напрасно за-
бывается вѣдущій въ холодныя ночи въ
подушки: едва успѣлъ онъ согрѣться,
такъ должно выльзати, каковабъ по-
года ни была; естѣли дождь пойдетъ,
то подушечки его совсѣмъ промочитъ;
онъ долженъ опятъ лечь на нихъ и
согрѣть своимъ тѣломъ. Поистинѣ,
надобно очень крѣпкому человѣку быть,
чтобъ здорово совершилъ *такимъ*
образомъ дальній путь.

Все это предсказывалъ мнѣ курь-
еръ мой; ибо онъ самъ слишкомъ мно-
го терялъ въ перемѣнѣ, и попому вея-
чески убѣждалъ меня. Но я расчелъ,
что можетъ быть цѣлымъ днемъ и
болѣе ранѣе пріѣду, и такъ однимъ
днемъ скорѣе увижу мое семейство.
Возможно, что добрая жена моя
болѣна, станется опасно болѣна, что
пріѣздъ мой подѣйствуетъ къ ея выз-
доровленію, что жизнь ея можетъ за-
висѣть отъ одного часа ранѣе или

позже, преодолѣла всѣ сомнѣнія. Я спросилъ на первой станціи о бѣднѣйшемъ человѣкѣ въ деревнѣ; ему подарилъ свою кибишку и такъ избавился отъ перваго препятствія.

Но другое препятствіе пруднѣе было опровергнуть; ибо какъ можно было вселить въ моего вялаго К — ва живость и распорочность? Тутъ не помогала ни брань, ни сердце, не помогали ни подарки, ни угрозы: лѣность его была непреодолима. Онъ вѣчно зѣвалъ, вѣчно спалъ; и для него все равно было, часомъ ранѣе ли или позже мы на станцію прѣидемъ. Къ мученію моему не могли выбрать лѣнивѣйшаго болвана, какъ этого, который часто доводилъ меня до отчаянія.

Въ этой бѣдѣ, къ утѣшенію моему, нагналъ насъ наконецъ другой курьеръ, Василій Сукинъ. И онъ опрометью отправленъ былъ изъ Дворца въ Тобольскъ для освобожденія купца, котораго за восемь лѣтъ всемогущій Князь Поженикинъ шуда сослалъ. Этого

человѣкъ находился въ Пелымѣ (если не ошибаюсь, еще за тысячу верстъ отъ Кургана), и когда я выѣхалъ изъ Тобольска, по Сукинѣ дожидался еще все его прибытія. Наконецъ онъ пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней послѣ моего отбѣзда. Ноги у него опухли и въ ранахъ были; но и онъ изъ нетерпѣливости не хотѣлъ дожидаться вылеченія, поѣхалъ, и — благодаря лѣниваго К — ва моего — подъ Екашеринбургскѣмъ нагналъ уже насъ.

Теперь пошло скорѣе и лучше; ибо Сукинѣ былъ проверный, ласковой молодой человѣкъ, у котораго все шло мигомъ, и онъ охотно и услужливо поропилъ перемѣну лошадей, а въ нужномъ случаѣ и самъ бралъ въ руки плешь и сильно выгонялъ лѣноснѣе людей и лошадей. Теперь моему К — ву нечего было дѣлать, какъ только за нимъ ѣхать. Но и шумъ опскавалъ онъ часто совсѣмъ, и мы почти всегда четвертью часа позже пріѣзжали на мѣсто. Однакожъ тогда находили мы уже лошадей въ хому-

унахъ и все потчасъ поспѣвало. Безъ
этого распоропнаго Сукина я бы вѣр-
но цѣлою недѣлю позже прѣхалъ въ
Петербургъ.

Скажу еще слово о Рускомъ кун-
цѣ, котораго онъ везъ. Онъ прежде
былъ коронный пославщикъ и человекъ
богачей, имѣлъ домъ въ Петербургѣ,
а другой въ Москвѣ. Какъ ему очень
долго не выдавали значныхъ суммъ
и всякій шикансва дѣлали, то осмѣ-
лился онъ нѣсколько смѣло поговорить
въ передней у Князя, и тогда его
вмигъ оправили въ Сибирь, отобравъ
у него все, даже и шубу его. Тамъ въ
Пелымѣ, гдѣ онъ какъ послѣдній рабо-
чий человекъ горестно промышлялъ
хлѣбъ свой, забыли о немъ; да онъ
сказывалъ даже, что его показали уже
умершимъ. Тѣмъ болѣе было его изум-
леніе и восторгъ, когда вдругъ при-
былъ вѣспникъ свободы его. Онъ не
могъ понять, какимъ образомъ это
случилось, какъ и черезъ кого Госу-
дарь о немъ свѣдалъ? — Онъ также
ославилъ жену и дѣтей, не простивъ

жись съ ними, и во есъ восемь лѣтъ не слыхалъ ничего ни объ нихъ, ни объ имѣніи своемъ. Можно себя представивъ непереносливостъ его! онъ былъ слабъ и боленъ! на каждой станціи должно было ему перевязывать свои ноги; однакожъ все по немъ не довольно скоро дѣлалось, а за нимъ ни минушу никогда не мѣшкали.

Іюля 15 пріѣхали мы въ Екаптеринбургъ и тамъ немного отдохнули. Тамъ купилъ я нѣсколько Сибирскихъ дорогихъ камней, которые гранены въ шамошней гранильнѣ и очень дешевы были. Я назначилъ ихъ для двухъ ожерельевъ моимъ дочерямъ и наследникамъ моимъ праправнучатамъ, чпобъ они при помъ воспоминали нещасное приключеніе предка своего.

Въ Кунгурѣ, скверно мощеномъ городѣ, черезъ которой мы чрезъ нѣсколько дней потомъ проѣхали, я едва было не убитъ. Мы во всю скачѣхъ съ горы. Вдругъ переломилась у меня ось; кибишка опрокинулась, лошади мчали, а я головою, волочилъ

ся по камнямъ. Хотя шляпа сберегла меня немного; но есѣлибѣ не былъ тогда базарный день въ Кунгурѣ и во множествѣ собравшіеся крѣстьяне соединенными силами не удержали испуганныхъ лошадей, то я бы вѣрно погибѣ. Еще бы только пятьдесятъ шаговъ, и черепъ мой разшибся бы; теперь же я опдѣлался сильными убоями. Ямщикъ ушибся болѣе моего и у него жестоко кровь текла; вялой К — въ мой, сидѣвшій, къ счастью его, на облукѣ свеся ноги, тотчасъ соскочилъ и покойно лежалъ въ грязи.

18 Пріѣхали мы въ Пермь, гдѣ я опять остановился у честнаго часового мастера Розенберга и покойно отдышалъ на той самой софѣ, на которой за два мѣсяца съ опчаяніемъ валялся.

На дорогѣ изъ Перми въ Казань не случилось съ нами ничего, и надежная веселость моя нарушалась только иногда часными встрѣчами многихъ ссыльныхъ. Иные ѣхали,

какъ и я прежде, въ каретахъ и коляскахъ, другіе на шельгахъ; большая же часть шла пѣшкомъ по двое скованные и провожаемые вооруженными крестьянами, смѣнявшимися отъ деревни до деревни. У иныхъ были на шеѣ деревянные рогащкы, отъ которой толстой кляпъ висѣлъ черезъ грудь по самыя колѣна, и въ кляпъ продѣланы были двѣ дыры, въ которыя просунуты были ихъ руки. Всѣ эти пѣшеходы жалостно просили милоспіны; и, ахъ! какъ охотно подавалъ я свободный, поспѣшающій въ объѣздія семейства моего; какъ охотно подавалъ, чѣмъ у меня было!

Встрѣчалъ я и множество колонистовъ. Они назначены были къ населенію новаго города, заводимаго по повелѣнію Государя на Кипайской границѣ. Взрослые шли пѣшкомъ; робѣша большія и малыя выглядывали изъ повозокъ промежду сундуковъ и коробокъ, между куръ и собакъ.

Іюля 22 по полудни былъ я въ Казани, и жилъ на эстонъ развѣ

въ прекрасномъ, для публичныхъ увеселеній опредѣленномъ домъ у тихой ласковой хозяйки, но не забылъ побывашь и у Есифея Тимофеевича и еще разъ поблагодарить его за оказанное гостепріимство.

Болѣе всего остался я на этотъ день въ Казани для двоюродной сестры жены моей, которая была тамъ съ мужемъ. Я зналъ, что она имѣетъ переписку съ фамиліею своею въ Эстляндіи; и шакъ я надѣялся у нее удовлетворишь неперытнѣю моего сердца и получить отъ нее извѣстіе о женѣ моей. Съ пррешомъ вошелъ я къ ней въ домъ и принявъ былъ очѣнь ласково; но, ахъ! и здѣсь не было утѣшенія для меня! она не знала ничего, совсѣмъ ничего о семействѣ моемъ! — Хотя недавно еще писалъ къ ней одинъ изъ братьевъ ея, и сообщилъ ей разныя неважныя семейственныя извѣстія, на прим. что сестра моей жены, Баронесса Делмингсгаузенъ, поѣдетъ въ Германію; но о моей Христинушкѣ ни слова! — Есть

люб
как
мнѣ
прео
и по
посп
слов
пог
бы:
или
Меж
наде
дума
бы

Каз
мне
и
спв
рмв
раст
они
оче
осп
Г.
чл

любъ этотъ неласковой человекъ зналъ, какое горестное чувствованіе онъ во мнѣ произвелъ этимъ молчаніемъ, то преодолѣлъ бы излишнее свое сомнѣніе и по меньшей мѣрѣ въ немногихъ, для постороннихъ ничего незначащихъ словахъ, не упоминая совѣтъ моего тогда ненавистнаго имени, сказалъ бы: „сестра наша Христина здѣсь, или шамъ; ей шаково, или шаково.“ — Между тѣмъ я почерпнулъ нѣкоторую надежду изъ письма его; не лѣзя бышь, думалъ я, чинобъ она *умерла*; о томъ бы онъ вѣрно написалъ.

Крайне пріятно удивилъ меня въ Казани пріемъ, мнѣ оказанный. Знакомые и незнакомые, Нѣмцы, Французы и Рускіе съ ласковымъ любопытствомъ толпились ко мнѣ и наперебывъ спарались извѣстить свое благо-расположеніе. За два мѣсяца слышали они кой-что о проѣздѣ моемъ, и очень спарались тогда узнать, гдѣ я остановился ночевать; но напрасно! Г. Ш. . . . нѣ слишкомъ хорошія принялъ предосторожности.

Казань большой, многолюдной, хорошо выспроенный, веселый городъ. Госпиной дворъ величиною и множествомъ товаровъ мало уступаетъ Московскому и Петербургскому. Древній Замокъ Татарскихъ Хановъ, разоренный Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ, представляеиъ на скалѣ своей опшмѣнно живописный видъ. Окружающій его очень велика и развалины обращены шеперь въ Коммандантской домъ.

Въ Казани между иностраннхъ существуеиъ пріятное, ласковое обращеніе. Еслибъ мнѣ должно было для жишья выбрать мѣсто внутри Россіи, то я бы конечно всѣмъ предпочелъ этотъ городъ.

При отѣздѣ моемъ провожали меня около шесни кареиъ и дрожекъ до берегу Волги, кошорая шеперь не омывала (какъ при первомъ моемъ пріѣздѣ) сѣны городскія, но вошла въ берега свои въ семи верстахъ отсюда. — Въ Казани же ку-

илъ я опять себѣ особую кибитку и
ѣхалъ теперь гораздо покойнѣе.

За Волгою показалъ мнѣ К — въ
мѣсто, гдѣ онъ встрѣтилъ возвраща-
ющагося Ш. . . . на и Шульгина, и
къ ихъ крайнему удивленію сказалъ
имъ, за чѣмъ онъ ѣдетъ. Ш. . . . нѣ
жалѣлъ, что онъ не ранѣе свѣдалъ о та-
кой перемѣнѣ моихъ обспоятельствъ. —
Между Казанью и Нижнимъ Новгоро-
домъ видѣлъ я такъ часно по обѣ
спороны, дороги около огня располо-
жившіяся толпы вооруженныхъ людей,
что наконецъ любопытствовалъ узнать,
за чѣмъ они шутъ. Объясненіе было
не очень успѣшно. Эти люди были
шутъ на караулъ по поводу многихъ
случившихся здѣсь разбоевъ. Славная
Макарьевская ярмарка особенно при-
влекала разбойниковъ въ здѣшнія мѣ-
сна. Мнѣ по щастію ничего подозри-
тельнаго не встрѣтилось.

Подѣзжая къ Нижнему, глаза мои
восхищены были предметами, кото-
рыхъ я давно не видалъ; здѣсь попа-
лись мнѣ первыя вишневыя деревья и

первые пчельники. Известно, что во всей Сибири — не знаю ошъ чего — не находяшъ пчелъ и раковъ. Также нѣшъ шамъ и плодовиныхъ деревъ, и я потому не могу описать, какое радостное впечатлѣнiе произвелъ во мнѣ видъ старыхъ знакомыхъ моихъ. Теперь я былъ опять въ Европѣ и, какъ мнѣ казалось, такъ близокъ уже къ своему дому!

Прельщаясь этою мечтою, хотѣлъ я заказать для себя въ Нижнемъ, въ шракширѣ, хорошій обѣдъ, какъ тогда было обѣденное время; но другаго шракшира здѣсь не было, кромѣ негодныхъ кабаковъ. И такъ я остановился у почтоваго двора и приготавливаясь сѣсть въ кибиткѣ кусокъ хлѣба съ сыромъ, между шѣмъ какъ Сукинъ вошелъ пошоропишь перемѣною лошадей. Ошъ него узнали въ домѣ, что я шакъ, и пошчасъ вышелъ слуга, который ошъ имени госпожи Почтмейстерши очень учливо просилъ меня кушать. Длинная борода моя, вклокоченныя волосы и изорванный

плафрокъ достаточно извиняли меня въ отклоненіи приглашенія; но оное повсюду было очень усиленно и съ примолвкою: что я одинъ одинокъ буду ѣсть въ особой комнатѣ и никакъ не войдемъ ко мнѣ.

Я не могъ долѣе противиться такой учтивости, какъ сверхъ того и съ нѣсколькихъ дней худо подкрѣпленный желудокъ мой понуждалъ меня къ тому. И такъ я вышелъ и явился почти въ видѣ бѣднаго Тома въ Шекспировомъ Мерѣ. Меня повели въ красивую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ для одного человѣка и гдѣ я подлинно оспался нѣсколько минутъ одинъ. Но вдругъ вошла молодая пригожая Дама, хозяйка шамшняя, которая стала говорить со мною по Нѣмецки и въ извиненіе приводила желанія ея познакомиться со мною.

Хотя я очень почитаю прекрасной полъ, но появленіе благодѣтельницы моей причинило мнѣ не малое замѣшательство. Я стоялъ передъ нею какъ Киникъ передъ Аспазіей; милая

ласковость ея не могла преодолѣть моего смущенія, когда я взглядывалъ на лохмощья моего шлафрока, или даже въ зеркало. Но что совсѣмъ со мною стало, когда понемногу вся комната наполнилась почтеннѣйшими мушкетерами и женщинами, Русскими и Нѣмцами, которые все учтиво ко мнѣ подходили, и я въ кругу ихъ одинъ былъ, какъ Король Испанской; и они меня по сердечнымъ участіемъ, по лестною похвалою приводили въ замѣшательство, а напоследокъ даже принесли первую часть новѣйшихъ моихъ театральныхъ пьесъ, для сличенія находящагося въ ономъ портрета, съ бородатымъ подлинникомъ!

Сколь избыточно писалось здѣсь слово мое и тщеславіе вмѣстѣ; но признаюсь охотно, что я тогда только сталъ радоваться этимъ наслажденіемъ, когда опять сидѣлъ въ кибиткѣ моей. А тогда — зачѣмъ мнѣ упоминать это! — упѣшало меня пріятное лестное воспоминаніе, что еще на границахъ Азіи, и даже въ этой,

по слуху полѣ дикой часпи свѣта, нашелъ любитель мой музыки, которые въ спасенные часы жизни моей охотно мнѣ ласки и помощь оказывали, видя во мнѣ стараго знакомаго, котораго давно уже полюбили. О, такая похвала поистинѣ стоить болѣе похвалы Журналистовъ, которая нынѣ — почти могъ бы я утвердительно сказать — *живымъ* Поэтамъ не иначе какъ изъ мушныхъ источниковъ истекаетъ!

Еще разъ только угрожала мнѣ вѣроятная опасность на пуши въ Москву, которой избѣжалъ я бдительно-снѣю моею. Четыре ночи уже не имѣлъ я сна, и потому однимъ вечеромъ, какъ еще сверхъ того днемъ сильной дождь шелъ, рѣшился до разсвѣта остановиться въ одной деревнѣ. Я накрѣпко приказалъ въ четыре часа утра запретъ лошадей и меня тогда разбудить. — Меня точно разбудили; а взглянувъ въ окно, показалось мнѣ, какъ будто уже свѣтаетъ, и я тотчасъ бросился въ кибитку. Сукинъ

Часть II.

М

съ купцомъ своимъ ѣхалъ впередъ на перекладныхъ; у него ямщикомъ былъ мальчишка, а у меня чернобородой, свирѣпо озирающійся мужикъ.

У самой деревни еще примѣпилъ я, что свѣтъ, которой я почелъ зарею, происходилъ отъ мѣсяца. Я вынулъ часы, и глядь! еще часъ былъ. Это мнѣ показалось странно. Рускіе ямщики, какъ и всѣ въ Европѣ, скорѣе приходятъ позже, нежели ранѣе; почему же теперь меня заставили ѣхать за три часа до назначеннаго времени? — Я тотчасъ рѣшился не спать; и какъ я, пока ѣхалъ въ слѣдъ за другою кибиткою, ничего не опасался, то прилѣжно понукалъ моего ямщика не опспаывать, что подъ разными видами очень часто случалось.

К — въ мой сначала самого по своему похвальному обычаю крѣпко уснулъ, и пока я не былъ увѣренъ въ своемъ подозрѣніи, что не хотѣлъ его будить. Ямщикъ очень часто оглядывался то на него, то на меня. Я

всякой разъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, чѣмъ показатъ, что я не сплю. На послѣдокъ вздумалъ я узнать, что можетъ случиться, когда и я за-
ону, дабы пошому взять свою предосторожность. Я закрылъ глаза, но натурально щурился сколько нужно было, чѣмъ точно видѣть всякое подозрительное движеніе нашего ямщика. Это показалось мнѣ теперь крайне нужнымъ; ибо я (какъ онъ въ послѣдній разъ слезъ привязать гнилую, поминутно рвущуюся веревку) примѣтилъ длинной ножъ, висящій у него на поясѣ. Мы напротивъ были совсѣмъ безоружны, и двумя скорыми ударами назадъ могъ бы онъ, не сходя съ мѣста, опривитъ насъ обоихъ спящихъ на шонъ свѣтъ.

Лишь только я началъ припворяться спящимъ, какъ онъ часто и долго сталъ оглядываться на меня, и какъ будто для удостовѣренія смотрѣлъ мнѣ въ глаза. До сихъ поръ боясь моей бдительности, брани и крику, не отставалъ онъ отъ передней

кибишки ; но теперь спалъ опять лише ѣхашъ. Чшобъ изобличить его въ зломъ умыслъ, далъ я той немного отѣхашъ впередъ , какъ нечаянно мальчикъ долженъ былъ остановишъся, что по плохой упряжи часто случается.

И мы остановились. Ямщикъ нашъ слезъ , и пошелъ будио подвязашъ колокольчикъ на дугъ ; но я , какъ уже довольно разсвѣло , ясно видѣлъ , что онъ очень крѣпко былъ привязанъ , и что онъ нарочно поправлялъ около лошадей , чшобъ шолько вскользь сморѣшъ на меня.

Думая , что я довольно крѣпко сплю , подозвалъ онъ шихонько мальчика и спросилъ у него , чего я разобратъ не могъ. Но по ошвѣпу его догадался я , что ему хотѣлось знать , что шѣ два сѣдока дѣлаютъ въ первой кибикѣ , ибо мальчикъ довольно громко ошвѣчалъ : спашъ.

Тогда начался у нихъ долгой разговоръ шопотомъ , причеиъ мнѣ не очень понушру было. Наконецъ я вдругъ

помѣшалъ имъ рѣзкою бранью и на-
прямикъ сказалъ ямщику: что онъ мо-
шенникъ. — Онъ божился, что неви-
новатъ; но я смѣло утверждалъ, что
все разумѣлъ, что онъ говорилъ; хва-
сталъ важностию нашихъ депешей;
грозилъ ему пистолетомъ (котораго
совсѣмъ не бывало у меня); распол-
калъ К — ва и сказалъ ему о мнимомъ
умыслѣ; потомъ выскочилъ изъ ки-
бишки и разбудилъ также Сукина и
купца. Всѣ разгулялись, и пустое лѣ-
сисное мѣсто еще болѣе подѣтвердило
слова мои. Они спали ругать и гро-
зишь; ямщикъ бормоча про себя, опять
сѣлъ и поѣхалъ, не оглядываясь болѣе.

Не будешь съ версту оппуда,
около половины дороги, стояли два
мужика, какъ будто насъ ожидаю-
щіе, ибо я завидѣлъ ихъ уже гораздо
издали. Ямщикъ нашъ, примѣня ихъ,
ударилъ съ крикомъ по лошадямъ,
вѣроятно, чтообъ дать имъ знать,
что мы не спимъ. И такъ мы бы-
стро проскакали мимо подозритель-
ныхъ ихъ рожъ; они любопытно смо-

ирѣли на насъ , не отважились ни на что , а мы благополучно прибыли на мѣсто.

Я понынѣ еще увѣренъ , что у нихъ было умышленіе убить , или по меньшей мѣрѣ ограбить , особливо меня. Все объясняется очень естествен-но. Купецъ ѣхалъ въ открытой шель-тѣ ; при перемѣнѣ видѣли бездѣльную его поклажу , которая не могла ни-кого польстить. Въ моей же Казан-ской кибиткѣ напрашивъ могли пред-полагать богатство ; я же ввечеру открывалъ погребецъ свой , въ кото-ромъ былъ кофейникъ и разныя другія мѣлочи серебряныя. Припомъ не на-добно было глубокаго познанія людей , чтобъ въ минути узнать К — ва , какъ глупаго малата , съ которымъ легко управиться можно. И такъ на-мѣреніе ихъ конечно было то , чтобъ Сукина съ купцомъ пустить впередъ , а со мною все опскавать болѣе и бо-лѣе , пока бы доѣхали до того мѣста , гдѣ впередъ посланные мужики насъ дожидались. Тамъ бы насъ какъ хо-

шѣли ограбили, или бы еще и убили, а ямщикъ сверхъ того могъ бы и оправдаться. Еще болѣе утверждаетъ такое чаяніе мое то, что ямщикъ сначала все жаловался на своихъ негодныхъ лошадей, что онъ съ мѣста вейдущъ; а на другой половинѣ дороги, когда ему нечего было пріоспанавливать ихъ, бѣжали они явно прыпче мальчиговыхъ лошадей.

Такимъ образомъ избавился я благополучно отъ послѣдней, мнѣ на дальнемъ эпомъ пустомъ пути угрожавшей опасности, и 28 Іюля, около полудня, открылась глазамъ моимъ необозримая Москва.

Долго спялъ я на возвышеніи, смотря на нее. Съ радостною надеждою здѣсь наконецъ узнать что нибудь о семействѣ моемъ, вѣхалъ я и миновавъ премножество улицъ, остановился въ шракпирѣ старой, ласковой Французенки, коюрой Г. Бекеръ рекомендовалъ меня. Здѣсь отдохнувъ несколько часовъ, сколько непрерывности моя позволила. Едва не-

много успокоился я, по причесавшись и выбрившись, чтобы походить на других людей, пошелъ поспѣшнѣ оппскапъ книгопродавца Франца Куршнера, котораго мнѣ также Бекеръ хвалилъ какъ очень хорошаго человека. Такимъ образомъ узналъ я и его и принявъ былъ въ его домѣ оппмѣнно ласково.

Натурально, что первое мое слово и шупъ было о женѣ моей; и вотъ онъ вспомнилъ. что слышалъ, что Государь велѣлъ ей прѣхать въ Петербургъ, и тамъ дѣйствительно весьма милосердно принялъ. — Забошливо спрашивалъ я: гдѣ онъ, опъ кого эшо слышалъ? — Этого онъ, къ торю моему, не помнилъ.

Съ нимъ ходилъ я къ извѣстному и въ Германіи по *писъмамъ Рускаго путешественника*, любезному писателю *Карамзину*, который сердечно меня принялъ, и также слышалъ о помянутомъ извѣстїи. Но и онъ не зналъ, какъ и гдѣ. Однакожъ оба общали мнѣ развѣдать о томъ.

Впрочемъ можно вообразить себѣ
пріятное впечатлѣніе, какое первые
часы жизни и обращенія съ писателя-
ми и книгопродавцами должны произ-
вести на такого человѣка, который
цѣлые чепыре мѣсяца едва видалъ
книги! — Въ комнатѣ Гна. Кла-
рамзина было на спѣнахъ собраніе
портретовъ Нѣмецкихъ ученыхъ, и
съ нимъ говорилъ я о Виландѣ и
Шиллерѣ, Гердерѣ и Гёте, и о лю-
безномъ моемъ опечаленномъ городѣ,
гдѣ ему очень показалось.

Ев Москвѣ пробылъ и до слѣду-
ющаго вечера, отдохнуль, осмотрѣлъ
нѣкоторыя достопамятности; но щед-
но льстилъ себя надеждою полу-
чить подробнѣйшія свѣдѣнія о семей-
ствѣ моемъ, и поному почелъ то, что
слышалъ, за пущою, невѣроюшною
слухъ.

Въ Твери хотѣлось мнѣ побывать
у Генерала Мершенца, чтобъ шеперь
порадоваться съ нимъ прежнему па-
сурному дню на Волгѣ; но онъ въ са-

Часть II.

И

мое то время обвѣзжалъ новую свою Губернію.

Въ Вышнемъ Волочкѣ, какъ уже оставалось 432 версты до Пешербурга, рѣшился я расстаться съ проворнымъ Сукинымъ, и теперь его, не оставлявшего меня только изъ угожности, чтобъ я не совсѣмъ завистѣлъ онѣмъ вѣлости моего К — ва, наскоро послать впередъ, для предупрежденія жены моей, естли она подлинно въ Пешербургъ, о скоромъ прибытіи моемъ. Для того написалъ я записочку, въ которой просилъ ее выѣхать мнѣ на встрѣчу на первую станцію; припомъ далъ я ему адресъ къ моему двадцать четыре года неизмѣнному, честному другу Грауману, который конечно могъ ему сказать, тамъ ли она и гдѣ живетъ.

Напутствуемый сердечными желаніями моими повхалъ онѣ, и я рассчитывалъ, что онѣ сутками прежде меня пріѣдетъ въ Пешербургъ. Однакожъ казалось, что я довѣренностію къ проворству Сукина возбудилъ честолубіе

К — ва; онъ спалъ развязнѣ и дѣ-
япельнѣ прежняго. Мы проѣхали че-
резъ славный по Ганзеатическому со-
юзу Новгородъ не останавливаясь, и
вездѣ, куда ни прѣзжали, Сукинъ не
многоими часами передъ нами выѣхалъ.

Наконецъ на передпослѣдней стан-
ціи поспѣшный забылъ даже подорож-
ную свою, безъ которой ему отнюдь
не лъзя было въѣхать въ Песербургъ.
Мы взяли съ собою его подорожную,
и на послѣдней станціи нашли его съ
безпокойствомъ насъ ожидающаго. То-
гда было по полудни около чешырекъ
часовъ. Мы наскоро одѣлись порядоч-
нѣе и съ трепетнымъ сердцемъ сѣлъ
я въ послѣдній разъ въ кибитку.

Въ Царскомъ селѣ раза три или
четыре останавливали насъ караулы,
о каковомъ задержаніи я не мало взды-
халъ. Но первѣнію моему предоста-
влено было еще сильнѣйшее искушеніе;
ибо, ахъ! въ самой эпопѣ день ко-
мандировано было множество войскъ
въ Галчину къ назначенному ревию, и
я, едва ли въ двенадцати верстахъ

ствъ Петербурга, встрѣшилъ шесть марширующихъ полковъ съ аммуничными, лазаретными фурами и проч., такъ что никакъ не возможно было ихъ миновать, а пошому намъ должно было болѣе часу стоять. Можно вообразить себѣ мое опечаленіе!

Сверхъ того я шупъ легко бы могъ попастъ въ непріятныя хлопоты. (Тогдашній) Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ѣхалъ верхомъ впереди войскъ. Я не звалъ Его; а когдабъ и звалъ, то совѣмъ не вдалъ строгаго повелѣнія выходить при встрѣчѣ всякой Особы Императорской Фамиліи. Нераспорочный мой К — въ конечно также не звалъ Его, и мы оспались сидя; меня бы по дѣлу должно было тотчасъ отвезти въ Полицію, естъ либъ любии достойный Великій Князь, приспально смотрѣвшій на меня, по великодушію Своему не пропустилъ неумышленное упущеніе такой почести.

Въ девять часовъ вечера прибыли мы наконецъ къ заставѣ. Тутъ, а потомъ при самомъ вѣздѣ нашъ опашъ

о томъ и другомъ разпрашивали; потомъ опрядили съ нами коннаго козака проводить насъ къ Комменданту, жившему во Дворцѣ. Курьеры пошли вверхъ, а я между тѣмъ съ неизъяснимыми чувствованіями стоялъ на очень знакомой мнѣ площади.

Прошла опять четверть часа. Теперь должно было намъ ѣхать еще къ Военному Губернатору, Графу фонъ деръ Палену. Его не было дома, и мы могли ѣхать далѣе. Охотно бы остановился я у друга моего Граумана, хотя уже и очень поздно было; но курьерамъ именно приказано было отвезти насъ къ Генералъ-Прокурору. И такъ мы поѣхали туда. Онъ былъ въ Ташчинѣ, а управляющій дѣлами безъ него при такъ называвшейся *тайной Экспедиціи*, Гибъ Сталпскій Совѣтникъ Фуксъ, жилъ далеко отсюда. — Что дѣлать? курьеры оставили меня съ купцомъ на самой улицѣ подъ присмотромъ нѣсколькихъ сбѣжавшихся Генералъ-Прокурорскихъ слугъ и поскакали.

Добрѣе полчаса сполѣ я одинѣ, облокопаясь на перила Мойки, и сморщивъ на шихія струи ея, причеми множесіио противорѣчушихъ чувствованій перемѣнялось въ душѣ моей. — Наконецъ курьеры воротились, и въ слѣдъ за ними Гибъ Спашскій Совѣтникъ Фуксъ, который принялъ меня очень вѣжливо и повелѣ въ маленькую комнату, чпобѣ пребыть тамъ ночь. Я объявилъ ему желаніе идши къ другу моему Грауману; но онѣ сказалъ мнѣ, что хоня я совсѣмъ не арестантъ, однакожѣ онѣ въ разсужденіи меня не имѣетъ точнаго повелѣнія, а долженѣ напередѣ довести о прибытіи моемъ въ Гатчину, что и хотѣлъ шѣчасѣ исполнить съ эстафетомѣ. До полученія же отвѣта, котораго ожидалѣ завтра по утру, должно мнѣ уже пребыть здѣсь.

Я спросилъ тогда о женѣ моей. Онѣ ничего не зналъ о ней; и такѣ вдругѣ разрушилась прекрасная мечта, услаждавшая меня шоль многіе часы онѣ Москвы до Петербурга!

Я просилъ разрѣшить мнѣ спрашивать загадку, за что со мною такъ поспеушено. — И на это не могъ онъ ничего болѣе сказать, кромѣ того, что все дѣлалось по особенному повелѣнію Государя, и что Онъ въ послѣднее время не одинъ разъ спрашивалъ, не возвратился ли я? Припомъ, что всѣ мои бумаги хранятся въ Экспедиціи Генераль-Прокурора и что я всѣ ихъ получу обратно. Помомъ, пожелавъ мнѣ покойной ночи, пошелъ онъ оправишь эскафетъ.

Первая ночь прошла для меня очень грустна и почти безъ сна. Больнѣ прежняго чувствовалъ я мученіе обманутаго ожиданія, потому непремѣнно надѣялся узнать напоследокъ, что стало съ моимъ семействомъ. Къ этой горести присоединилась еще унылость мѣста, гдѣ я находился: въ маленькой узкой комнатѣ, въ которую вводили всякаго, кто попадался въ руки *тайной Экспедиціи*. Кромѣ стола, стула и кровати безъ постели, ниче-

то болѣе не было. Сверхъ того въ кровави копытились еще гадины; и такъ у меня совершенно опияшны были и шѣ минувшы, кошорыя сшрадавія души оставили шѣлу для успокоенія. — О, какъ радъ я былъ, когда опяшь стало свѣшать! какъ вздыхалъ я о возвращеніи эспафета, дабы посѣшить къ другу моему Грауману!

Около осьми часовъ утра вошелъ опяшь ко мнѣ Гнѣ Сшашскій Совѣшникъ Фуксѣ. Изъ Гашчины еще не было опвѣша. — Но, о Боже! какое чувствование разлилось во мнѣ, какъ онъ сказалъ мнѣ: супруга ваша въ Петербургѣ. — Таково бываетъ давно разслабленному больному, когда благодѣтельный электрическій ударъ вдругъ возвращаетъ ему движеніе. И съ изумленіемъ смотрѣлъ на него — радостныя слезы кашились у меня. Гдѣ? проговорилъ я, запинаясь. Эшото онъ не зналъ. Также не могъ онъ свободить меня изъ шого ареста, подъ кошорымъ я еще находился. Однакожъ вамъ не запрещается, сказалъ

онѣ мнѣ въ утѣшеніе, видѣться здѣсь,
сѣ кѣмъ хопите.

Тотчасъ послалъ я проворнаго Су-
кина сѣ запискою къ Грауману. Онѣ
скоро ворошился, описалъ мнѣ восхи-
щенія добраго моего друга, щедро его
одарившаго, и принесѣ отвѣтъ слѣ-
дующаго содержанія:

„Жена швоя и дѣти здоровы и
живутъ недалеко отъ меня. Но преж-
де свиданія сѣ ними приди ко мнѣ,
дабы я могъ Христинушку пригото-
вить; внезапная радость можетъ ее
погубить.“

Тотчасъ побѣжалъ мой вѣспникъ
сказать ему, что я не могу еще вы-
ходитьъ, но у себя всѣхъ принимаю,
и что я умоляю его дружбою нашею
поскорѣ соединить меня сѣ моимъ се-
мействомъ.

Теперь пришелъ онѣ самъ. Умал-
чиваю о безмолвной, прискорбной ра-
досни нашей; она была первая ступе-
нь лѣстницы на небо, на кошо-
рое мнѣ скоро должно было вступ-
ить! — Онѣ рассказалъ мнѣ, что

жена моя хотя здорова, однакожъ натурально еще очень слаба, какъ она отъ моего несчастія преждевременно выкинула и отъ кровошеченія на краю могилы была; поэтому крайне нужно было осторожно ее приготовить, хотя она и давно уже меня ожидаетъ. — Я чувствовалъ важность его причинъ, укротилъ сильную свою непереносимость и далъ ему волю дѣлать, какъ хочетъ.

Онъ былъ уже у нее прежде, нежели ко мнѣ пришелъ; веселое лицо его при входѣ въ комнату тотчасъ общало ей хорошее. „Конечно, говорила она ему на встрѣчу, получили вы извѣстіе о Коцебу!“ — Да, отвечалъ онъ; онъ скоро придетъ. — И тогда вынулъ онъ изъ кармана записку, писанную мною изъ Вышняго Волочка, въ которой я просилъ ее выѣхать ко мнѣ на встрѣчу на первую экспедицію. Эту записку, хотя она теперь и не нужна казалась, отдалъ ему сегодня по утру Сукинъ, и другъ мой умѣлъ ее очень кстати употребить.

бишь. Хорошая живая Христинушка въ себя была, поспѣхъ приказала идти за каретой и лошадьми и наскоро готовилась къ отъѣзду; требовала, чтобъ Грауманъ пошелъ тоскорѣ къ Военному Губернатору за нужнымъ пропускомъ. Онъ обѣщалъ ей немедленно исполнить это желаніе и пошелъ отъ нее подъ видомъ, будто идетъ къ Губернатору, однакожъ съ намѣреніемъ напередъ еще увидѣться со мною.

У меня нашелъ онъ такуюжъ нетерпѣливость; я хвалилъ и бранилъ его благоразумную осторожность. Скоро пошелъ онъ, обѣщая привезти ко мнѣ милую жену мою, когда увидитъ, что безъ опасности это можно сдѣлать.

Когда онъ опять къ ней вошелъ, то она спѣшила къ нему на вслѣдъ, совѣмъ готовая ѣхать и спрашивала: „принесли ли мнѣ пропускъ?“ Онъ улыбается. Теперь ужъ онъ не нуждается — Она понимаетъ его и бросается къ нему на шею!

Теперь уже напрасно говорить ей болѣе объ осторожности. Грауманъ долженъ потчасъ взять ее съ собою въ карету, и только еще радоваться, что она согласилась до тѣхъ поръ спокойно просидѣть на улицѣ, пока онъ предупредитъ меня о ея приходѣ.

Въ то самое время разговаривалъ я съ Гмбъ Спанскимъ Совѣшникомъ Фуксомъ, когда Грауманъ, съ радостью Ангела въ лицѣ, вошелъ и сказалъ мнѣ: „жена моя здѣсь; я не могъ ее долѣе удерживать.“ Я громко вскрикнулъ. Господинъ Спанскій Совѣтникъ Фуксъ столько былъ нѣженъ, что вышелъ, дабы не мѣшавъ своимъ присутствіемъ первой радости нашей. Добрый Грауманъ пошелъ за нею. — Я съ шепотомъ споялъ у окна противъ самаго крыльца, видѣлъ, какъ онъ велъ жену мою, поспѣшилъ къ дверямъ, и она безъ памяти лежала въ моихъ объятіяхъ!

Прочъ всякое покушеніе описать эту сцену! — Горе Чинпипелю, не чувствующему ее! — О Боже! — да

бывають минуты, взвѣшивающія многіе годы — и многіе бѣдшвенные годы! — За все на свѣтѣ не исцѣбилъ бы я въ эту минуту памяти спрда-ній моихъ; несказанная сладость этой минуты перевѣшивала ихъ гораздо!

Съ Граумановою помощію посадилъ я жену мою на спулъ, спалъ передъ нею на колѣни, положилъ голову на ея и плакалъ — о! плакалъ такъ, какъ никогда не плакивалъ! — Она оправилась, любилельно наклонилась ко мнѣ, и рыдаючи смѣшала слезы свои съ моими. — Долго, очень долго не могли мы говорить! — И другъ мой молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и наслаждался преганельнымъ зрѣлищемъ. — Да, доброй, честной, истинный человекъ! благородное сердце твое вознаграждено было въ этотъ часъ за то, что ты дѣлалъ для меня и моихъ! ты былъ свидѣтель такой сцены, каковой конечно рѣдко случаются на большомъ театрѣ свѣта, и благодушная дружба твоя помогла пригото-вить эту сцену!

Когда утихла первая буря восторга и разлился хаосъ чувствованій нашихъ; когда мы опятьъ говоришь могли и слова находили: о, сколько тогда было вопросовъ, рассказовъ, опытовъ! — Какъ часто перебивали мы сами себя, съ улыбкою цѣлуя слезы свои съ губъ! — Намъ казалось, какъ будто мы преображенные воскресали къ новому соединенію въ лучшемъ свѣтѣ, и теперь бросали взглядъ на спираданія земной прошедшвенности!

Добрая жена моя рассказала мнѣ участь свою съ минуны нашей разлуки. — Она описала мнѣ страшное пробужденіе изъ безпамятства, дикое безмолвіе вокругъ нее, нарушаемое только рыданіями моей Эммы, которая, сѣвъ въ углу на полъ, тихонько плакала.

Напрасно льстилъ я себя въ бѣдствіи моемъ, что Губернаторъ Курляндскій и фамилія его будутъ имѣть попеченіе о ней. Оставленная всеми, тамъ только нашла она утѣшеніе въ спираданіи своемъ, гдѣ его не искала.

Доброй практирщикъ Редеръ и жена его поступили съ нею челоуѣколюбиво и съ нѣжнымъ чувствомъ, показавъ прекрасной примѣръ, что корыстполюбіе и въ такомъ состояніи, въ которомъ оно очень обыкновенно, уступаетъ благороднѣйшимъ чувствованіямъ. По ошѣздѣ моемъ, по волѣ и нуждѣ будучи обязана къ строгой экономіи, жена моя не давала дѣшамъ своимъ и пустыхъ привычекъ ихъ лакомствъ; но Гжа. Редеръ, психонько всего довольна имъ доещавляла; и больной мащери приносила она всякой день желеи и другія кушанья, которыхъ никогда на счетѣ не ставила. — Сердце мое необходимо заспавляетъ меня обнаруговашъ такіа мѣлкіа чершты.

Генералъ Эссенъ, родспвенникъ нашъ (шотъ самой, который по слѣ нещаснаго сраженія въ Голландіи, гдѣ Генералъ Германъ попалъ въ полонъ, принялъ начальство, но вскорѣ потомъ исключенъ былъ изъ службы за то, что * * * * * ненавидѣлъ свидѣшеля дѣлъ своихъ) — эшотъ

храброй, чувствительной и благородный мужъ всякой день два раза навещалъ жену мою, не взирая на опасность, каковой подвергался самъ, какъ уже оклеветанный. Онъ всячески старался утѣшить несчастную — Богъ да ватрадишь его за то!

Совѣтникъ Правленія Вехтеръ и супруга его, съ которыми мы познакомились прежде въ Ревель, но никогда въ тѣсной связи не были, доказали теперь, что несчастіе соединяетъ больше добрыхъ людей съ ихъ знакомыми.

Съ какимъ удовольствіемъ, съ какою благодарностію упоминаю здѣсь имена не многихъ благородныхъ, которые по силамъ старались облегчить угнетенной тяжесью горести ея!

Г. Секретарь В — — тѣ приходилъ еще только разъ къ женѣ моей и досадовалъ на ея слезы. „Да не плачьте же! швердилъ онъ; это пособишь не можешь!“ Она требовала видѣть Губернатора. „Боже мой! Губернаторъ также не можетъ терпѣть слезъ.“ — О! возразила жена

иоя по неволѣ: когда онѣ не можетѣ видѣть несчастныхъ, то за чѣмъ же онѣ Губернаторъ?

Наконецъ ей удалось получить доступъ у Губернатора. Онѣ приняла ее въ шлафрокѣ съ прубкою; не просила даже сѣсть; наставлялъ нѣсколько учивыхъ, незначущихъ словъ; извинялъ жену свою беременностію, почему она не можетъ принять у себя несчастную; отклонялся и не заботился болѣе о ней. Отъ нее все еще тщательнѣе тайли, что со мною подлинно сдѣлалось. Всякой часъ ожидала она моего возвращенія; при каждой скоро скачущей повозкѣ вскакивала она съ надеждою. Всѣ письма, которыя она между тѣмъ писала, должна была доставлять Губернатору. Она не смѣла въ нихъ ни словомъ упомянуть о горестномъ своемъ положеніи и несчастіи моемъ. Не многія были отправлены, но всѣ списаны и копии посланы въ Петербургъ. Одно только письмо къ Грауману спасъ практиръ Редеръ, отдавъ его самъ на почту.

Часть II.

О

Благодареніе Богу, что теперь можно безъ опасенія обнародовать въ эшой испорці какъ благородныя, такъ и неблагородныя черпны!

Наконецъ, черезъ двѣ въ сомнѣніи и вздохахъ проведенныя недѣли, получила жена моя позволеніе отъ Государя ѣхать къ родственникамъ своимъ въ Эстляндію. Она поѣхала; но въ Ригѣ уже принудила ее болѣзнь остановиться. Тракширщикъ Лангвицъ, въ Петербургскомъ ошелъ, гдѣ она остановилась, былъ первой, который на вопросъ ея: останавливался ли я у него? очень неоспорочно отвѣчалъ: нѣтъ, что я прямо черезъ Ригу повезенъ въ Tobolsk. — Можно вообразить себѣ испугъ ея! — Эшо ей никогда еще не приходило въ голову; однакожъ она еще эшому не повѣрила, и честной другъ мой, Секретарь Правленія Экардъ, подкрѣпляемый нѣкоторыми другими добрыми и благородными людьми, старался по возможности утѣшить и ободрить ее..

Сѣшу съ благодареніемъ названъ
въ числѣ сихъ друзей человѣческа и
Господина Губернатора Рихтера. Онъ
самъ навѣщалъ жену мою, оказывалъ
ей всякія ласки, и *тѣмъ* сугубо за-
ставилъ ее чувствовашъ то, чего она
не имѣла въ Митавѣ. Только въ горе-
стной прозбѣ, сказавъ ей, гдѣ я на-
хожусь, долженъ былъ онъ отказать
ей; однакожъ онъ по чести увѣрилъ
ее, что я не въ Рижской крѣпости
и не въ шамошней сиротѣ, и что онъ
имѣетъ извѣстіе о жизни и здоровьи
моемъ. — Съ признательнымъ чув-
ствомъ долженъ я еще упомянуть о двухъ
особахъ, которыя по родству и чело-
вѣколюбію не оставили бѣдную: Графъ
Сиверсъ изъ Вендена и супругъ его.
Эта благородная чета отыскала жену
мою и поступила съ нею съ нѣжнѣй-
шимъ состраданіемъ, щадительнѣйшимъ
попеченіемъ. О, еслибъ оба прочли
эти строки, но не по немногимъ сло-
замъ, а по собственному своему благо-
родному чувству измѣрилъ искренность
благодарности моей!

Хотя жена моя и утѣшена была
сердечнымъ участіемъ достойнаго Гу-
бернашора Рижскаго и всего города въ
судьбѣ моей; хотя и подкрѣплена была
болѣе нежели бранскими поспушками
опимѣннаго моего друга Экарша во мно-
гихъ горестныхъ минутахъ; хотя
пользована была сколь искусно, емоу
и безкорыстно честнымъ Врачемъ
Штофрегенемъ: однакожъ бывали ча-
сто для нее такія минушны, въ ко-
норыя тяжестъ спраданій ея грозило
сокрушити ея; на примѣръ, осиротѣв-
шія дѣти часто играли на крыльцѣ;
многіе изъ проходящихъ останавли-
вались, спрашивали, чьи они? и шли
тогда далѣе, говоря: *бѣдныя дѣти!* —
Какъ это часто случалось, шо дѣти
разъ, прибѣжавъ на верхъ, спросили:
„Маминька, по чему мы бѣдныя дѣ-
ти?“ Въ другой разъ моя Эмми
сама собою начала: „Машушка, вели-
ше привести оковы; Эмми даемъ себя
сковать и будемъ смиренхонько си-
дѣть, когда только Эмми съ папавъ-

кой будущій? Можно себѣ представлять дѣйствіе такихъ случаевъ на въспревоженный духъ, разсброенное здоровье жены моей!

Какъ скоро жена опять немного собралась съ силами, по поѣхала черезъ Дерптъ, въ любезной нашъ *Фриденцаль*. Горестнѣйшія чувства пробудились съ новою силою, какъ она съ возвышенія увидѣла теперь опять то мѣсто, гдѣ мы прожили нѣскольکو годовъ въ пихомъ домашнемъ блаженствѣ. Она не смѣла войти въ собственный домъ нашъ, въ наши веселые покои, гдѣ бы каждой уголъ, каждая мебель меня ей напомнила; но поѣхала къ Пробышу *Коту*, приходскому проповѣднику, изъ числа отличнѣйшихъ людей, когда только на кафедрѣ бывшихъ. Равнаго съ нимъ сердца и ума, чувства и образованія, благородная жена его, Французенка, прежде какъ наставница жены моей, надѣлила духъ ея и сердце разумомъ и чувствительностію. Супругъ ея былъ

тогда учительнѣ въ томъ же домѣ; тамъ узнала она его и полюбила; тамъ вышла она за него; при томъ былъ онъ изъ старыхъ моихъ ученическихъ друзей: поному была всегда тѣсная и сердечная связь между нашими домами; поному благородная чаша приняла шеперь жену мою, какъ отецъ и мать; утѣшала съ нѣжнѣйшею щадительностію и съ любезнѣйшею заботливостію некласть о ней.

Были такіе услужливые люди — не хочу именовать ихъ — которые честному челоуку совѣтовали выпроводить жену мою изъ дому его, чтобы самому избавишься опасности. „Нѣтъ, онъ началъ онъ съ досадою, никогда этого не сдѣлаю, хотябъ меня самого сего дня въ Сибирь послали.“

Да благословишь Богъ рѣдкую эту семью; добро шворящую безъ огласки въ уединенномъ углу свѣта, и соединяющую въ себѣ честность добрыхъ поселянъ съ лучшимъ образованіемъ ума! Да благословишь ихъ Богъ! И оснѣжи когда своезравіе судьбы поспит-

нестъ ихъ дѣшей или внучанъ, тогда
будутъ эти строки для меня и попом-
ковъ моихъ явнымъ обязательствомъ,
и здѣсь передъ всей Европой объявляю:
что пока еще я самъ дышу, или пока
память моя и благословеніе будутъ
священны моимъ дѣнямъ, то каждому
нещастному изъ той фамилии опи-
крытъ будетъ у меня и попомковъ
моихъ домъ и сердце.

Здѣсь, въ домъ этихъ опмѣнныхъ
людей, получила наконецъ жена моя
письмо, писанное къ ней изъ Шток-
мансгофа. Съ этимъ письмомъ слу-
чились удивительныя судьбы, пока
оно достигло мѣста назначенія своего.
Молодой человекъ, которому я его и
два другія письма поручилъ, конечно
не имѣлъ довольно смѣлости отпра-
вить ихъ по надписи. Каммергеръ
Бейеръ, а можетъ быть и опсорож-
ный Г. Просперусъ, послалъ ихъ вѣр-
но къ Рижскому Губернатору, кото-
рый по долгу своему обязанъ былъ до-
стать ихъ къ Генералъ-Прокурору
въ Петербургъ. (Однакожъ, какъ я

послѣ свѣдалъ, письмо къ Графу Кобенцлю совсѣмъ удержали, и по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ очень благоразумно сдѣлали) Генераль-Прокуроръ поднесъ письма Государю.

Письмо къ женѣ моей повелѣлъ Государь доставить ей, и съ роспискою. И такъ его оправили къ Эстляндскому Губернатору, который послалъ его къ Везенбергскому Уѣздному Судѣ, Барону Розену. Онъ наконецъ привесъ его къ женѣ моей и получилъ росписку отъ препешущей руки ея.

Это бѣдственное письмо произвело, какъ я и опасался, печальнѣйшее слѣдствіе. Бѣдная, совсѣмъ уже измощенная жена моя вскорѣ потомъ выкинула прехмѣсячный плодъ — послѣдовало кровотеченіе — ожидали конца ея спраданій. — Безъ несказанной любви, безъ вѣжной попечительности Кохова семейства я бы пеленеръ съ шестью сиротами плакивалъ смерть ея!

Ее спасли. — Коль скоро она немного пришла въ силы, по по приглашенію братскаго друга моего фонъ *Кнорринга* поѣхала въ Ревель посовѣщовалъсь съ родственниками и друзьями моими, не о томъ, что ей дѣлать — ибо благодущная жена рѣшилась уже *оправилъсь за мною въ Сибирь* — но о томъ, какъ ей это сдѣлать и какъ распорядишь нашими хозяйственными дѣлами.

Многіе прежде такъ называвшіеся друзья въ Ревелѣ при ея прибытіи поступили очень сомнительно, — я молчу объ нихъ; но добрый мой *Кноррингъ*, любезная его жена, честной мой *Гвекъ* и еще нѣкоторые благородные и праводушные люди не опасаясь послѣдовали внушеніямъ сердецъ своихъ. — Напрасно предостерегали и *Кнорринга* заботливые люди не принимать у себя несчастной гостьи. Онъ остался честнымъ, вѣрнымъ моимъ другомъ, хотя и самъ признался намъ послѣ, что ожидалъ непріятныхъ слѣд-

спѣй, а можешь быть и внезапной поѣздки въ Петербургъ.

Жена моя только и думала и говорила теперь объ отправленіи своемъ въ Сибирь. Чѣмъ ни говорили прошивъ того, она настояла твердо въ своемъ намѣреніи; и когда ее иногда спарались отъвратить отъ того удовольствіемъ, чѣмъ започеніе мое конечно не долго будешь, то она ревностно отвѣчала: „хотѣлъ я и на недѣлю облегчила его участь!“ Горничная ея, *Калерина Тенеманъ* — она сообщила того, чѣмъ я ее съ признавательностию именовавъ — сама вызвалась ѣхать съ нею, хотя и должна была оставить старую семидесяти-лѣтнюю мать. „Я имѣла у васъ, говорила благодумствующая дѣвка, хорошую жизнь; теперь хочу и горе дѣлать съ вами.“ Жена моя намѣрена была взять съ собою нашу Эмми, а другихъ дѣтей оставить. Хотѣли приговорить надежнаго проводника за хорошую плату, и отъѣздъ назначенъ былъ 1 го Іюля.

Таковы были обстоятельства 17-го
 Июня, въ которой день жена моя все
 утро была необычайно пасмурна. По-
 слѣ обѣда пошла она въ свою комнату
 и бросилась на постель, чтобы вздрем-
 нушь немного. — Кноррингъ стоялъ
 на балконѣ сельскаго своего дома —
 тушъ скакалъ курьеръ по аллеѣ —
 проскакалъ — спросилъ — воропил-
 ся — держалъ вверхъ пакетъ свой —
 соскочилъ и бросился въ домъ — Кно-
 ррингъ пошелъ ему на встрѣчу въ на-
 деждѣ и страхѣ; домашніе его прево-
 жились о немъ самѣмъ. — Но — „хо-
 рошія вѣсти! были первыя слова
 курьера — и въ рукѣ держалъ онъ
 письмо Графа фонъ деръ Палена
 къ женѣ моей. Кноррингъ хотѣлъ у
 него взять письмо; но курьеръ насто-
 ялъ въ томъ, чтобы самому отдать ей.

Восхищаясь чистою радостію,
 друзья мои припомъ не забыли, что
 тушъ надобна необходимо крайняя остро-
 жность. Они не хотѣли будить же-
 ны моей, а неперпѣливо желали сооб-
 щить ей радостную вѣсть. Тихохонъ

ко сшворили они комнашу. — Жена моя не спала — она видѣла, какъ одна голова изъ-за другой весело высывалась въ полуоткрытую дверь — и что всѣ лица были веселѣе, нежели она давно привыкла ихъ видѣть. — Она потчаеъ привспала. „Не хопише ли мнѣ что сказать?“

Ахъ, нѣтъ! отвѣчали съ насильнымъ равнодушіемъ; мы хотѣли посмотрѣть только, спишь ли ты еще?

„Нѣтъ! нѣтъ! конечно есть у васъ что-нибудь для меня пріятное; я это вижу по радостнымъ вашимъ лицамъ.“

Ну такъ — хорошія вѣсти о Коцебу — къ тебѣ присланъ курьеръ отъ Графа Палена.

При этихъ словахъ жена моя соскочила уже съ постели, побѣжала изъ комнашы, вырвала у курьера письмо, распечатала его и сквозь слезы читала:

„Его Императорскому Величеству Всемилоспивѣйше угодно было позволить вамъ съ супругомъ вашимъ жить

въ Петербургъ. Съ искреннѣйшимъ удовольствіемъ спѣшу васъ увѣдомить о таковой особенной милости Великаго нашего Государя, дабы вы могли, когда вамъ угодно, отправиться сюда. За супругомъ вашимъ посланъ нарочный, и онъ по прибытіи вашемъ сюда или здѣсь уже будетъ, или вскорѣ пріѣдетъ. Впрочемъ для меня пріятно будетъ стараться, чѣмъ для васъ уже впередъ нанята была приличная квартира.

„Позвольте мнѣ, Милостивая Государыня моя, увѣрить васъ въ искренномъ участіи моемъ и совершенномъ почипаніи, съ каковымъ честью имѣю быть.

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Графъ фонъ деръ Паленъ.“

Юня 16го дня 1800.

С. Петербургъ.

Крайне протятельно было то, что мы рассказывали друзья мои о дѣйствіи этого письма. Радость ея походила на сумасшествіе. Не въ состояніи бывъ за нѣсколько часовъ пе-

редѣ тѣмъ безѣ помощи протанцйтся
опѣ одной софы кѣ другой, прыгала
она теперь какѣ серна; ни минушы
не могла побышь на мѣстѣ, прино-
сила все сама, что ей или другимъ
нужно было, припомѣ жестоко пла-
кала и смѣялась еще болѣе, все въ
одно время. Курьеру подарила всѣ на-
личныя деньги, которыя только у нее
были. Толчасѣ должно было гото-
вить все кѣ отбѣзду въ Петербургѣ;
завтра же хотѣла она ѣхать, и кто
противѣ того говорилъ что-нибудь,
того называла она своимъ не дру-
гомъ.

Кѣ щастію вступился еще благо-
родный, опмѣнный врачъ мой, Док-
торъ Блумъ, за которымъ послали.
Онѣ вразумилъ ее, что напряженное
ея соспояніе не естъ *укрѣпленіе*, и
она непременно должна была рѣшиться
побышь еще нѣсколько дней.

Между тѣмъ послѣ курьера при-
былъ скоро и посланный опѣ Гижска-
го Губернатора. Генералѣ Прокурорѣ
сообщилъ ему это извѣстіе сѣ присо-

зѣкупленіемъ, чѣпобъ онѣ по Высочайшему повелѣнію снабдилъ Госпожу Коцебу всѣмъ на дорогу потребнымъ, и пономѣ донесъ, сколько на то денегѣ вышло. Чтѣ Госнодину Военному Губернатору Пешербургскому повелѣно опвеспи мнѣ и женѣ моеѣ приличную кварширу.

Добрая жена въ разсужденіи милоспи Государевой находилась въ такомъ же запрудненіи, какъ я нѣсколькѣ недѣль спуспя въ Тобольскѣ. Она слишкомъ горда была, чѣпобъ просить *много*, и не хотѣла также показаться упрямою, естѣли *совсѣмъ ничего* не потребуемъ. Посовѣтовавшись съ друзьями своими, потребовала она наконецъ только на пуповыя издержки до Пешербурга, копорыя ей пошчасъ и выдали.

Вѣчно дорого будемъ мнѣ воспоминаіе любезнаго города Ревеля за то, какимъ образомъ большая часть жителей поступила въ семъ случаѣ. Въ полчаса разнеслось это извѣстіе по всему городу; одинъ кричалъ на улицѣ,

другому ; вхавшихъ въ каретахъ оспанавливали , сказывали новосиы и опускали ; итъ же онашь оспанавливались , встрѣчаясь со знакомымъ. Знаеи ли уже вы ? кричали издали на встрѣчу. — Да , знаю ! былъ обыкновенный опвѣщъ. Не только друзья мои веселились ; *человѣчество* радовалось ! — О , въ Ревелѣ такъ много благородныхъ , истинныхъ *человѣковъ* !

Черезъ три дни жена моя поѣхала. Не опдыхая ни часа дорогою , спѣшила она совершивъ пятьдесятъ миль до Петербурга , почитая по писъму Графа фонъ деръ Палена найпи меня уже тамъ можетъ бытъ. Конечно Графъ по доброжелательству такъ расчелъ : ибо какъ посланный за мною курьеръ только 15 го Юня оппращленъ былъ , то мнѣ никакъ не возможно было ближе семи недѣль быть въ Петербургъ ; и для этого еще должно было мнѣ (что я подлинно и сдѣлалъ) вхатъ скорѣе обыкновенной почты съ писъмами. И такъ жена моя слишкомъ еще рано прѣехала и оспанови-

лась въ пракпирѣ, какъ обвѣщающая ей кваршира еще не гошова была, а послѣ и совсѣмъ обвѣ ней забыли, попому что тонкость ея не позволила ей напоминать о томъ.

Я бы не упомянулъ совсѣмъ обвѣ эпомъ обстоятельствъ, естлибъ оно не подавало мнѣ пріятной случай снова показать нѣжное благодущіе друга моего Граумана. Когда онъ примѣшилъ, что издержки въ пракпирѣ съ многочисленною семьею превосходили шеперешній доспашокъ жены моей, то нанялъ ей тихонько кварширу, заплащя за два мѣсяца впередъ и наскоро убралъ ее. Когда уже было гошово по мыслямъ его, попросилъ онъ тудя жену мою. Она съ пріятнымъ удивленіемъ вошла въ веселую, просторную кварширу изъ пяти нарядно мебелированныхъ комнатъ, и нашла въ спальнѣ постели, въ кухнѣ посуду онѣ мѣлочи до большой, для стола всякое бѣлье съ приборами, для чаю фарфоровый сервизъ, въ шкафахъ чай, кофе, сахаръ, восковыя свѣчи и проч. во мно-

жествъ. Не забыло было и нужное серебро; и милая жена моя очутилась вдругъ въ совершенно устроенномъ хозяйствѣ, хотя и не могла узнатьъ оныхъ благороднаго мужа, все это какъ бы волшебствомъ притопившаго, сколь велики были издержки, коимъ реній дружбы заставилъ сердце его употребить на то. — О, самая горчайшая чаша спрданій стоить слезъ, когда при послѣднемъ толкѣ видишь на днѣ рѣдкій залогъ истинной дружбы!

Въ такихъ переменныхъ разсказахъ лѣзли часы мимо меня и вновь дарованной мнѣ жены! — Спѣны, вмѣщавшія насъ, тѣ самыя спѣны, гдѣ прежде заглушались вздохи многихъ несчастныхъ, ошывались шеперь крошкѣмъ восторгомъ нѣжнѣйшей любви, признательнѣйшей дружбы!

Одного только недоставало къ совершенству сего радостнаго порженства щастливаго — дѣтей моихъ! Мать поѣхала за ними — они давно уже съ безпокойною неперпѣливостію того дожидались; они прѣехали — я

идѣль, какъ они прыгали изъ кареты — опрометью взбѣжали ко мнѣ — повисли мнѣ на шею — а я — о! кнпо самъ ошецъ, потѣ понимаешъ меня!

Сталъ полдень и вечеръ, а мы того не примѣчали. Эсшафенъ изъ Гатчины все еще не бывалъ, но я о томъ не заболѣлся. Не было ли все, что сердце мое желало, въ тѣсной комнатѣ; хотябъ она и пюрьмой называлась!

Приключеніе, послѣдовавшее ввечеру, возобновило и умножило прискорбную нашу радость. Руской купецъ, со мною ѣхавшій, надѣялся — какъ я забылъ упомянуть — въ Москвѣ еще получить свѣдѣніе о женѣ своей и дочери. Онъ пошелъ со двора отыскавъ одного родственника, и воротился съ крайнею печалію на лицѣ. Я такъ радовался, сказалъ онъ прости; но теперь Богъ послалъ мнѣ много горя: жены моей и дочери нѣтъ на свѣтѣ; — потомъ онъ не говорилъ о томъ — вообще говорилъ очень мало и часто видѣлъ я, какъ, сидя въ повозкѣ

безмолвно, капились слезы его на сѣдую бороду. По прибытіи нашемъ въ Петербургъ и онъ оспавался въ одной со мною комнатѣ. Когда пришла ко мнѣ жена моя, то онъ былъ безмолвный вздыхающій свидѣтель нашего счастья. Во весь день онъ ни однимъ словомъ не нарушалъ нашей радости, а сидѣлъ смирно потупя въ землю глаза.

Теперь какъ уже смерклося, вдругъ вбѣжалъ его курьеръ. Иванъ Семеновичъ! жена твоя и дочь здѣсь! — Онъ вскочилъ какъ бы изъ мягкаго сна — поманился къ двери — и глядь! жена и дочь повисли ему на шею. — Это было повтореніе собственнаго моего безмолвнаго восторга! Онъ былъ еще прогашельнѣе по долгимъ времени, которое онъ разлученъ былъ съ семействомъ своимъ. Онъ оставилъ жену свою спрочною и проворною; а нашелъ уже довольно дородною спарухою. Дочери его было тогда еще восемь лѣтъ; теперь видѣлъ онъ ее прекрасною, сѣжего шестнадцати-лѣтнюю дѣвушкою. Долго не могъ онъ при-

мѣни
мину
ронъ
досп
вы н
киче
впор
ахъ!

ванія
уже
женъ
спи
по к
на с
въ н
спод
по м
на с
лымъ
бовъ
тиру
ми м

запи
жик

мѣнишься къ своему щастію ; онѣ по-
минутно бралъ свѣчу и со всѣхъ сто-
ронѣ осматривалъ дочь свою. Съ ра-
доспю на лицѣ капились у него сле-
зы на длинную бороду, и онѣ не могъ
ничего промолвить , кромѣ часто по-
втораемаго изумительнаго : ахѣ ! —
ахѣ ! — ахѣ ! —

Вѣ такихъ неоцѣненныхъ чувство-
ваніяхъ прошелъ день и наступила
уже ночь. Какъ мнѣ покой очень ну-
женъ былъ , а здѣсь никакой удобно-
сти не было , то изъясилъ я желаніе
по крайней мѣрѣ на эту ночь повѣхать
на свою квартиру , обѣщая на утро
въ надлежащее время воротиться. Го-
сподинѣ Спашскій Совѣтникѣ Фуксѣ
по милости своей позволилъ мнѣ это
на свой опчетѣ. Съ несказанно весе-
лымъ сердцемъ вошелъ я въ свою лю-
бовью и дружбою украшенную квар-
тиру и встрѣченъ былъ вѣрными людь-
ми моими съ лицемѣрною радоспю.

Едва былъ я съ часѣ дома , какъ
запискою Господинѣ Спашскій Совѣт-
никѣ Фуксѣ увѣдомилъ меня , что онѣ

только что получилъ повелѣніе совершенно освободить меня. Такъ эту ночь спалъ я черезъ четыре мѣсяца въ первой разѣ опять на свободѣ, въ объятіяхъ жены моей, съ дѣтьми своими. — Блаженное пробужденіе!

Въ слѣдующее утро я по долгу своему явился къ Военному Губернатору Графу фонъ деръ Палену. Однакожъ не только по долгу, но и изъ благодарности пошелъ я къ нему; ибо онъ при всѣхъ своихъ крайне многихъ дѣлахъ нашелъ время не только женѣ моей, но и крайне заботившейся обо мнѣ старой матери моей самымъ чувствительнымъ образомъ дать знать о свободѣ моей. Множество людей его окружавшихъ не дозволило мнѣ ничего сказать ему и онъ него слышать, кромѣ обыкновенныхъ рѣчей.

Августа 13го получилъ я копію съ Указа, по которому Государь пожаловалъ мнѣ въ Лифляндіи находящуюся казенную дачу Воррокюль въ 6 1/8 гаковъ, безъ всякихъ повинностей.

Эта дача, въ которой близъ 400 душъ мужеска полу, съ покойнымъ домомъ и всеми желаемыми угодьями, доставляющая мнѣ 4000 рублей ежегоднаго опкуну, есть подлинно Царской даръ и приномъ неопровергаемое доказательство невинности моей.

Теперь бы я охотно желалъ ѣхать опять въ Германію, чпобъ забыть сонъ страданій моихъ; но друзья мои основательно не совѣтовали мнѣ просить о позволеніи на то. Я послушался ихъ совѣту и въ благодареніи моемъ къ Государю, въ Гашчину посланномъ, упомянулъ только, что намѣренъ ѣхать въ деревню, дабы тамъ въ тишинѣ наслаждаться Его щедротами.

Писаніе мое произвело самое неожиданное дѣйствіе. На другой же день по утру получилъ я отъ Спашскаго Секретаря, Господина Тайнаго Совѣтника Брискорна, слѣдующій Кабинетскій Указъ:

„Имѣвъ щастіе читать Его Императорскому Величеству благодарительное ваше письмо, получилъ я Высо-

чайшее повелѣніе заготовилиъ Указѣ
обѣ опредѣленіи васѣ Директоромѣ При-
дворнаго Нѣмецкаго шеапра, съ чи-
номѣ Надворнаго Совѣтника и тысячью
двумястами рублей жалованья; когда
же дошелъ до того мѣсяца въ письмѣ
вашемѣ, гдѣ вы извѣщаете намѣреніе
ваше ѣхать въ деревню, то Его Ве-
личеству благоугодно было повелѣть
мнѣ испробовать отъ васѣ соглашеніе
ваше на вышепомынутое опредѣленіе.
Исполняя симѣ долгъ мой, прошу васѣ
незамедлительно увѣдомить меня, со-
гласны ли вы принятьъ Всеимилостивѣй-
шее предложеніе Всеавгустѣйшаго на-
шего Государя; увѣряя васѣ впрочемѣ
обѣ отличномѣ починаніи, и проч.

Брискорнѣ.“

Приписка. По дирекціи вашей
будете вы состоять подѣ непосред-
ственнымѣ вѣдѣніемѣ Господина Оберъ-
Гофмаршала Нарышкина.

Недоумѣніе мое при полученіи сего
письма было также велико, какѣ ис-
пугъ мой. Мнѣ должно опять при-

ити дирекцію театра? — *жизнь*, когда уже и въ Вѣнѣ, при самой дружеской связи съ праводушнымъ Барономъ Брауномъ, она мнѣ наскучила; — когда я часто себѣ и женѣ моей клялся, что рѣдкія розы никогда опять не заманивъ меня на эту черную дорожку; — когда по многимъ опытамъ зналъ, что самые достойнѣйшіе актеры часто, къ торю, бываютъ самые дурные люди; — что одно оуждающее слово тихо оуждаемого — хошавъшы прежде его до небесъ превозносиавъ — заспавляетъ бывъ непримиримѣйшимъ врагомъ твоимъ, хошавъ онъ самъ же часто со всѣми признаками опкровенности и скромности просилъ о твоёмъ сужденіи; — что большая часть актеровъ и даже лучшіе изъ нихъ не *искусство*, но только *искусника въ себѣ* любивъ, что они съ удовольствіемъ видявъ большую картину одвѣхъ безобразныхъ рождъ, когда только собственное ихъ милое лице, лесными красками красиво предспавленное сзади выходитъ! —

Часть II.

Р

Однакожъ какое ошеступленіе заставилъ меня сдѣлать двадцатипятилѣтній, часто горкій опытъ! довольно! скажу только словами Шекспира: *поще-славіе, настоящее твое имя актеръ!*

И съ такимъ удостовѣреніемъ должно бы мнѣ было принять начальство надъ театромъ, который содержатель, по имени Мире, составилъ изъ остатковъ бродящихъ труппъ и вѣкоперыми изъ Германіи выписанными членами хотя поправилъ, но по истинѣ еще не довелъ до совершенства! До сихъ поръ поддерживало его общество купцовъ взносами, но теперь онъ близокъ былъ къ разрушенію. По представленію Графа фонъ деръ Палена Государь рѣшился принять ихъ на свой счетъ. По несчастію, возвращеніе мое случилось въ самое это время, и пошому натурально было, что Государю пришло на мысль поручить мнѣ управленіе новаго Его Придворнаго театра. Явно, что благоволеніе и желаніе сдѣлать мнѣ

пріятное, внушили Ему это; пруд-
нѣ было опклонить мнимую милость.

Однакожъ я старался самыми
тонкими изворотами, какіе только
выдумаешь могъ, какъ нибудь отдѣ-
латься, и равно сильными выраже-
ніями изъяснить какъ признательность
мою, такъ и неохоту. Но все было
напрасно! Вѣсто того получилъ я
копіи съ прехъ Указовъ, изъ коихъ
по одному, данному Оберъ - Гофмар-
шалу, назначенъ я былъ Директоромъ;
по другому Сенату пожалованъ Над-
ворнымъ Совѣтникомъ; а по треть-
ему указано было получать мнѣ жало-
ванье изъ Кабинета. Къ сему, по ви-
димому, небольшому жалованью присово-
куплялись еще 1800 рублей изъ кассы
Придворнаго театра на экипажъ, и
сверхъ того опредѣлена мнѣ сверхъ
дровъ и свѣчъ и прекрасная, просторная
квартира. Въ экономическомъ отноше-
ніи долженъ съ благодареніемъ при-
знаться, я Царски былъ обеспеченъ,
получая вдругъ ежегодно со включе-
ніемъ окупа съ дачи моей, по мень-

шей мѣрѣ 9000 рублей, и сверѣ того назначенѣ былѣ мнѣ сборѣ ошѣ впо-
раго представленія всѣхѣ моихѣ не-
выхѣ пізѣ, ошѣ чего также доходѣ
мой нѣсколькими тысячами умножил-
ся (*). Но надобноль мнѣ было все
эшо? можноль за золото получить
покой, довольство, здоровье? не имѣлѣ
ли я въ Енѣ и Веймарѣ не толь вели-
колѣпную, но веселѣйшую квартиру,
не толь богатое, но доспапчное со-
держаніе? а наконецѣ — что все-
го болѣе — памѣ была мамѣ моя,
любви которой обязанѣ я всѣмѣ моимѣ
образованіемѣ, ожидавшая меня съ
крайнимѣ нетерпѣніемѣ, дабы я весе-
лилѣ немощную ея старость?

Но всѣ мои желанія и разсужденія
должны были покориться необходимо-
сти. Я послѣдовалѣ судьбѣ своей и
вступилѣ въ должность.

(*) Въ одномѣ листѣ вѣдомостей для людей
со вкусомѣ (elegante Welt) сказано было,
что я въ бытность мою въ Петербургѣ
получилѣ *шестнадцать* бенефисовѣ; но я
знаю тольکو *шесть*, въ которые собралѣ
немногимѣ болѣе прѣжѣ тысячѣ рублей.

Незадолго передъ тѣмъ изъ тайной Экспедиціи возвратили мнѣ всѣ мои на границѣ опятыя бумаги. Все до листочка было цѣло, и я долженъ здѣсь съ признавательностію упомянуть о крайне важномъ обстоятельстве.

Какъ я въ дальнемъ моемъ заключеніи ни увѣренъ былъ, что во всѣхъ моихъ бумагахъ нѣтъ ни одной спрочки, которая моглабы поданъ вину къ спротому со мною поступленію; однакожь подлинно точно была одна спрока, которая, еслибы попала на глаза Государю, можетъ быть усугубила бы мое несчастіе, или конечно бы оное продлила. Эта спрока находилась въ дневной моей запискѣ, веденной въ Вѣнѣ. И шамъ, пока короче меня узнали, подозрѣвали меня Якобинцомъ. Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Вѣну объяснилъ я опасенія мои о томъ Барону Брауну, который однакожь успокоилъ меня увѣреніемъ: „что Императоръ Францъ крайне правосуденъ, и никакого обвиненнаго не осудитъ безъ спрожайшаго изслѣдованія.“

Относительно къ симъ словамъ написалъ я въ дневной запискѣ своей нѣкоторыя не очень оспорожныя слова.

Я совсѣмъ забывалъ эти несчастныя, конечно жестокія слова. Можно себѣ представить ужасъ мой, когда они, при разбираниі бумагъ моихъ, попались мнѣ на глаза! Но да предскажишь себѣ и протопельную радость мою, когда я припомъ примѣтивъ, чпо благородная доброжелательная рука такъ густо *помазала* перу спроку чернилами, чпо и я самъ едва могъ угадать, чпо туль было доказательство, чпо какъ ни спрашива была *тайная Экспедиція*, но члены ея повиновались только спротивъ повелѣній, и охотно послабляли, когда могли. Особенно Господинъ Спашскій Совѣтникъ Макаровъ вообще пріобрѣлъ себѣ такую похвалу, часшо собственныя его слезы текли вмѣстѣ со слезами несчастныхъ. Но знаю, ему ли, или Господину Спашскому Совѣтнику Фуксу, или кому ирешнему поручено было разсмотрѣніе

бумагъ, и при всемъ моемъ стараніи я того никакъ свидѣль не могъ. И такъ я долженъ удовольствоваться тѣмъ, чѣмъ гласно предъ свѣтомъ и тихо предъ Богомъ изъяснилъ мою признательность. Щасіе мое, что я попалъ въ руки этого благороднаго неизвѣстнаго!

Впрочемъ нашелъ я кой-гдѣ многія неважныя мѣста въ бумагахъ моихъ подчеркнутыя карандашемъ; ничего такого, чѣмъ могла вредить мнѣ, а только разныя спанишскія замѣчанія, анекдоты и тому подобное, все такое, что я записалъ для памяти, и при чемъ дѣлалъ свои разсужденія.

Чинпашель конечно, какъ и я самъ, любопытенъ узнать, какому благопріятному обстоятельству я подлинно обязанъ моимъ освобожденіемъ. Мы уже знаемъ, что оно не послѣдовало по отправленной отъ меня изъ Тобольска прозбѣ къ Государю, какъ везшій такую прозбу около Казани встрѣтился уже съ кярверомъ, который за

мною былъ посланъ. — Здѣсь сообщу я, что собралъ о томъ извѣдствія изъ достоверныхъ извѣстій.

Четыре недѣли — такъ утѣряюшъ — лежали бумажки мои безъ напоминанія о несчастномъ, который за эти неразсмотрѣнныя бумажки спускалъ уже въ заоченіи. Наконецъ Государь спросилъ о содержаніи ихъ; тогда должно было доложить о томъ, и невинность этихъ бумагъ конечно была первою причиною къ переменѣ мыслей Государя. Однакожъ сомнительно, получалъ ли бы я свободу по одной невинности моей. Но добрый геній мой присоединилъ къ тому еще другое обстоятельство, которое случилось въ благопріятнѣйшее для меня время.

Маленькую Драму, *Дейбхучери Петра прелъяго*, которую я за четыре года отъ чистой радости о благодушии дѣла Императора написалъ, ни мало не думая при сочиненіи оной, какое важное вліяніе она нѣкогда имѣть будетъ на судьбу мою — эту маленькую Драму теперь только молодой че-

ловѣкъ Краснополскій перевелъ на
Руски. Онъ желалъ посвящать ее Го-
сударю, и для того спрашивался мно-
гихъ сильныхъ особъ. Но ему этого
не совѣтовали; по крайней мѣрѣ го-
ворили, чтобъ онъ не спавилъ моего
имени въ заглавіи, какъ это нена-
вистное имя все можешь испортить.

Праводушный молодой человекъ не
посмотрѣлъ ни на что. Піеса эта,
говорилъ онъ, *моя*; онъ не можешь
убирать себя чужими перьями, слѣдо-
вательно мое имя должно оспашься.
Находя затрудненія въ поднесеніи,
послалъ онъ ее отважно по почтѣ на
имя Государя.

Она произвела рѣдкое впечатлѣніе
въ Государя. Онъ читалъ ее — былъ
пронунъ и доволенъ — повелѣлъ поспѣ-
шнѣ послать переводчику дорогой пер-
сень, — однакожъ думалъ, чтобъ
оспазить манускриптъ не печатавъ.
Черезъ нѣсколько часовъ онъ потребо-
валъ ее въ другой разъ, просмотрѣлъ
еще и позволилъ печашь съ упу-
щеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, между

Часть II.

С

коими — что для меня непонятно — и то было, где старый Лейбкучеръ говоритъ: „Государь мнѣ поклонился! Онъ кланяется всѣмъ честнымъ людямъ!“ — Въ тотъ же день попребо- валъ онъ пѣсу въ шредій разѣ, еще просмотрѣлъ ее и позволилъ тогда печатать безъ всякой перемѣны. „Мнѣ, говорилъ Онъ, мнѣ долженъ Онъ удовле- творить и по крайней мѣрѣ подарить столькожъ, сколько подарилъ сшаро- му Лейбкучеру (*).“ Тотчасъ отпра- вленъ былъ курьеръ за мною.

Вскорѣ попомѣ получено было про- шеніе мое изъ Тобольска. Государь прочелъ его, хотя оно и длинно бы- ло, два раза сначала до конца, и слѣдствіемъ того было отъ нѣжнаго чувства происходившее повелѣніе Эсп- ляндскому Губернатору: выбрать для меня прекрасную казенную дачу въ сосѣдствѣ моего Фриденшталя. И такъ Онъ не только жаловалъ хотѣлъ, но и самымъ пріятнѣйшимъ

(*) Двадцать тысячъ рублей.

для меня образомъ. Конечно неоспори-
мо, что эта черта происходила отъ
нѣжно чувствующаго сердца. — Близъ
Фриденшала однакожъ не нашлось та-
кой казенной дачи.

Вотъ все, что я съ достовѣрно-
стию могъ узнать о причинахъ осво-
божденія моего. Еслибъ сколькожъ
свѣдалъ о причинахъ арестованія мо-
его! но сомнѣваюсь, чтобъ когда-либо
рука времени открыла эту завѣсу.

При всѣхъ явныхъ знакахъ благо-
воленія Государева спрахъ такъ силь-
но овладѣлъ моимъ духомъ, что у ме-
ня всегда билось сердце, когда я толь-
ко увидалъ фельдбергера или Сенап-
скаго курьера, и что я никогда не
ѣзжалъ въ Гапчину, не запасшись из-
рядно деньгами, какъ бы готовясь къ
новой ссылкѣ.

При такомъ расположеніи мо-
жно себя вообразить спрахъ мой, ког-
да 16 го Декабря по утру въ восемь
часовъ Графъ фонъ деръ Паленъ при-
слалъ ко мнѣ Полицейскаго Офицера
съ приказаніемъ поспѣшь къ нему

явившся. Хотя онъ для сего выбралъ смирнаго, вѣжливаго, мнѣ знакомаго молодаго человѣка, и еще именно приказалъ ему сказать мнѣ, чтобъ я не пугался; пусть ничего худаго нѣтъ. Однакожъ одного его вида, первыхъ словъ его довольно уже было облить кровью сердца мое, а жена моя отъ того такъ встревожилась, что принуждена была принять лѣкарство.

Когда я пришелъ къ Графу фонъ деръ Палену, то говорилъ онъ мнѣ улыбаясь: Государь хочетъ обнародовать вызовъ на карусель всѣхъ Европейскихъ Государей и Министровъ ихъ. Вы должны его написать, а потомъ онъ помѣщенъ будетъ въ газеты. Черезъ часъ должно, чтобъ готовъ былъ онъ и Государь повелѣлъ, чтобъ я Ему лично оной подалъ.

Я повиновался и черезъ часъ принесъ вызовъ. Графу, лучше знавшему мысли Государя, показался онъ не довольно колкимъ. Я сѣлъ въ кабинетъ его, и написалъ другое, которое показалось ему лучше. Теперь поѣхали

мы во Дворецъ. Въ первой разѣ должно было мнѣ предстать предъ того Человѣка, Который для меня снисхожденію и щедростію, страхомъ и радостію, горестію и благодарностію моею спалъ такъ достопамятенъ, — едва желалъ я этой чести, и сомнѣвался когда-либо имѣть ее.

Долго ждали мы въ передней. Государь поѣхалъ верхомъ прогуляться; но наконецъ Онъ пріѣхалъ. Графъ Паленъ пошелъ къ Нему съ бумагами, пробылъ довольно долго, вышелъ съ досадою, и мимоходомъ сказалъ мнѣ: приходишь ко мнѣ въ два часа; надобно написать еще колѣе.

И такъ я поѣхалъ домой и удосновренъ былъ, что я чрезъ то едва ли приобрѣшу благоволеніе Государя. Едва я пробылъ съ полчаса дома, какъ придворный лакей запыхавшись вбѣжалъ въ мою комнату и сказалъ, чѣмъ я сей часъ былъ къ Государю. — Я спѣшилъ сколько могъ.

Вошедъ въ Государевъ Кабинетъ, гдѣ, кромѣ Его, былъ только Графъ Паленъ, всталъ Онъ отъ стола своего,

выступилъ на шагъ ко мнѣ и поклонясь сказалъ неизбѣнно привлекательнымъ тономъ : „Господинъ Коцебу, Я долженъ напередъ помириться съ вами.“

Меня крайне расстрогалъ неожиданной такой пріемъ. Какую волшебную силу имѣютъ Государи ! милость. — Все прошедшее испребилося изъ сердца моего.

По обряду хотѣлъ я, спавъ на колѣни, поцѣловавъ руку у Государя; но Онъ ласково поднялъ меня, поцѣловалъ меня въ лобъ и продолжалъ чисто по Нѣмецки :

„Вамъ довольно извѣстны полиграфическія обстоятельства. Я желаю, чтобъ это (у Него въ рукѣ была бумага) помѣщено было въ Гамбургскія и другія газетны.“

Потомъ взялъ Онъ меня снисходительно за руку, повелъ къ окну и прочелъ по Французски собственноручно писанную бумагу.

При концѣ Онъ самъ отъ всего сердца засмѣялся. И я обязавъ былъ смѣяться.

„Чему вы смѣялись? спросилъ Онъ меня два раза на скоро, все еще самъ смѣясь.“

Тому, что Ваше Величество такъ хорошо обо всѣмъ вѣдаете, отвѣчалъ я.

„Вопъ, вопъ! сказалъ Онъ, подавая мнѣ бумагу, переведите это. Оставьте у себя подлинникъ, а Мнѣ принесите копію.“

Я пошелъ и спалъ переводилъ. — Въ два часа по полудни я опять поѣхалъ во Дворецъ и Графъ Кушайсовъ доложилъ обо мнѣ Государю. Меня тотчасъ впустили и теперь нашелъ я Его одного.

„Садитесь,“ сказалъ Онъ очень ласково. Изъ благоговѣнія я не тотчасъ повиновался. „Нѣтъ, нѣтъ! садитесь,“ повелѣлъ Онъ нѣсколько важно. И такъ я взялъ стулъ и сѣлъ противъ Него у письменнаго стола.

Онъ взялъ Французской подлинникъ. „Прочтите.“ Я читалъ не скоро, и взглядывалъ иногда черезъ бумагу. Онъ кивалъ головою въ знакъ одобренія; потомъ благодарилъ меня ласково и сердечно за такую малую

трудъ и опнушилъ истинно раз-
стреганнаго и восхищеннаго снисхо-
дительнымъ Его обращеніемъ. Когда
только бывалъ кто когда близокъ къ
Нему, тотъ подшвердинъ, что Онъ
умѣлъ чрезвычайно пѣнять, и труд-
но, да почти и невозможно было не
быть къ Нему приверженнымъ.

Мнѣ подарилъ Онъ черезъ два дни
послѣ того табакерку, осыпанную бри-
ліантами, цѣною около двухъ тысячъ
рублей. Вѣрно никогда не заплаченъ
былъ щедрѣ переводъ слово въ слово
двадцати строкъ!

Императрица сказывалъ Онъ, что
познакомился со мною. *C'est à présent
un de mes meilleurs sujets* (*), ска-
залъ Онъ. Я это знаю отъ человѣка,
при томъ бывшаго. — Не знаю, по-
чему Государь почиалъ меня теперь
лучшимъ подданнымъ, нежели до по-
ѣздки моей въ Сибирь.

Были люди, которые осуждали
меня, что я не воспользовался прекрас-

(*) Онъ теперь изъ лучшихъ моихъ поддан-
ныхъ.

нымъ случаемъ просить Государя о новыхъ щедротахъ. Правда, Онъ самъ какъ будто ожидалъ такой прозѣбы; снисходительно милосливой взоръ Его какъ будто ободрялъ меня къ тому: но чувство мое не позволяло того и можешь быть я никогда не буду жалѣть о томъ, что путь пошерялъ.

За то не выигралъ ли я съ другой стороны неоцѣнимое благо *сложивіе*, которое такъ давно чуждо было сердцу моему: ибо теперь, когда я самъ говорилъ съ Государемъ и видѣлъ открытымъ благородное сердце Его, то исчезъ весь мой страхъ. Я теперь Его болѣе любилъ, нежели боялся, и былъ удостовѣренъ, какъ и понынѣ еще, что откровенность, прямыя поступки, безъ низости, безъ пошупленія глазъ, всегда Ему пріятны были. Должно было только угождать небольшимъ Его особенностямъ; а какъ это легко было!

Послѣ того разговора видѣлъ я множество опытовъ милости Государевой: когда только встрѣчался я съ Нимъ на улицѣ, то Онъ всегда оста-

являлся и съ минутой благово-
пительно со мною разговаривалъ. Ко мнѣ
остался Онъ по кончину свою всегда
одинаковъ, милосливъ, снисходите-
ленъ и благодушенъ. Признаюсь, что
слезы мои льются, усыпая эшими цвѣ-
тами благодарности гробъ Его!

Въ Январѣ назначили Французскіе
актеры играть въ *Эрмитажѣ* Нена-
висть къ людямъ и раскаяніе. Извѣ-
стно, что съ прежнихъ временъ
въ этомъ тѣсной кругъ Двора, кроме
Офицеровъ Гвардіи, имѣющъ доступъ
только чепыре первые класса; но Го-
сударь для меня сдѣлалъ исключеніе и
повелѣлъ именно пригласить меня въ
театръ. Съ того времени я имѣлъ
свободной входъ всегда, когда только
играли въ Эрмитажѣ.

Легко себѣ представлялъ, что серд-
це мое билось, когда я шелъ къ пред-
ставленію Ненависти къ людямъ и ра-
сканія. Оспичной игрѣ госпожи Валь-
виль въ роли Эйлалиі обязанъ я осо-
бенно, что Государь чрезвычайно былъ
тронутъ. Болѣе нежели семидесяти-
лѣтній Офренъ, который славенъ и

въ Германіи, игралъ старика. — Государь сидѣлъ за самымъ оркестромъ и для меня странно было, что во все время представленія Гвардеецъ Мальтійской гвардіи стоялъ за его креслами.

Естьли бы — при всемъ благорасположеніи и оплоти начальника моего Обергофмаршала Нарышкина, ко-его обращеніемъ я съ признательно-стію похвалиться долженъ — пре-множеспѣвомъ досадъ не надѣдала мнѣ дирекція театра: но бы я могъ утверждать, что велъ въ то время щасливую жизнь; ибо я составилъ себѣ не большой любезный кругъ, и приобрѣлъ *немногихъ* друзей — *немногихъ* только; однакожъ они сто-или *многихъ*. Въ числѣ ихъ былъ Коллежскій Совѣтникъ *Шпорахъ*, вся-кому образованному Нѣмцу извѣстный писатель, котораго я сверхъ того еще почишаю преблагороднымъ, чув-ствительнымъ человекомъ, также пра-вodusный Статскій Совѣтникъ *Сул-гофъ* съ любезною его супругою; про-стообычный Статскій Совѣтникъ *Вель-цинъ*, особенно забавный человекъ. У

насъ бывали вечеринки, гдѣ проводилъ я часы, которые долго еще въ радости - горестной памяти у меня пребудутъ. О, я увѣренъ, что и эти друзья мои часто будутъ вспоминать обо мнѣ въ дружескихъ своихъ собраніяхъ!

Но и отъ тягостной театральной дирекціи я вдругъ случайно пріятнѣйшимъ образомъ избавился. Государь совершилъ свой новой прославишійся *Михайловской* Дворецъ, и жилъ и былъ только въ этомъ какъ бы чародѣйнымъ ударомъ возникшемъ волшебномъ Замкѣ, который по счету стоилъ отъ пятнадцати до осмнадцати миліоновъ рублей. Государь перешелъ зимою изъ такъ называемаго *зимняго* въ новый Дворецъ и Ему тамъ чрезвычайно нравилось. Онъ радъ былъ водить самъ гостей своихъ и показывать сокровища мрамора и бронзы, выписанныхъ имъ изъ Рима и Парижа. Чрезмѣрная похвала, которою напурально до самой малости возносили до небесъ и вѣчное повздореніе, что ничего подобнаго не видно

въ
Нем
Замк
лор
один
ожид
таки
въ н
ной
лаев
и
чпо
но
еще
вино
том
му
не
ша
и
при
люд
мп
дре
въ

въ свѣтъ, произвели наконецъ въ
 Немъ мысль сдѣлать описаніе сего
 Замка. Самымъ лестнымъ образомъ
 поручилъ Онъ мнѣ это дѣло. Не
 одинъ разъ сказывалъ мнѣ самъ, что
 ожидаешь отъ меня чрезвычайнаго, и
 такимъ изъясненіемъ приводилъ меня
 въ немалое затрудненіе. Изъ собствен-
 ной Его библіотеки получилъ я Нико-
 лаево описаніе Берлина и Помпедама,
 и при томъ изъяснилъ Онъ желаніе,
 чтобы я описалъ предметъ свой точ-
 но такъ, но только сколько можно
еще подробнѣе.

Натурально, что я тотчасъ по-
 виновался волѣ Его; но признался при-
 томъ, что я не имѣю многихъ къ се-
 му дѣлу потребныхъ свѣдѣній; что я
 не умѣю по искусству судить о красо-
 тахъ архитектуръ, картинъ, статуи,
 и для того просилъ позволенія дать
 при мнѣ знающихъ въ сихъ частяхъ
 людей. Позволеніе на то тотчасъ
 мнѣ дано было. Я представилъ для
 древнѣйшей славнаго Надворнаго Со-
 вѣтника *Келера*, который имѣлъ

присмотрѣ за находящимися въ Архипажѣ искусственными собраніями, и свѣдущій, добрый, услужливый чело-вѣкъ. Для архитектуры выпросилъ я себѣ Римскаго Архитектора *Бренна*, а для живописи искусныхъ и любезныхъ братьевъ *Кюгельхеновъ*.

Государь ласково преподавалъ мнѣ всякое пособіе, и повелѣлъ меня всегда и вездѣ впускать въ Замкъ. Обергоф-маршалъ, какъ Капитанъ отъ Замка, въ первой разѣ самъ водилъ меня по всему Дворцу; а потомъ я смѣло принялся за дѣло.

Всякой день, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда и часино до поздняго вечера проводилъ я время въ Михайловскомъ Дворцѣ. Не проходило почти дня, въ который бы Государь не встрѣчался мнѣ здѣсь или тамъ, когда я съ записною книжкою въ рукѣ записывалъ многообразные предметы, и всякой разѣ останавливался Онъ и съ минутою разговаривалъ со мною съ плѣнительнѣйшею снисходительностію, а иногда и напоми-

наль, чѣмъ и ничего слегка, но все очень подробно описывалъ.

При такихъ обстоятельствевахъ вздумалъ я, что могу осмѣлиться просить о увольненіи меня отъ дирекціи Нѣмецкаго Придворнаго театра. Февраля 8го подалъ я письменно о томъ просьбу начальнику моему. Онъ по милости своей дѣлалъ разныя лестныя возраженія на то; и когда я настаивалъ въ моемъ намѣреніи, то онъ по крайней мѣрѣ отложилъ это до неопредѣленнаго времени. Черезъ нѣсколько дней я опять о томъ напоминавалъ ему, и не переставалъ такъ часто напоминать, пока ясно увидѣлъ, что все это напрасно. Тогда пошелъ я другою дорогою, чѣмъ облегчить себѣ нѣгосныя театральныя дѣла. Я предсказывалъ, что при безпрестанной работѣ моей въ Михайловскомъ Замкѣ, мнѣ никакъ не возможно употребить нужное время для театра, и потому, когда мнѣ отпущивали въ увольненіи, по крайней мѣрѣ просилъ опредѣлить помощника. На эту просьбу

согласились и выборъ помощника предославили мнѣ самому. Такъ получилъ я наконецъ одного изъ любезныхъ друзей моихъ помощникомъ, которому назначено было 1500 рублей жалованья и сборъ съ одного бенефиснаго представленія. На него могъ я впередъ сложить тягостнѣйшее бремя и избавишься отъ премножества досадъ.

Марта 11го дня около часу по полудни, и такъ часовъ еъ двенадцать до кончины Его, видѣлъ я и говорилъ съ Государемъ въ послѣдніе. Онъ прѣхалъ верхомъ съ прогулки съ Графомъ Купайсовымъ и былъ очень веселъ. На парадной лѣстницѣ, у самой шапуй Капитолинской Клеопатры, встрѣпилъ я Его. По обыкновенію своему Онъ остановился, и на знопъ разъ помянушая шапуй была предметомъ Его разговора. Онъ хвалилъ копію, разсматривалъ разные соршны мрамора въ пѣдесталѣ, спрашивалъ у меня названія ихъ; потомъ говорилъ о исторіи Египетской Царицы, дивился геройской смерти ея; но

улыбаясь одобрялъ меня, когда я думалъ, что она едва ли бы умертвила себя, еспѣлибъ Августъ не презрѣлъ прелестней ея. Напоследокъ спросилъ Онъ еще меня: много ли я успѣлъ въ описаніи Дворца? Когдажъ я сказалъ Ему, что оно почти готово, то Онъ ласково оспавилъ меня съ словами: „Я тому радъ.“

Я смотрѣлъ ему въ слѣдъ, какъ Онъ шелъ по лѣстницѣ вверхъ, и Онъ также у дверей еще сверху взглянулъ на меня. Мы оба конечно не предчувствовали, что въ послѣдній разъ видѣлись. — Мѣсто у Клеопатры по этому послѣднему разговору съ Государемъ стало для меня очень достопамятно, и не одинъ разъ послѣ кончины Его бывалъ я тамъ съ горестію.

Марта 12 го дня, очень рано, разнеслася вѣсть о возшествіи на престолъ достолюбимаго нынѣшняго ГОСУДАРЯ. По ЕГО повелѣнію скоро пономъ Сенатъ приказалъ напечатать при списка именъ сосланныхъ, возвращаемыхъ изъ Сибири. Лишь только

Часть II.

Т

я это узналъ, то послалъ поспѣшася слугу своего доставить мнѣ эти списки. — Съ какою поспѣшностію пробѣгали ихъ глаза мои, пока — сквозь радостныхъ слезъ — остановились на имени Соколова. — Да, и онъ свободенъ; въ эту минуту, какъ пишу сіе, прижалъ онъ уже жену свою и дѣтей къ отеческому сердцу! — Дай Богъ, чпобъ онъ также, какъ я, нашелъ ихъ всѣхъ шестерыхъ опять! — чпобъ онъ, тяжкаго сна ничего не осталось у него, кромѣ дружескаго иногда воспоминанія обо мнѣ, сострадаельца его! — И господина Киндякова и братьевъ его, и купца Бекера изъ Москвы, и многихъ другихъ знакомыхъ моихъ нашелъ я въ списокъ жизни.

По кончинѣ Государя открылась для меня надежда возвратиться въ отечество мое. Я рѣшился — коль скоро только удобно будетъ трудиться новаго Государственными дѣлами обремененнаго ИМПЕРАТОРА такою малою — просить о увольненіи. Марта 30 го дня исполнилъ я это намѣреніе,

подавъ прозьбу мою чрезъ Генералъ -
Адъютанта Князя Зубова. Апрѣля 2го
получилъ я черезъ него лестный от-
вѣтъ: „что Государь желаетъ, чтобъ
я остался въ службѣ.“ — Такая бла-
гость, такая честь, натурально вос-
препятствовала исполненію моего на-
мѣренія. Съ чувствительнѣйшею при-
знательностью представилъ я, что за
щастіе почти служить АЛЕКСАНДРУ
Досполюбимому; но при перешнемъ
положеніи Нѣмецкаго Придворнаго те-
атра неудобно мнѣ быть начальни-
комъ онаго. Когда угодно будетъ
ГОСУДАРЮ сдѣлать въ немъ полезную
перемѣну, учредить его настоящимъ
Придворнымъ театромъ и во всемъ
уравнить съ Французскимъ: то я съ
радостію всѣ силы употреблю довести
Нѣмецкой театръ до того, чтобъ онъ
достойнъ былъ одобренія Двора.

По сему получилъ я повелѣніе по-
дать планъ къ усовершенствованію Нѣ-
мецкаго Придворнаго театра. Я пови-
новался. Этотъ планъ сдѣланъ былъ со
всею возможною бережливостію. Вместо

ного, что Французской театрѣ ежегодно однимъ жалованьемъ стоить болѣе ста тысячъ рублей, обязался я содержать за шестидесять тысячъ такую труппу, которая бы не уступала Французской.

Государь отдалъ планъ мой на разсмотрѣніе Обергофмаршала, который и одобрилъ его.

„Сколькожъ по этому плану будетъ стоить Нѣмецкой театрѣ?“ спросилъ Государь.

Шестидесять тысячъ рублей каждаго годъ.

„А по сіе время сколько стоилъ?“
Ничего.

Натурально, что такой отвѣтъ удивилъ ГОСУДАРЯ. Нѣкоторымъ образомъ это было справедливо. Поощряемый усердіемъ и честолюбіемъ, я трудами и спараніемъ довелъ до того, что въ прошедшіе зимніе полгода сбору было до 32,000 рублей, и изъ этой суммы платилъ всѣ издержки. Но Господинъ Обергофмаршалъ позавылъ, что въ семь недѣль поста со-

всѣмъ никакого, а лѣпомъ очень малый сборъ былъ; что сверхъ того театръ былъ самой посредственной и очень много починокъ нужно было. Конечно ГОСУДАРЮ не лзя было входить въ такія мѣлочныя подробности, нѣмъ болѣе, что объ нихъ и не упоминано было; потому мудрено ли, что та сумма показалась Ему велика.

Я доспашочно зналъ расположе- нѣ Нѣмецкому театру, и слѣдовательно пригото- вился на этотъ случай, и — когда ГОСУДАРЮ не покажется планъ мой — присовокупилъ къ тому вторичную прозьбу о увольненіи мо- емъ; почему и получилъ я оное на- ко- нецъ и припомъ Всемилоспивѣйше пожалованъ Коллежскимъ Совѣшникомъ.

29го Апрѣля выѣхалъ я съ моимъ семействомъ изъ Пешербурга, испол- ненъ признательности къ покойному и здравспвующему ГОСУДАРЯМЪ. Въ Евѣ пробыли мы еще нѣсколько не- дѣль у Пробына Коха и благороднаго его семейства. Напущспвваемые ихъ испишно дружескими желаніями, продол-

жали мы путь свой до Вольмерстофа, помѣстья праводушнаго Барона Левеншперна, куда мы приглашены были немногими сердечными спрочками.

О, какъ билось мое сердце, когда мы подѣхали къ этому жилищу чужбинни и благодушія! наконецъ исполнялось усерднѣйшее мое желаніе! Я думалъ увидѣть здѣсь ту женщину, которая въ самую грустную мину жизни моей прислала мнѣ вспоможеніе, какое могла! какъ неперпѣливо желалъ я прижать ея руку къ губамъ, къ сердцу моему! — Я думалъ также увидѣть молодаго человека, который проливалъ слезы обо мнѣ и съ братскою любовью спарался облегчить нияжкую учась мою! — Первый, кто мнѣ встрѣтился, какъ я выскочилъ изъ кареты, былъ Каммергеръ Бееръ. Какія разнообразныя чувствованія взволновали мою душу при его встрѣчѣ! — Тотчасъ потомъ пришла и Госпожа Левеншпернъ. Я не могъ ничего сказать ей; но признавательныя слезы на глазахъ моихъ вѣрно говорили вмѣсто

меня. Заботливо искалъ я добраго сына ея; онъ спѣшилъ въ мои объятія, и я съ брашною любовью прижалъ его къ моему сердцу. — О, какъ сладосивно воспоминаніе претерпѣнныхъ сираданій въ кругу участвующихъ друзей!

Здѣсь получилъ я еще нѣкоторыя объясненія, до моей исторіи касающіяся. Писанныя мною въ Шпоксманстофѣ письма Каммергеръ Бееръ послалъ всѣ къ благородному Рижскому Губернашору, съ исключеніемъ однакожъ — какъ я и прежде догадывался — одного на имя Графа Кобенця, потому что оно бы могло мнѣ вредить. Губернашоръ не обвиняясь опираилъ всѣ къ Государю, которой въ первую минушу крайне прогнѣвался моимъ уходомъ и ошписалъ къ нему: „чтобъ онъ немедленно потребовалъ Каммергера Беера въ городъ и сдѣлалъ бы ему испрогой выговоръ за то, что онъ ошважился позволивъ писать письма Государственному арестаншу.“ — Такой выговоръ, заключающій въ себѣ похвалу сердцу Гос-

година Беера, подлинно былъ ему сдѣланъ; но можно себѣ представить, сколько челоѣколюбивый Губернапоръ пономъ своимъ смягчилъ суровость онаго.

Еще я свѣдалъ, что Ш. . . ибъ подлинно показывалъ Каммергеру Бееру иредписаніе, ему данное, и что поному конечно опасно бы было сильнѣе того, какъ было, вступаться за меня. — Благоразумнаго и хладнокровнаго Господина Простеніуса испарался Господинъ Бееръ оправдать. Но я не виноватъ, что чувствіе мое отвергало всѣ его причины.

Проживъ очень щасливо малое время въ Вольмерстофтъ, поѣхали мы въ Ригу, гдѣ ожидали насъ новые, не менѣ нѣжные друзья. Хотя я не нашелъ тамъ праводушнаго Губернапора Рихшера, который, по несчастію, за болѣзнію жилъ въ деревнѣ; но доброму чувствительному другу моему *Энкарду* и благородному врачу *Штофрегену* изъяснилъ я искреннѣйшую мою благодарность. Въ райскомъ *Графенгейдѣ*, загородномъ домѣ первато, провели мы

нѣсколько радостныхъ дней, и наконецъ поѣхали опшуда благословляя и благословляемы.

Здѣсь узналъ я между прочимъ, что письмо, женою моею писанное къ Герцогинѣ Веймарской, также Почтмейстеромъ послано было къ Государю; что Государь его читалъ, но потчасъ возвратилъ съ повелѣніемъ осторожно опять занебашать и отправить по надписи. Друзья мои изъ сего обстоятельства почерпнули благоприятную надежду, и вѣрно это письмо, съ котораго имѣю и у себя копію, произвело спасительное дѣйствіе въ чувствительномъ сердцѣ Государя. Такъ можетъ быть *отчасти* обязанъ я освобожденіемъ моимъ и той, которой охотнѣе всѣхъ обязанъ имъ — именно милой женѣ моей.

Въ Митавѣ не нашли мы уже Господина Губернатора; онъ былъ отставленъ. Жаль было, что то же случилось и съ честнымъ Надворнымъ Советникомъ Селлинымъ, бывшимъ пограничнымъ таможеннымъ начальникомъ.

Часть II.

У.

Я не видалъ его; но видѣлъ Офицера, провожавшаго меня до Мишавы, Поручика Богословскаго. Онъ встрѣшилъ меня какъ стараго друга; намъ должно было у него завтракать. О, какъ оживилось въ памяти нашей аρεопованіе мое здѣсь! Но какое благодѣяніе природы, что воспоминаніе претерпѣнныхъ оправданій по же удовольствіе доспавляеиъ — еспыли еще не болѣе — какъ воспоминаніе прошедшихъ радостей! Я освѣдомлялся о вѣжли-вомъ козакѣ, который тогда сидѣлъ у насъ на козлахъ, и хотѣлъ одарить его; но на то время его нуть не было.

Когда же мы поѣхали далѣе — тогда миновали караульную — шлагбаумъ опустился за нами, и скоро увидѣли Прусскаго орла. — О! для чего спыдились мнѣ признаваться, что я залился слезами, и въ сердечныхъ объяніяхъ доброй жены моей у сердца ея тихо наплакался. Не потому, чтобъ я теперь только обрадовался чувствованію избавленія — о нѣтъ!

АЛЕКСАНДРОВО Имя обеспечиваетъ всякаго беспорочнаго челоѣка въ безопасности его; — но смященіе различныхъ сильныхъ чувствъ вынудило у меня сладостныя и слезы: взгляды на мѣсто моего оправданія, во оживленіе того случая — воспоминаніе невольной шоски, съ которою я за годъ ѣхалъ по этой же дорогѣ — противность съ непрерывнымъ ощущеніемъ моимъ — щастливый, такъ малочаянный оборотъ судьбы моей — благодареніе Богу, что мои милые опять со мною были — что пагубный тяжкой сонъ переѣвился въ такое радостное пробужденіе: — все это изъ сердца ударило мнѣ въ глаза, и съ торжественною неизъяснимою горестію поздравилъ я владенія Фридриха Вельгейма Трепьяго. Въѣзжая въ предѣлы его, казалось мнѣ какъ будто я уже въ моемъ отечествѣ.

Въ Кенигсбергѣ видѣлъ я Графа Кутайсова. Онъ болѣе всякаго могъ открыть мнѣ причины започенія моего. Я давно уже зналъ его, но конеч-

но въ такое время, когда бы не лично было мнѣ спрашивающъ его о ка-
савшемся до меня. На что не могъ
я ошважипься въ Пелпербургъ, по-
мѣлъ не обинуясь сдѣлать здѣсь; по-
тому я извѣявилъ ему желаніе зная,
что подлинно побудило Государя
къ такому чрезвычайному поступле-
нію со мною: — онъ съ неложною
ошкровенностію ошвѣчалъ мнѣ, что
совсѣмъ никакой насшоящей причины
не было, кромѣ того, что я какъ пи-
сатель былъ подозримеленъ Государю.
Но вы видѣли, присовокупилъ онъ,
какъ скоро и охотно Онъ поправлялъ
свои ошибки. Онъ васъ любилъ, дока-
зывалъ вамъ это всякой день и далѣе
бы еще болѣе доказалъ.

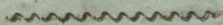
Да почіемъ въ миръ прахъ Мужа,
всегда *доброе и справедливое* безъ
лицепріятія *желавшаго* и безчислен-
ныя *благодѣянія* шворившаго!! —

К О Н Е Ц Ъ.

въ такое время, когда бы не при-
но было мнѣ спрашивать его о ка-
немся до меня. На что не могъ
оправдаться въ Петербургѣ, по-
лъ не обинуясь сдѣлать здѣсь; по-
ду я извѣдывалъ ему желаніе знать,
подлинно побудило Государя
такому чрезвычайному поступле-
со мною: — онъ съ неложною
кровенностію, отвѣчалъ мнѣ, что
сѣмъ никакой настоящей причины
было, кромѣ того, что я какъ пи-
тель былъ подозрѣтеленъ Государю.
вы видѣли, присовокупилъ онъ,
въ скоро и охотно. Онъ поправлялъ
и ошибки. Онъ васъ любилъ, дока-
залъ вамъ это всякой день и далѣе
еще болѣе доказалъ.

Да почтѣмъ въ миръ прахъ Мужа,
гда доброе и справедливое безъ
препятствія желавшаго и безчислен-
наго благодѣянія творившаго!!

К О Н Е Ц Ъ.

Colour Chart #13

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

Centimetres

Inches

DANES
-PACTA
-COM

т.
а.
б.
по.
о-
о,
оя
е-
ю
по
ны
и-
ю.
б,
б
ка-
те

ка,
б
ен.

5р. 50к.

